

Лондон должен быть разрушен!

*В ВИХРЕ
ВРЕМЁН*

*Русский десант
в Англию*

Герман РОМАНОВ

Новый военно-фантастический боевик от автора бестселлеров «„Попаданец“ на троне» и «Переход Суворова через Гималаи»! Увенчанный Коронай Российской Империи, «попаданец» из будущего бросает вызов «Владычице морей». Броненосцы адмирала Ушакова атакуют флот Нельсона при Трафальгаре. Осадный корпус Кутузова штурмует Гибралтар. Барклай де Толли возглавляет восстание шотландских горцев. Авангард Багратиона захватывает плацдарм у Гастингса, обеспечив высадку на Британские острова Десантной армии под командованием генералиссимуса Суворова. Битва за Англию началась! ЛОНДОН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН!

- [Герман Романов](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ДЕНЬ ПЕРВЫЙ](#)
 - [ДЕНЬ ВТОРОЙ](#)
 - [ДЕНЬ ТРЕТИЙ](#)
 - [ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ](#)
 - [ДЕНЬ ПЯТЫЙ](#)
 - [ПОСТСКРИПТУМ](#)
 - [ВМЕСТО ЭПИЛОГА](#)
-

Герман Романов

ЛОНДОН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН!

РУССКИЙ ДЕСАНТ В АНГЛИЮ

Выражаю искреннюю признательность моим старым друзьям из Иркутского издательства «Сарма» — Валерию Кожучкову и Алексею Щипицину. Сердечно благодарю Тимофея Воронина, без помощи которого не удалось бы написать эту книгу.

*Петербург,
17 марта 1804 года*

— Я недавно прочитал ваши стихотворения, поручик. Талант у вас, Денис Васильевич, огромный, признаю охотно!

Петр с хорошо скрытой усмешкой посмотрел на невысокого юношу в расшитом гусарском ментике, что навывтяжку застыл перед ним. Да что там — маленького роста, самую чуточку кривоногий, с черной кучерявой гривой густых волос. Взгляд дерзкий, отнюдь не испуганный — как-то не испытывает молодежь ныне трепета перед императором, не то что в былые времена.

— Осмелюсь спросить, ваше величество, какие мои стихи вам пришили по сердцу?

— Дерзок, дерзок... — усмехнулся Петр, покачав головой.

— Так я гусар вашего величества, государь!

Поручик чуть выпятил широкую грудь, отнюдь не аристократическую, продолжая «поедать», как велит устав, монарха взглядом, вот только в его карих глазах запрыгали веселые бесенята.

— Ваши басни, поручик, просто замечательные, в точку попали. — Петр улыбнулся самыми краешками блеклых губ и с наигранным пафосом продекламировал: — «И может, как же быть, твое величество о камень расшибить!» И про «пешки» здорово сказано. Вам принадлежит эта басня, милейший Денис Васильевич?

— Да, ваше императорское величество! «Голова и ноги»! — Поручик говорил решительно, но в его глазах Петр впервые уловил смятение. — Только в тексте у меня было написано «высочество», на «величество» его изменяют переписчики. А «шашки» на «пешки»!

— Ну и правильно, что изменяют, басня никак не должна быть приглажена. Тогда она разит беспощадно своей критикой. Как острая сталь клинка! Этим характерно другое ваше произведение — про некого тирана, в котором легко угадать меня. Хотя название и спряталось под стыдливое «Зеркало». Эпилог в ней просто замечательный! «Велел в Сибирь сослать, чтоб эта была на правду походила!»

Петр с наигранным смехом посмотрел на поэта — тот, насупившись как сыч, молчал, переминаясь с ноги на ногу.

— Мне интересно, Денис Васильевич, это какого мудреца, наделенного столь выдающимися государственными способностями, я повелел сослать на каторгу?! Государственного секретаря Михаила Андреевича Сперанского тоже прямо-таки разбирает любопытство — он готов взять сего выдающегося мужа на службу немедленно! Вы только откройте нам его имя, милейший поручик!

Гусар закрихтел, отвел глаза в сторону, его лицо приняло крайне смущенное выражение. Петр с отеческой усмешкой, в которой спряталась малая толика злорадства, молча наблюдал за молодым офицером: «А что же ты хотел, сукин сын? Сочинил два пасквиля, гоголем расхаживал три дня по столице, купаясь в лучах славы, полученной или от недоумков, гордящихся своим пресловутым фрондерством, или от законченных мерзавцев, польстившихся на презренный металл. А тут тебе славы, парень, не будет! Я на тебя ушат воды вылью! Честно сказать, устроил бы хорошую порку, да нельзя, как ни крути, талант у тебя изрядный. Таких, как ты, побереечь стоит, не столь у нас много хороших поэтов, чтобы всех дерзких остракизму предавать!»

— Ваше величество! Я не имел в виду вас, государь! Мудрец — это собирательный образ, который относится ко многим странам. Взять того же Томаса Мора...

— Вы мне налима за корягу не заводите, поручик! Откуда в Англии Сибирь, скажите на милость?!

— Так это тоже нарицательное имя, ваше величество, просто Сибирь для рифмы лучше подходила...

— Угу! — буркнул Петр и с пафосом произнес: — Ради красного словца не пожалею и отца! Так, что ли, поручик?

— Ваше императорское величество, творчество имеет неведомые пути...

— Ой ли?! Сомневаюсь в том я, милейший! Решили в революционера поиграть? Как же, суровенек батюшка-государь, дворянство свое верное избидел, крепостных у них отобрал! Не дает недорослям девок крестьянских портить на сеновалах да в поместьях штаны просиживать?! Службы от них еще требует, да под пулями!

— Государь, ни мой род, ни я никогда не отказывались от долга перед Отечеством и всегда верно служили вашему величеству!

Поручик побагровел, с самым оскорбленным видом посмотрел на Петра. Правая рука гусара произвольно дернулась к рукояти сабли, но пальцы тут же одернулись. Сдержал порыв офицер, ибо в противном случае в этом движении можно было усмотреть намек на цареубийство.

— Это сейчас, поручик, в нынешнее время. А сорок лет тому назад ваш дедушка, царство ему небесное, такие вещицы вытворял со своими крепостными, особо с девками...

Петр злорадно улыбнулся, глядя на сконфуженное лицо гусара, по которому расплылись стыдливым румянцем пятна, и с улыбкой на губах закончил, но жестким голосом:

— Хотя его чудачества можно счесть довольно невинной забавой, особенно на фоне деяний Салтычихи, что умертвила больше сотни дворовых девок и мужиков. Или иных аристократов, что с пистолетами в руках выходили на «охоту» в загоны, где вместо дичи бегали мужики и бабы! Ах, как хорошо они над рабами своими куражились! Многие из этих образованных дворян кресты на шее носили, в церковь ходили, а души православные самым злодейским образом губили. Крепостных за людей не держали, хуже, чем с рабами, обращались!

— Государь, я противник рабства, и поверьте, ваше величество, такие ироды осуждаемы всем дворянством!

— Охотно верю, Денис Васильевич. Потому я до сих пор на престоле, что дворянство, по большому счету, отказалось от рабства. Скажу более того — оно просто не успело привыкнуть к своему положению, ибо вслед за манифестом о вольности последовало и освобождение крестьян. Хотя потребовалось сорок лет, чтобы изжить рабство окончательно. И вот тут ваши стихи, Денис Васильевич, в которых вы выступили рупором части, да-да, именно части, не спорьте, дворянства. Отбросим всякие экивоки в сторону! Скажите мне прямо, поручик — чем вы недовольны и в чем вы меня обвиняете? Говорите честно. Даю вам слово, что этот разговор останется между нами и последствий для вашей службы не будет.

Гусар побледнел, щека произвольно дернулась, он медленно выдохнул из себя воздух, будто купальщик, собирающийся прыгать в ледяную воду. Хотя такое сравнение не совсем подходящее — поэт больше напоминал солдата, собирающегося бежать в атаку из спасительного окопа напрямик под смертоносные пулеметные очереди.

— Ваше величество, вы очень многое сделали для России, народ на вас просто молится...

— Оставьте славословие! Вы офицер, а не торговец, расхваливающий залежавшийся товар!

— Ваше величество, пропало семь человек, молодых дворян, которых вы, по общему мнению, тайно казнили. И мне, как и многим другим офицерам, будет интересно узнать, чем они вызвали ваш суровый гнев и в чем виновата их сестра?

— Вы говорите о Зубовых?!

Губы Петра сложились в жестокую гримасу, вспыхнувшая ненависть моментально опалила душу. Два прошедших года не остудили душу, которая опять взывала к мести.

— Да, государь, прошу простить. Мне бы хотелось знать, за что эти люди подверглись столь странному забвению. Что с ними, ваше величество? И в чем перед вами оказалась виновата Ольга Александровна, что вы с ней сделали? Правду ли говорят, что вы прямо домогались ее любви?

— Ну что ж, — тихо протянул Петр, — вы храбрец, поручик, и осмелились меня спросить о том, о чем другие помалкивают. А потому отвечу прямо — я убил братьев Зубовых, а также князя Яшвиля, Саблукова, Аргамаква и Марина. Ольгу Зубову изнасиловал, но жизнь оставил, упрятал, правда, в монастырь на вечное заключение...

— Значит, все правда... — тихо прошептал поручик, потрясенно глядя на Петра. — Ради своей похоти вы, ваше величество, казнили ее братьев и друзей и после этого...

— Не торопитесь с выводами! Я сказал, убил, а не казнил! И убил собственными руками, в бою, лоб в лоб! С одной шпагой в руке против многих пистолетов! А эта милая женщина, как вы говорите... Эта тварь до этого застрелила в спину двух моих казаков!

— Как так?! — Поручик совершенно растерялся и побледнел, кое-как выдавив из себя: — Но мне говорили...

— Да мало ли что говорили, Денис Васильевич?! Главное — кто говорил и почему. Вы не задавались простым вопросом: почему молчат родственники всех жертв моего «произвола»?!

Последнее слово Петр выдавил с нескрываемым сарказмом. Перед глазами в его памяти плыл мост, на котором лежали тела убитых, и Зубова, что держала в руках плюющий свинцом револьвер.

— Они молчат, ваше величество.

— А вам никогда не приходило в голову, поручик, что они молчат не из-за страха перед Третьим отделением или жандармами, а из-за чудовищного стыда! И всплыви правда о тех днях двухлетней давности, как их фамилии будут навек опозорены?!

— Но что произошло, государь?

— Измена, поручик, измена! Вот слово, которое объясняет всю эту историю, грязную и подлую. Английский посол Уинтворт пообещал «сим благородным господам» два миллиона рублей. Золотом! И даже выплатил задатком сто тысяч. Они подстерегли меня в Гостилицах, на мосту... Засада была подлой. Эта стерва убила двух моих казаков, а потом начала стрелять в меня. Я смог заколоть князя Яшвиля и из его револьвера застрелить двух заговорщиков. А там был и сам ранен пулей, но смог спастись — конь унес меня в болото, где пал. — Петр говорил тихо, лицо почернело, воспоминания прямо душили, сжимая горло, и он буквально выдавливал из себя слова. Молодой поэт с бледным как мел лицом, горящими глазами пристально смотрел на него, боясь пропустить не только каждое слово, но и вздох.

— Они гнали меня, как «красного зверя», Денис Васильевич, всю ночь. Почти безоружного, смертельно уставшего старика преследовали четверо молодых убийц, увешанных пистолетами и кинжалами. На болоте я вступил с ними в последнюю схватку. В меня стреляли в упор, но я, как видите, остался жив. Там мне удалось убить всех Зубовых и Саблукова — зарезал шпагой моего деда Карла!

— Это правда, государь?

— Что зарезал?!

— Нет. Что эта шпага досталась вам от самого...

Молодой гусар осекся, в глазах ужас сменился восхищением.

— Правда, Денис, хотя она невероятна. Но на болоте я встретился с дедом во второй раз... Он же и излечил меня от раны...

Нисколько не чинясь и совершенно не стесняясь, Петр чуть приспустил с себя брюки и ткнул пальцем в багровый шрам, оставшийся отметиной на его теле.

— За одно его единственное прикосновение сразу же зажило, сам удивляюсь. — Петр быстро привел в порядок одежду, туго затянул ремень и бросил взгляд на гусара, который прямо застыл столбиком, задумчиво потирая лоб.

— Так вот оно что выходит, ваше величество! Так британцы не только на ваших сыновей покушались, государь, но и на вас самих, дабы смуту в нашем Отечестве завести? А Зубовы... Иуды! Простите меня, ваше величество, и за эти басни глупые тоже...

Офицер сглотнул, кадык дернулся на горле — парня явно душил стыд. Гусар встал перед ним на одно колено, склонил голову. Петр машинально провел ладонью по курчавым жестким волосам и тихо произнес:

— Встаньте, поручик, я не икона, чтоб передо мной на колени падать. Вы совершенно правы, молодой человек, англичане задумали разом решить все проблемы, убив меня и моих сыновей. Но Бог хранил великих князей, и с его помощью я одолел польстившихся на проклятое золото мерзавцев. Знаете что, поручик, езжайте-ка вы на Валаам и там, в монастыре, побеседуйте с Зубовой. Надеюсь, что после разговора с ней вы поймете, насколько молва может исказить истину. Жизнь ведь не роман, в котором благородные юноши спасают прекрасных девушек из кровавых лап похотливого тирана. В жизни может быть не совсем так, вернее, совсем не так — благородные юноши могут оказаться подлыми предателями, помогающими врагу и способными за тридцать сребренников совершить убийство. А за прекрасной внешностью девицы скрывается злоба и коварство, в бокале вина, принятого из ее нежных ручек, может быть подсыпан яд. А насчет похотливого тирана...

Петр тяжело вздохнул, взмахнул рукою и медленно прошелся по кабинету, искоса посмотрев на молодого поэта. По лицу гусара снова поплыли красные пятна стыда.

— Денис Васильевич, вы бывали когда-нибудь в бою?

— Простите, ваше величество, еще не приходилось. Но я жажду пролить кровь за Отечество!

— Жаждете? Хм... Пролить, конечно, кровь за Россию можно и нужно, но не раньше, чем наши супротивники прольют кровь за свою родину. Так вот к чему это я... Мне приходилось ходить со шпагой в руке в атаку, и я понимаю своих солдат, когда они, распаленные бешенством, под пулями врага врываются в крепость. А там ведь есть женщины и вино...

— Я понимаю, государь, все понимаю. Простите меня великодушно! Я не знаю, смог бы сам изнасиловать, гм... эту особу, но убил бы точно! Задушил бы собственными руками! Стыд-то какой! Чтобы русские дворяне покусились на свое же Отечество и предали его! Благодарю вас, государь, что сохранили все в тайне и позор не обрушился на многие семьи.

— Вот потому-то и ходят слухи, поручик, и правды не ведают, ибо рассказать ее нельзя! — Петр скривил губы и с нескрываемым огорчением вздохнул.

— Можно, государь! Я стихи напишу! Нет, басню клеветникам России, иносказательно, но все поймут!

— Пишите, поручик, пишите. У вас еще есть неделя, ибо предстоит вам вскоре отправиться во Францию, где вы станете адъютантом генерала князя Багратиона. Я удовлетворил ваше прошение, поручик!

— Во Францию?! Так десант в Англию будет! — Поручик аж задохнулся от счастья, его лицо приняло неопишемое блаженное выражение. — Государь, самым счастливым днем моей жизни станет тот, когда вы мне прикажете положить живот на алтарь Отечества!

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

27 июня 1804 года

Булонь

— Петер, спаси его!

Петр вздрогнул, машинально обернувшись на громкий крик жены, и в великом изумлении осознал, что находится в своем любимом Петергофе, на берегу канала, в котором когда-то он спас Григория Орлова.

Еще краем глаза император заметил, как далеко в стороне стоят люди, столпившись у накрытого яствами летнего столика. Среди бело-розовых платьев придворных дам выделялись синие чекмени казаков и ливреи дворцовых слуг.

— Этого не может быть... — пробормотал Петр в полной растерянности — в глаза попали до боли знакомые лица.

Сотник Данилов, но еще молодой, о чем-то говорил с арапом Нарциссом. Верный царский слуга, такой же подвижный, как сорок лет тому назад, только кивал в ответ казаку.

— Они же померли!

Петр потер ладонью глаза, не в силах поверить увиденному, но мираж не растаял, Нарцисс с Даниловым никуда не исчезли, наоборот, подпрыгнули на месте, услышав призыв императрицы, и резво бросились к нему.

— Петер, спаси же его!

Пронзительный крик снова раздался за спиной, и только сейчас Петр обернулся на звук родного голоса.

Като стояла перед ним такая же молодая, на оголенной ключице алела кровью пулевая ссадина. Женица протягивала тонкие руки к голубой глади канала, по которой плясали воздушные пузыри.

— Твою мать! Я в прошлое перенесся?

Петр снова помотал головой, не в силах поверить собственным глазам, и еще раз быстро окинул взглядом парк. Нет, это был не мираж — дворец недостроенный, дорожки отсвечивают желтым песком, как в тот первый день, в который он сражался здесь с мятежными гвардейцами. И Данилов с арапом продолжают суматошно бежать к нему, а все свитские только сейчас вышли из ступора и начали суетиться.

— Точно! Снова в прошлое попал, на сорок два года время сдвинулось, — прошептал Петр. И тут его взгляд зацепил лежащую на траве трость, данную ему когда-то самим Петром Великим в ту первую кошмарную ночь в крепости Петерштадт.

«Все правильно — этой палкой я Гришку по голове и ударил, и он сейчас пузыри со дна пускает. Невероятно! Снова попал в прошлое! Как такое может быть?!»

Однако ответа на этот вопрос сейчас у него не последовало, так как Като упала перед ним на колени и протянула руки. Милый голос завибрировал невыразимой мольбой:

— Петер! Спаси его, дурака!

«Это не по сценарию, она в прошлый раз такого мне тогда не кричала. Хотя... Так ведь я ж просто затормозил, вот Като сейчас и крикнула. Господи праведный! Так ведь история измениться может, если я с этим козлом промешкаю! Не дай бог, если эта скотина утонет!»

Мысль прямо ошпарила его крутым кипятком — Петр только сейчас сообразил, что если молодой гвардеец, любовник жены, утонет, нахлебается до смерти воды в Петергофском

канале, то никогда не станет князем Аляскинским и история может пойти в неблагоприятном для России варианте — уж больно полезен, энергичен и деятелен оказался Григорий, впрочем, как и все братья Орловы.

— Петер, спаси!

Отчаянный крик жены хлестанул по нервам, и Петр, как был в мундире, рванулся к синей глади, оттолкнулся ногой и ухнул в воду, разбрызгивая во все стороны солоноватую балтийскую воду.

— Ой-я-я!!!

Он ожидал упасть в летнюю прохладу канала, но ощущение было таково, словно погрузился в прорубь где-нибудь в районе Якутска. Холод оказался не просто лютым — у Петра свело зубы, он сразу понял, что через несколько секунд сам превратится в ледяную скульптуру. В отчаянном усилии император стал шарить руками по илистому дну, и вскоре пальцы зацепили длинные волосы.

«Неужто Гришку за косичку ухватил?!» — мелькнула радостная мысль, ибо в прошлый раз, как помнил, он с трудом нашел утопленника по мундиру. Петр мертвой хваткой уцепился за волосы и моментально устремился к поверхности.

К свету! Тому благодатному свету, что дает жизнь всему живому.

— Ух-х! — Петр с шумом выдохнул воздух, разевая рот, как вытащенная на берег рыба. Холод стал потихоньку исчезать, по жилам весело заструилась кровь, в груди потеплело.

— Вот твой любовничек, Като, — радостно возвестил Петр и уже двумя руками потянул утопленника за волосы. Однако вместо ожидаемой тяжести его пальцы вытолкнули из глубины что-то легкое. И тут же из-под воды показалась голова, но какая-то маленькая, явно не орловская, и покрытая к тому же длинными белокурыми волосами.

— Что за чушь?!

Слова сами слетели с онемевшего языка. Петр оторопело смотрел на приподнимающуюся макушку, уже осознав, что это может быть кто угодно, но никак не Григорий Орлов.

— Спасибо тебе, мой милый! Ты спас меня... и своего ребенка...

Слова вначале поразили Петра стремительным ударом кинжала, а потом словно кувалдой ударили в лоб. Петр мог бы поклясться чем угодно, что узнал этот голос — столь же завлекательный, как и ненавистный.

— Ты... Сука... Откуда...

Петр остекленевшими глазами оторопело уставился на Ольгу Жеребцову, что обнаженной русалкой вынырнула из промозглой глубины. И почувствовал, как его сердце почти перестало стучать в груди, а кровь стала превращаться в ледяное крошево.

— А-а-а!!!

В диком страхе Петр отшатнулся от женщины, рухнул в воду и тут же обо что-то ударился...

— У-у-у!!!

Перед глазами возникла привычная картинка — белокурая русалка загадочно прищурила глаза, как бы с усмешкой взирая на русского императора. И даже почудился ее тихий, еле уловимый голосок: «Ну что, хочешь поплавать со мной?!»

— Так это только кошмар! — с облегчением выдохнул император и снова взглянул в похотливые глаза хвостатой женщины, вздрогнул, чувствуя, как на голове встали волосы дыбом, — ему показалось, что изображение в ответ подмигнуло зовущим оком.

— Не дожدهшься, стерва! — злобно пробормотал Петр на немое предложение и, с силою скомкав простыню, принялся утирать обильный холодный пот, который полностью покрыл его тело.

— Ох, французы, ну и затейники! Бесовщину удумали, кошмары на меня нагоняют. Припомню вам это гостеприимство! Нашли моду — всякую нечисть в дом тащить и православному царю в опочивальню вешать!

Лондон

— Подлые москвиты!

Премьер-министр Королевства Великобритания Уильям Питт, к фамилии которого всегда добавляли приставку «младший», дабы отличить его от отца, что тоже в свое время занимал эту ответственную должность, пребывал в прескверном настроении.

Война с русскими приняла самый дурной ход, который невозможно было представить даже в кошмарном сне. Первые яркие победы почти сразу сменились полынной горечью поражений. Весь Лондон радовался, расцветился флагами, когда в столице получили известие о блестящей победе над датчанами в Копенгагене.

Однако не прошло и семи дней, всего одной недели, как поступило сообщение, повергшее англичан в шок. Никогда еще столь многочисленная британская эскадра, несущая гордый флаг Святого Георгия на мачтах своих кораблей, не терпела столь жесточайшего разгрома.

И от кого, скажите на милость?!

— Коварные твари!

Уильям Питт сжал кулаки до хруста в бессильной злобе. Противостоять дьявольскому, бесчестному оружию москвитов флот Его Величества не смог. Несколько столетий Британия властвовала на морях, и теперь все англичане, от почтенного лорда до последнего бродяги, с пронзительной отчетливостью осознали — могущество империи находится под страшной угрозой. Вопрос уже идет о самом ее существовании, ибо разбитые союзники предали, а враги сплотились.

Любому премьер-министру такой ход событий стоил бы кресла, но не Уильяму Питту-младшему, ибо только он выступил инициатором этой борьбы с русскими, предложив нанести превентивный удар.

К великому сожалению, из-за халатности посла Уинтворта, уже понесшего заслуженное наказание за пренебрежение долгом, не удалось убить русского медведя в его берлоге и тихонько, чужими руками, поодиночке, передавить его подросших волчат, столь же опасных, как их отец.

Хуже того, теперь нет ни малейшей возможности взять даже короткую передышку, ибо русские и французы настроились воевать до последнего солдата и за два года нанесли британским и союзным им австрийским и турецким войскам ряд унижительных поражений.

Потеря Индии, этой «жемчужины» Британской империи, вызвала по всей стране единодушный взрыв общественного негодования. Палата общин настояла на том, чтобы и дальше возглавляемое Питтом правительство вело эту справедливую войну против подлых и наглых захватчиков.

Все отчетливо поняли, насколько он, Уильям Питт, был прав — не начини британцы боевые действия, то московитский царь, известный своим византийским коварством, напал бы первым, и последствия такого обычного у русских вероломства для Английского королевства были бы намного тяжелее, а ущерб значительней.

— Куда уж хуже...

Питт с тоскою посмотрел на серую туманную мглу, царящую в ночном Лондоне, несмотря на жаркий летний день. Дождь прошел, и утро обещало быть добрым.

Вот только сна не было ни в одном глазу — пришедшие вечером вести оказались крайне

неприятными. И самое страшное, что Уильям Питт-младший совершенно не предполагал, откуда следует еще ожидать очередного удара...

Доггер-банка

— Вроде стреляют, ваше превосходительство!

Вице-адмирал Сенявин внимательно прислушивался, ловя звуки в сгустившемся тумане. Видимость на море была отвратительной, мили на две, и то с плавающими молочными прожилками перед глазами, а то и большими сгустками, через которые ничего не увидишь.

И ничего тут не поделать: проклятье здешних мест, богатых рыбой, именно туман. Таково все Северное море, капризное и своенравное, постоянно изменчивое, как ветреница столичного полусвета.

— Ей-богу, стреляют, Дмитрий Михайлович!

Командир линейного корабля «Петербург» капитан первого ранга Астафьев чуть ли не подпрыгивал от нервного возбуждения, напряженно вслушиваясь, как и другие русские офицеры и матросы, в молочную серость утренней дымки.

— Палят глухо, но то не ружья, ей-богу!

Снова напрягся и Сенявин — в свои сорок лет он не жаловался на плохой слух. И точно, где-то далеко впереди словно деревянной колотушкой стучали по дубовой бочке — «бух, бух». Так могут бить только пушки, причем залпами. Далековато, конечно, тем паче над морем, да еще в тумане, звук далеко расходится.

— Ей-богу, наши датчане дерутся, ваше превосходительство. Нужно союзников выручать!

Вице-адмирал нахмурился, и Астафьев осекся, поняв, что не его дело давать советы командующему. Но возбуждение, от которого слегка постукивают зубы, обычное перед схваткой, было не унять.

Все русские прекрасно знали, что именно здесь, у Доггер-банка, назначена точка randevu идущей от берегов Шотландии русской эскадры с датско-шведским объединенным флотом под командованием вице-адмирала Ольферта Фишера.

Возможно, датчане, которые должны прийти сюда на пару дней раньше, нарвались на британскую эскадру, потому что другим военным кораблям здесь делать больше нечего. Да и нет уже у России иных врагов, кроме обложенных на своем проклятом Острове англичан!

— Да, вы правы, капитан. Это действительно стреляют пушки, причем залпами! До них миль пять, не больше!

Дмитрий Михайлович больше не колебался, памятуя старую русскую истину, накрепко вбиваемую в голову с детства: «Сам погибай, но товарища выручай».

Вице-адмирал поправил алый, как кровь, крест Святого Владимира третьей степени с мечами, дарованный ему за командование авангардом в победном Борнхольмском сражении, напряг горло и громко рывкнул, молниеносно приведя команду своего мощного 72-пушечного флагмана из застывшего состояния в здоровый матросский кипеш:

— Поднять пары! Корабль к бою подготовить!

А сам мимолетно подумал: повезло, что утро уже начало вступать в свои права. А то в этой молочной белизне можно было не только потерять мателотов, ведь в кильватере идут два десятка кораблей и транспортов, но и сесть килем на какую-нибудь песчаную банку. Глубины здесь не ахти какие, потому тут вечно снуют в большом количестве рыбаки, вытягивая из прогретого солнцем мелководья забитые серебристыми тушками сети.

Памятуя об этом и нахмутив лоб, русский адмирал недовольно буркнул себе под нос:

— Не потопить бы ненароком какую-нибудь рыбацкую посудину! Вечно они под ногами

путаются!

Кадис

— Мы попали в ловушку!

Вице-адмирал Пьер-Шарль де Вильнев, еще молодой сорокалетний мужчина, медленно прохаживался по шканцам и уныло поглядывал по сторонам. Сон его совершенно не брал, и он вышел на палубу, чтобы полюбоваться восходом.

Поднимающееся над кромкой горизонта солнце только начало освещать красным блеском самые края дальних гор, но при блеклых отсветах можно было хорошо разглядеть сгрудившиеся в бухте многочисленные корабли, которые, как казалось на первый взгляд, полностью заполнили отнюдь не маленькую гавань.

Союзный франко-испанский флот представлял собою весьма внушительную силу. Под французским флагом насчитывалось 23 линкора — все, что имелось у республики.

Еще два десятка кораблей баталии с немалым трудом наскребли испанцы, среди которых огромным исполином возвышался четырехдечный «Сантиссимо Тринидад», на широкие палубы которого втиснули невероятное количество орудий — 136 пушек и карронад.

Вообще-то испанский флот, совсем недавно претендовавший на второе место в мире и попытавшийся воссоздать былое величие, довольно серьезно пострадал в последнее время — от англичан ему сильнее всех союзников досталось. Два года тому назад британцы в здешних водах внезапно и дерзко атаковали, чуть ли не на самом рейде Кадиса, очередной «серебряный караван», пришедший из Новой Кастилии. Фрегат «Мерседес» был потоплен, а три других взяты на абордаж.

Два линкора, поспешивших на помощь избиваемым соотечественникам, разделили их судьбу — на одном взорвалась кюйт-камера, и он развалился в огненной вспышке, а второй спустил флаг, не выдержав жестокого обстрела, и был уведен в качестве трофея.

Затем в сражении при Сент-Вицент старый пират Джон Джервис отправил на дно еще четыре линкора, захватив парочку, за что удостоился титула графа с одноименной приставкой.

И вот совсем недавно вице-адмирал Роберт Кальдер у мыса Финистере добился еще одной победы — потопил два корабля с красно-желтыми кастильскими флагами и один с Андреевским синим крестом, нанеся невосполнимый ущерб.

Русские хотя и продали испанцам восемь парусных линейных кораблей, но из них до портов Леона и Каталонии добралась ровно половина, остальные были перехвачены в пути британцами и потоплены, причем экипажи подверглись безжалостному избиению.

Так что стоящие на якорях 43 линкора — было абсолютно все, без остатка, что могли противопоставить «владычице морей» союзные Испания и Франция. Да еще в бухте Кадиса находилось с десятков мелких судов — фрегаты, бриги, шлюпы, но их можно было не учитывать в предстоящем линейном сражении, обещающем стать самым масштабным по числу вымпелов со времен «Непобедимой армады».

— Мы в ловушке... — еле слышно бормотал адмирал одну и ту же фразу, повторяя ее как заклинание. Даже без подзорной трубы он хорошо видел, как далеко в море белеют паруса. Английские фрегаты, словно цепные псы, внимательно сторожили гавань.

Вильнев прекрасно понимал, что для выхода союзного флота потребуется много времени и англичане успеют вызвать курсирующий между Марокко и Пиренейским полуостровом флот вице-адмирала Коллингвуда, под командованием которого находилось 27 линейных кораблей.

И пусть союзники имели полуторное превосходство по числу вымпелов, но Вильнев, как никто из моряков, знал — англичане намного сильнее, ибо не количеством пушек измеряется

мощь, а умением их использовать. А вот выучке палубных команд британцы могли дать изрядную фору любому противнику, что не раз демонстрировали.

Французский адмирал с тоскою в глазах посмотрел на поднимающийся по небосводу ослепительный диск. На кораблях засвистели побудку, за спиной громко ударили склянки, отмеряя последний час «собачьей вахты», и его флагманский «Редутабль» тут же проснулся.

— Нет, мы в ловушке... — Вильнев, как какую-то священную мантру, произнес мучивший его ответ с тяжелым вздохом, будто убеждая себя, и, огорченно взмахнув рукой, направился в просторный адмиральский салон. Он совершенно не знал, что написать в ответ на присланную из Парижа депешу...

Лондон

— Сэр, к вам прибыл генерал Артур Уэлсли!

Дверь еле слышно скрипнула, и раздумья премьер-министра прервал тихий голос вышколенного секретаря, тоже проводящего вторую бессонную ночь. Однако для хозяина кабинета имя генерала послужило самым настоящим победным набатом.

— Зовите, Патрик, я его давно жду!

Уильям Питт потер лицо ладонью, стирая усталость от долгой умственной работы, и величаво встал у стола, приняв подобающую положению позу. Однако от волнительных и мучительных часов так просто было не избавиться, и губы скривились в гримасе:

— Грязные свиньи! Теперь вы очень скоро узнаете, на что способна королевская армия!

Последнее ругательство относилось отнюдь не к русским. Полученные с севера вести вот уже несколько часов тревожили всю столицу Англии. Ведь прошло чуть больше полувека со времен Якобитских восстаний, как шотландцы, известные своим нравом и подлостью, восстали в очередной раз, изменив Британской короне...

— Вы дрались с русскими в Индии, генерал. Каковы они?

Уильям Питт сразу перешел к делу после короткого обмена дежурными фразами, да и не для того он вызвал в ночной час прославленного, молодого генерала, чтобы говорить о всяких банальностях, уместных лишь при неторопливой беседе за чашкой чая.

— Это опасные враги, сэр. Я сражался с ними при Хайдарабаде. — Генерал Уэлсли вздернул подбородок, по которому протянулся глубокий шрам, свежий, с розовой кожей. — Они расстреливали нас, сэр, со своих дьявольских картечных. Сипаи падали сотнями!

— Надеюсь, наши солдаты выстоят под таким убийственным огнем?

— Осмелюсь доложить, сэр, под таким градом пуль не выстоит никто. Страшно губителен их огонь. У русских новое оружие, все солдаты имеют шестизарядные барабанные винтовки, которые дают на порядок больше выстрелов, чем наши штуцера. Мы победим московитов, если будем иметь точно такое же оружие.

— К сожалению, генерал, нам придется воевать тем, что мы имеем. И действовать нужно решительно и быстро. Русские высадили десант в Эдинбурге неделю тому назад, к ним примкнули восставшие хайлендеры...

Питт говорил глухо, но каждое его слово словно падало тяжелым камнем, и, добавляя нервозности, в кабинете громко пробили часы, отмеряя еще один прожитый королевством тяжелый час.

— Восстание в Шотландии, как и в Ирландии, нужно подавить немедленно, генерал, не считаясь с потерями! Промедление для нас смерти подобно, ибо высадка на Остров назначена через месяц!

— Я готов, сэр!

Артур Уэлсли вытянулся, выдвинув вперед волевой подбородок, Питт посмотрел на него с нескрываемым уважением. Именно такие, не знающие страха и сомнений джентльмены и создали империю.

— Принимайте командование над всеми войсками, находящимися на севере. Залейте горы кровью по самые вершины! Не дайте восстанию разрастись! Ибо мы получим удар в спину, когда русские с французами попытаются высадиться на Остров. Хотя я искренне надеюсь, что флот Его Величества не позволит им сделать этого!

— Кто их знает, этих моряков... — после короткой паузы пробурчал в ответ генерал. В его словах отчетливо просквозила неприязнь, которую испытывают армейские вояки к флотским. Но тут же его лицо затвердело, и Артур Уэлсли с непреклонной убежденностью добавил:

— Однако, сэр, если нашим врагам удастся повторить подвиг Вильгельма Завоевателя, то мы их сбросим своими штыками в море!

— Надеюсь, до этого не дойдет! — негромко произнес Питт. — И скопище лоханок, которое они собрали по ту сторону канала, постигнет судьба «Непобедимой армады»!

— Я тоже надеюсь на это, сэр! — Теперь в голосе не было неприязни, а лишь твердая убежденность в правоте.

— Когда вы сможете выехать, генерал?

— Завтра с утра, сэр! У меня отличные лошади!

— Берите все войска, генерал! И не теряйте времени...

Доггер-банка

— Ничего, мы им еще покажем...

В словах выдавшего виды старого морского волка вице-адмирала Ольферта Фишера прозвучала нешуточная, еле сдерживаемая ярость, а блеклые уставшие глаза вспыхнули огнем ненависти.

Два года назад огромная британская эскадра вероломно напала на Копенгаген, потопив на рейде пять датских линкоров и разнеся из своих пушек столицу.

Адмирал хорошо помнил ту ожесточенность датских моряков, с которой они сражались против коварного врага. Но, как правильно говорят русские, сила соломѹ ломит. В той бойне погибли все датские линкоры, ибо три совершенно изувеченных корабля, оставшихся на плаву, пришлось разобрать. Прошло два дня, и старый моряк хорошо познал другую русскую поговорку: «Как аукнется, так и откликнется».

Находясь среди ликующих горожан, он собственными глазами видел, как угловатые, несуразные посудины без привычных моряку парусов, с коптящими небо длинными трубами, вдребезги разнесли добрый десяток английских кораблей, прежде грозных монстров, а теперь разом превратившихся в беззащитных фазанов.

И когда после полудня подошли паровые линкоры русских, то избиение британцев превратилось в бойню...

— «Вахтмейстер» горит!

Старый датчанин скривил губы, пристально разглядывая черные клубы дыма, вырывающиеся из недр корабля. Да, шведы — старые враги, но сейчас они стали союзниками, причем верными и преданными, ибо королевы двух государств — родные сестры, дочери великого императора. И те одиннадцать кораблей, точнее уже девять, шедшие под его командованием, пять датских и шесть шведских, ранее были построены на верфях северного соседа: в Стокгольме, узнав о гибели датского флота, благородно передали почти половину своих парусных линкоров.

Хотя сам адмирал не обольщался на счет такой неслыханной щедрости, и, как ни было больно ему признавать, он хорошо понимал, что на море наступил век пара.

Да и легко быть щедрым, когда взамен рухляди Россия помогла построить полдюжины броненосцев и четыре новейших паровых линкора по типу «Великого Новгорода», чья гибель, полная героизма и отваги, произвела на датских и шведских моряков неизгладимое впечатление.

— Принять два румба вправо! Отойдем к мели...

Отдав приказ разомкнуться от неприятельской линии, Фишер не отклонялся от боя, а лишь оттягивал неизбежную гибель. Несмотря на всю самоотверженность северных союзников, потомков отважных викингов, участь была предрешена.

При равных силах британцы имели большее число пушек на палубах, выставив в линию даже трехдечные корабли. Их флагман, «Принц Уэльский», вообще нес добрую сотню пушек, то есть почти вдвое больше, чем многие корабли датско-шведской эскадры. Да и сами 40–48-фунтовые пушки, установленные на нижних деках, были куда мощнее 24–36-«фунтовок», что стояли на палубах его кораблей.

Адмирал прищурил глаза, осматривая идущие в кильватерной колонне линкоры. И хотя над всеми белели полотнища парусов, старый моряк с пронзительной отчетливостью понимал, что сражение проиграно: в отличие от союзников, старавшихся лишить вражеские корабли рангоута, а значит, и хода, англичане били исключительно в корпус, разбивая тяжелыми ядрами борта, приводя к обширным затоплениям трюмов через пробоины.

Балтийские линкоры прямо на глазах усаживались в воду, «тяжелели» и теряли ход. А британцы уже отошли, дабы в течение часа починить поврежденные мачты, поставить паруса и снова наброситься на его эскадру, которая уже не сможет ни уйти, ни драться.

Остается только одно: погибнуть с честью!

Но надежда все жила в его сердце, и губы тихо прошептали, задавая себе один и тот же вопрос, мучивший его уже два дня:

— Но где же русские?

Кадис

Вице-адмирал Фредерико Гравина хмурился от невеселых мыслей, что витали в салоне флагманского 136-пушечного линейного корабля «Сантисима Тринидад» — самого мощного из всех, когда-либо построенных на испанских верфях.

Как бы горячий кабальеро ни хотел нанести поражение чопорным англичанам, которых он, как всякий истовый испанец, ненавидел всеми фибрами души, вот только в исходе предстоящего боя старый моряк сомневался, раздираемый самыми противоречивыми чувствами.

Испанский флот давно перестал быть повелителем океанов, потеряв в самом конце XVI века свое господство. Английские корсары, это алчное порождение океанов, нанесли невосполнимый ущерб соединенному королевству Кастилии и Леона.

Золотой поток, что хлынул из Нового Света в Европу, их грязными руками был старательно перенаправлен, вначале ручейком, а затем и полноводной рекой прямоком в закрома лондонского Сити. Да тот же Френсис Дрейк, получивший за свои разбои титул рыцаря из рук блудливой королевы, вернулся на берега Темзы на своей «Золотой Лани», что чуть ли не по орудийные порты ушла в воду от тяжести награбленного золота!

Испанцы отчаянно сражались, отстаивая свое право, но гибель «Непобедимой армады» окончательно поставила крест на возможности на равных разговаривать с англичанами. И вот уже два столетия корабли под красно-желтыми флагами ничего не могли поделать с англичанами — былой славы не вернуть.

Всесилие Острова пришлось не по нраву не только гордым кабальеро, но и их заклятым врагам голландцам, что восстали в давние времена против короны.

Впервые испанцы поступились толикой чести, желая победы вероломным бывшим подданным. Нидерланды яростно оспаривали могущество британцев, их адмиралы де Рейтер и Тромп даже громили из пушек Лондон — и не раз трепали эскадры туманного Альбиона.

Вот только мелководье голландских гаваней сыграло злую шутку — жители «низменной земли» изначально строили корабли куда более слабые, нежели на противоположной стороне Канала. Исход войн был предрешен — торговцы уступили первенство на морях пиратам.

Следующий вызов бросила Франция, активно строившая флот со времен министерства Кольбера и по настоянию «короля-солнце» Людовика XIV.

Однако, несмотря на блестящие успехи каперов, его страна постоянно теряла корабли в линейных баталиях. Единственным лучом света промелькнул Абукир, когда полтора десятка кораблей эскадры Брюэя навалились на полудюжину британских.

Момент был удачным донельзя — в бухте оказалась ровно половина английской эскадры, а других Нельсон уже увел против русских в Дарданеллы. Но невероятное везение продолжилось — четыре линкора стояли на якорях, а два проходили килевание, а потому в бою не участвовали, спустив флаги после обстрела.

Только этот бой стал одним-единственным сражением, когда французы одержали победу, ухитрившись при подавляющем, более чем в тройном, перевесе потерять и два своих линкора.

Однако все было тщетно — через полмесяца англичане зашли в бухту и уничтожили всю французскую эскадру, за исключением линкора «Женеро», что сумел спастись бегством.

Гравина тяжело вздохнул. Как ни было больно для самолюбия, но он не мог не заметить очевидного — все враги Британии с пугающей периодичностью терпели поражение...

Эдинбург

— Теперь я верю, мой генерал, что у Шотландии будет свой король и моя страна обретет независимость!

Патрик Гордон чуть ли не задышался от радости, с восторгом глядя на расцвеченные улицы Эдинбурга. Среди разноцветья флагов выделялись синие, с косым белым крестом Святого Андрея, который издревле считался покровителем Шотландии. Под таким гордым флагом погиб два года назад капитан Кроун, доблестно сражаясь с британцами в проливе у Копенгагена. И именно сейчас, как никогда раньше, шотландцы обрели союзника в русских, только завидев, пусть с обратной расцветкой, но почитаемый каждым местным жителем косой крест...

— Вы правы, майор!

Михаил Богданович Барклай де Толли улыбнулся, но самыми краешками губ. За эти пять дней, проведенных в Шотландии, на своей исторической родине, он убедился, насколько горцы свободолюбивы и независимы. Ненависть к англичанам, давним поработителям их родины, никогда не утихала в сердцах, лишь на время, словно раскаленные угли под тонким слоем пепла, притихала, дожидаясь очередной охапки сухой соломы в костер взаимной вражды.

За последний год Барклай де Толли почувствовал себя настоящим шотландцем, находясь в постоянном общении с хайлендерами Гордона, что еще на Соловках отказались служить Англии.

Сорокалетний генерал, порядком обрусевший, словно губка впитывал в себя традиции далекой родины. И сейчас уже без усмешки смотрел на голоногих мужиков в килтах и с пониманием взирал на расцветку тартанов — затейливого узора из клеток и разноцветных полосок, что символизировал принадлежность к тем или иным кланам.

Особенно поразило генерала то, что высадка весьма немногочисленного десанта и вид дюжины кораблей под Андреевским флагом немедленно вызвали всеобщее возмущение, которое, впрочем, как он догадывался, готовилось очень давно, и нужен был только толчок.

Из семи шотландских полков, находившихся на службе английской короны, комплектуемых исключительно горцами, два, дислоцированных в самой Шотландии, немедленно восстали.

Судьба остальных полков была неизвестна, но Михаил Богданович не сомневался, что крови англичанам они порядком попортят, как только горцы узнают, что происходит на родине. Хотя мало кому из мятежников удастся пробиться на север — у британцев в армии, даже после потери Индии, насчитывалось до сотни полков, так что сил хватит для уничтожения мятежных хайлендеров.

Вплоть до высадки генерал считал, что ввязался в самоубийственную авантюру — с двумя тысячами солдат воевать против британцев на их же земле сродни безумию, а надежда на восстание была эфемерной. И почувствовал себя счастливым, когда понял, что все его опасения оказались разбитыми тем невероятным энтузиазмом, что проявили горцы, поднимая это, неизвестно какое уже по счету, очередное восстание.

За последние дни мятежная армия увеличилась до пятнадцати тысяч человек — привезенного из России оружия уже не хватало. Жители равнин и гор древней Каледонии охотно стекались под андреевские знамена — Эдинбург, Данди, Абердин и другие города, словно по команде, начали формировать ополчение.

Барклай посмотрел на рослых горцев, что спокойно и без суеты получали нарезные штуцера, доставленные на русских кораблях. Так же обстоятельно подбирали снаряжение, вешали на плечи тяжелые патронные сумки. В своих удивительных беретах — бонетах, а также килтах и чулках эти рослые парни, на взгляд старого солдата, смотрелись необычно, но в их решимости и отваге русский генерал нисколько не сомневался.

Каждый из горцев имел за своим правым чулком нож, на рукояти которого был выгравирован цветок чертополоха. Михаил Богданович уже познакомился с этой традицией — ни один уважающий себя горец не будет ходить без ножа. Но если мирные люди носят его с внешней стороны, то волонтеры прикрепили с внутренней, а по древней шотландской традиции это означало начало войны...

Булонь

— Молодой человек, вы что творите?

Петр деланно нахмурился, изображая сильное недовольство. Стоявший перед ним молодой гусарский поручик вытянулся, при этом ухитрившись покаянно опустить глаза долу. Но, судя по хитровато блестящим глазам, виновным молодой гусар себя отнюдь не чувствовал. И вот такое поведение вызвало короткий признак старческой раздражительности, как мысленно отметил про себя Петр.

— Ваше стихотворение «Клеветникам» мне понравилось, не спорю! Особенно строчка... — Петр наморщил лоб, припоминая, и через секунду нараспев продекламировал: — «Только жребий мой иной, вы оставлены на племя, я же брошен на убой». Вы что этим наплели, молодой человек?! Мы сражаемся против злейшего врага России, которого обязаны победить. И принять смерть за Отчизну не просто святой долг, но и право каждого русского. Вы хотите сказать, что я своих солдат и офицеров на убой бросаю?!

— Никак нет, ваше императорское величество! — Молодого поэта пробрало от выволочки, лицо немного побледнело. — Государь, просто рифма оказалась хорошей, вот я ее и привел...

Уж больно хотелось словами этих клеветников поразить, что вас дерзнули порочить...

— Нашелся тоже защитник государевой чести! Я что, сам себя защитить не могу?! Да и врешь ты порою!

Петр очень редко переходил на «ты» с дворянами при беседах, даже конфиденциальных, потому такое его обращение все воспринимали как знак чрезвычайного расположения.

Денису Давыдову это тоже понравилось — доверием старого императора можно было гордиться. Но вот упрека во лжи он, как всякий уважающий себя русский офицер, перенести не мог. Редкие юношеские усики, которые обязан иметь каждый гусар, встопорщились, лицо побагровело, и поэт хрипло задыхался:

— Ваше императорское величество, в своей жизни я ни разу не прибегал ко лжи, и ваше...

— Пойдите, поручик! — Петр резко осадил начавшего закипать офицера. — Разве я говорил о лжи?

— Но вы же сказали...

— Я лишь отметил, что ты иногда врешь! В своих стихах... Ну, конечно, не во всех... Но отдельные строчки имеются!

— Какие строчки вызвали ваше недовольство, государь?! Позвольте осведомиться, ваше императорское величество. К тому же некоторая поэтическая вольность не есть огульное вранье! Это весьма допустимая фантазия, к которой прибегают все поэты!

— Какая, на хрен, фантазия и вольность, поручик?! Ты недавно вызвал на дуэль трех человек в Петербурге и всех трех заколол саблей, как жуков булавкою! Так?

— Я убил всего лишь мерзавцев, ваше императорское величество! Тех людей, что посмели нагло клеветать на вас, государь, и Россию!

— Зачем в военное время дуэли стали устраивать?! Вы знаете, что вам за это грозит?

— Готов принять любое наказание, государь! — Поручик вытянулся и замер, в глазах светилась непреклонная воля.

— Так бы и расстрелял тебя! Если бы по глупости, по дурости и амбициям за клинок схватился... Убил ты, конечно, сволочей изрядных, петимеров, шаркунов паркетных... И хоть мы избавляемся повсеместно от этой погани, но ее до сих пор много!

— Не так уж и много, государь. — Поручик улыбнулся, вот только улыбка была недоброй, злой. — Настоящие дворяне в армии и на флоте служат! Мы вам, ваше императорское величество, и государству Российскому присягали, на смерть пойдем, а они...

Поручик недоговорил, его лицо скривилось в такой гримасе омерзения, что он даже хотел сплюнуть от презрения на пол. Но вовремя остановился, сообразив, что такой нарочитый плевок может быть воспринят как знак неуважения монарха.

— Горяч ты, Денис, но честен, а потому наказывать тебя не буду. Вообще-то, нет худа без добра. Что дрался на дуэли — нехорошо, а потому усьми горячность, и чтоб до конца войны я об этом больше не слышал. Кровь проливать нужно в баталии, и тебе такая возможность скоро представится!

— Скорей бы! — со вздохом произнес поручик. — А то уж надоело здесь торчать, да и конь мой застоялся.

— Ты всего две недели в лагере, гусар, а уже застоялся! Тоже мне жеребец нашелся... Да ладно уж, открою тебе тайну: завтра уже будешь туманом аглицким дышать...

— Так высадка будет, государь? — радостно выпалил гусар.

— Будет, — добродушно произнес Петр. — Все тебе будет! Так что дуэли больше не устраивай и саблей тут не маши, а то сам нарвешься. У французов умельцы изрядные есть, хоть Гош и приструнил их. Езжай к князю, скажи, чтоб на военный совет немедленно пожаловал.

— Есть, ваше императорское величество!

Гусар снова вытянулся, демонстрируя хорошую строевую выправку, и, лукаво сверкнув глазами, не удержался от вопроса:

— Государь, прошу вас, скажите мне, в какой я строчке солгал?

— В предпоследней, Денис, в предпоследней, — добродушно засмеялся Петр. — Ты их не на племя оставил, а зарезал! И правильно сделал — на хрена такой погани потомство производить. В последней тоже солгал... Правда, наполовину... Убить тебя, конечно, могут, но и славу обрести тоже можно. Иди уж, гусар, у меня и без тебя дел много...

Кадис

«На гибель эскадры не поведу!» — ударив кулаком по столу, твердо решил про себя Вильнев и невидящим взглядом уставился на лежащее перед ним письмо Первого консула республики.

Генерал Гош требовал немедленного отплытия союзной эскадры в пролив Ла-Манш, причем не позднее 29 июня, независимо от того, смогут прийти в Кадис русские корабли адмирала Ушакова или не смогут. А такой приказ означал только одно — высадка на Остров будет произведена через две-три недели и флот требуется на ее прикрытие.

Адмирал до ужаса боялся предстоящего сражения с английским флотом, хотя прекрасно знал, что союзная эскадра имеет полуторный перевес не только по числу кораблей и пушек, но и по качеству самих линкоров.

Тот же французский «Редутабль» по стоимости был намного дороже любого двухдечного «англичанина», корпусом крепче и быстрее, благодаря чему корабли выдержали жестокий шторм, когда его эскадра совершала переход от Марселя до Кадиса. Вот только этого нельзя было сказать о командах — адмирал воочию убедился, что французские моряки подготовлены не просто плохо, а совершенно отвратительно.

— Не морская мы нация, не морская... — глухо пробормотал адмирал, чувствуя, как скулы сводит от нехорошего предчувствия. Он был прекрасным администратором, но не флотоводцем, и более того — прекрасно понимая это, все же согласился принять командование союзными эскадрами.

Ведь самая страшная беда для любого военачальника — не только не верить в победу, но и в собственные силы. А в мозгу постоянно свербила только одна мысль: «Сражаться с англичанами БЕСПОЛЕЗНО!»

Перед выходом Вильнев провел анализ результатов всех сражений с британцами, которые приняли за два столетия французы, испанцы и голландцы. Они оказались просто удручающими. Цифры потерь линейных кораблей соотносились как один к десяти. Случайные же победы, вроде Абукира, были редчайшим и счастливым исключением, за которым чаще всего следовал быстрый и беспощадный разгром.

— Один к десяти! — прошептал Вильнев и помрачнел еще больше.

Имея такие шансы на успех, выходить в море ему совершенно не хотелось. Но не выполнить приказ Гоша было не менее страшно.

Он на секунду представил, как сорвут с плеч эполеты и отправят под суд, и содрогнулся от нахлынувшего ужаса. Выбор оказался кошмарен: выйти в море — принять смерть и погубить два десятка линкоров, с чрезвычайным трудом построенных республикой, а остаться — значит предать свое имя бесчестьем и получить на него несмываемое клеймо труса и изменника.

— Что делать, что делать?! — в отчаянии вскричал адмирал, вскакивая со стула. В волнении он прошел несколько шагов по салону и неожиданно остановился — в голову пришла ослепительно счастливая мысль, разом решавшая все трудности выбора. Расползающимися в

улыбке губами адмирал негромко произнес, прищулив глаза от удовольствия:

— А ведь это выход! Да еще какой...

Доггер-банка

Командующий Восточной эскадрой вице-адмирал Роберт Кальдер, с непривычным для европейцев, но обычным для англичан титулом первого баронета, с усмешкой взирал на сгрудившуюся в отдалении датско-шведскую эскадру, представлявшую собой жалкое зрелище.

— Смешно представить, но эти люди когда-то наводили ужас на Британию! И куда делись потомки свирепых викингов?!

Командир 98-пушечного линейного корабля «Принц Уэльский» Томас Харди только пожал плечами, молчаливо соглашаясь со своим адмиралом.

Сражение уже было выиграно, и это понимал даже самый тупой юнга, а то, что враги, вздумавшие бросить вызов флоту Его Величества, отошли на мелководье, не слишком спасало их положение. Они были обречены — поражение теперь могло обернуться полным разгромом.

Дело в том, что Англия, которой настоятельно требовалось наличие огромного флота, вынуждена была экономить, особенно после захвата русско-французским корпусом Бенгалии, этой житницы всей Индии. Посему Адмиралтейство старалось закладывать только двухдечные корабли, на палубах которых можно было разместить до 72 пушек.

В отличие от тех же французов, принимавших все силы, чтобы иметь единицы кораблей баталии намного более сильных, чем британцы, и тем самым нивелировать преимущество последних в выучке, Королевский флот никак не мог позволить себе подобной роскоши. Потому стопушечные «Виктория» и «Принц Уэльский» были исключением в огромной эскадре британских линкоров. И вот теперь такая экономия на «дешевых» кораблях, имеющих гораздо меньшую стоимость, а соответственно размеры и осадку, сыграла свою роль.

— Они думают укрыться от нас на мелководье, — усмехнулся Кальдер. — Напрасная затея. Как только мы поправим рангоут, подойдем к ним поближе и перетопим, как паршивых котят!

— Я согласен с вами, сэр. — Харди с нескрываемым злорадством посмотрел на вражеские корабли, что заметно «потяжелели». — Вот только, сэр, как бы они не затонули до того, как мы с ними свалимся...

Договорить капитан не успел, так как повсюду раздались громкие крики моряков, которые наперебой засуетились и столпились у левого борта, возбужденно размахивая руками.

— Черт побери!

Харди обернулся — из серой дымки тумана, уже изрядно прореженной ветром, в милях четырех от британской линии, медленно выползали, один за другим, ненавистные корабли со знакомыми каждому британцу длинными трубами, из которых валил черный дым. С убранными парусами, отчего их мачты казались переплетенными крестами, русские, а это могли быть только они, неумолимо шли на британскую эскадру.

— Один, второй... пятый... седьмой...

Томас Харди медленно и громко подсчитывал вражеские корабли, которые длинной кильватерной колонной неумолимо надвигались из серой дымки. Перевес врага был просто чудовищным, да и появившиеся на арене сражения линкоры являлись гораздо более опасным противником, чем потомки викингов.

— Проклятые коптилки! Акульи потроха!

Адмирал покрыл руганью очередную превратность судьбы: чувствовать себя победителем и неожиданно столкнуться с ненавистным врагом в тот момент, когда корабли еще не готовы к бою, — не самая ласковая гримаса капризной фортуны.

— Капитан, подгоните бездельников! Нужно быстрее поставить все паруса! Иначе, дьявол меня раздери, они навалятся и угостят нас своими «сатанинскими копьями»!

Кадис

— Я надеюсь, вы понимаете, дон Фредерико, что наш выход в море сопряжен с боем, исход которого предугадать невозможно?

Вильнев говорил осторожно, старательно отводя взгляд от испанского адмирала. Но тот уже давно понял, к чему идет этот разговор, и расплылся в улыбке, довольный своей догадкой.

— Позвольте узнать, мон альмиранте, каково ваше решение?

За эти дни испанский адмирал успел понять главное — его французский коллега являлся совершенно никудышным флотоводцем. Он был бы хорош в качестве морского министра на кабинетной работе среди груды бумаги, великолепным начальником порта, у которого все было бы в исправности, от арсеналов до парусных мастерских, но никак не командующим объединенной союзной эскадрой.

Гравине совсем не улыбалось состоять под его началом, ему самому хотелось стать капитан-генералом. Но таково было настоятельное требование Парижа, которое в Мадриде поддержала королевская чета, надеясь на помощь союзников по Антанте. Так что приходилось терпеть, в молчании стиснув зубы, и молить Всевышнего, чтобы Вильнев не решился на выход из Кадиса раньше, чем в бухту придет из Мальты эскадра Ушакова.

Именно с этим русским адмиралом испанский флагман связывал свои надежды. Во-первых, Ушаков старше по возрасту и чину, так что и он, и француз просто обязаны встать под его командование. Во-вторых, и это главное, но, как ни крути, за эти два года он сделал невозможное — несколько раз побеждал англичан, причем с блеском.

Гравина, как всякий истовый моряк, с некоторой долей пренебрежения отнесся к рассказам о кургузых судах, обшитых толстыми полосами железа, от которых отскакивали даже самые тяжелые ядра.

Эти первые броненосцы не были морскими судами, малейшее волнение могло привести к фатальному исходу, но как оружие, особенно в узостях и бухтах, оно оказалось чудовищно опасным против любого многопушечного парусного линкора. Потрясло адмирала и то, с какой легкостью эти утлые ковчеги топили британские корабли в Константинополе семь лет назад и совсем недавно: у Копенгагена и в Чесменской бухте.

Однако сейчас на броненосцы не следовало надеяться. Зато у русского адмирала находились под началом новейшие паровые линкоры, и то, как эти коптящие махины легко расправились с линкорами Нельсона и Паркера под Борнхольмом и Яффой, расстреляв их из чудовищных бомбических пушек и поразив чудесными самодвижущимися минами, приводило Фредерико Гравину в состояние радостного возбуждения: «Дождаться бы русских! А уж там можно выходить в море и рисковать, и Господь пошлет победы правому!»

Эта мысль все более крепла в голове испанского адмирала, и он молил небеса, чтобы француз не выкинул какой-нибудь дурости.

— Я решил, сеньор адмирал, — Вильнев слегка поклонился, золото эполет чуть сверкнуло своей мишурой, — дождаться прибытия русской эскадры, передать командование Ушакову и уже объединенным флотом нанести поражение британцам. Нас ждут в Ла-Манше, сеньор!

— О да, я с вами полностью согласен, мон альмиранте! — Гравина постарался скрыть вздох облегчения. — Против наших соединенных сил англичане не выстоят! И я уверен, что небеса пошлют нам победу!

— Наши враги начнут высадку через месяц, никак не раньше, милорд. Для этого им еще нужно привести свой линейный флот из Кадиса да еще подождать там русскую эскадру из Мальты, если адмирал Коллингвуд не перехватит ее в Гибралтарском проливе...

Уильям Питт говорил очень осторожно, тщательно подбирая слова. Его собеседник был как раз из той самой плеяды славных старых джентльменов, что создали великую империю, с честью пронеся флаги Святого Георгия по всем морям и океанам. А потому следовало относиться с особым почтением к седовласому флотоводцу, дожившему не только до весьма почтенных лет, но и сохранившему здоровье и острый язвительный ум.

— Я тоже так считаю, сэр...

Последнее слово в устах старого адмирала Джона Джервиса прозвучало несколько язвительно, но граф Сент-Вицент мог себе позволить и не такое, ибо свой звучный титул он получил за морскую победу, стяжав славное имя подвигами, пойдя, как и многие другие английские моряки, по пути знаменитого Френсиса Дрейка.

Другое дело политики, те люди, что считали себя вершителями судьбы великого королевства, но на самом деле выполнявшие им предначертанное и закреплявшие победы адмиралов флота Его Величества. И обращение к ним как «милорд» в официальной переписке, но отнюдь не в разговоре тет-а-тет, было особой данью традиции, по которой лишь настоящие лорды королевства, те, кто мечом расширял его пределы, заслуживали это, а отнюдь не всякие политические «стряпчие».

К последним британские аристократы и военные моряки относили даже министров, включая премьера, если тот не был владельцем весомого титула. Да оно и понятно — в Палате общин могут болтать что угодно, но влияние на дела «владычицы морей» отнюдь не у этих болтунов.

— Они хотят оттянуть наши силы по разным местам! — Голос адмирала хотя был уже чуть скрипучим от старости, но звучал так властно, что Уильям Питт почтительно подобрался. — Для того и высадили десанты на западе и у скоттов. Ну что ж, наша армия может преподать этим проклятым мятежникам такой урок, что запомнится ими навечно и впредь отобьет охоту поднимать мятежи!

— Но, милорд! Если высадка...

— Вы это о чем, сэр?

Лорд Сент-Вицент в таком нарочитом недоумении выгнул почти седые брови, что сердце Питта застучало в бешеном ритме. Этого он и ожидал от маститого адмирала и теперь знал, что руки у него развязаны полностью. В Ирландию и Шотландию можно отправить большую часть армии и усмирить бунтовщиков самыми жестокими репрессиями.

Премьер-министр раскрыл было рот, чтобы задать мучивший его вопрос, но старый адмирал перебил его своим зычным голосом, которым он не раз отдавал приказы офицерам и матросам:

— Даже если Коллингвуд оплошает и через три недели сюда припожалуют союзники, то их утопим в Канале. Под моим флагом три десятка линкоров, да и сам барон Катберт, как тот старый терьер, бросится догонять убежавшую от него шуструю крысу... Ха-ха... Я жду наших врагов здесь, им не помогут все их дьявольские штуки!

самом что ни на есть смысле. Прихотлива судьба военного, извилисты ее пути! Это двадцатисемилетний подполковник хорошо знал, но не считал, что такой поворот произойдет с ним, и было над чем сейчас подумать и о чем поразмышлять.

Свою карьеру он начал ровно двенадцать лет назад безусым подпоручиком гвардии. Но дуэли с буйным поведением не остались без внимания, и в одночасье Ермолов оказался в армии с тем же чином и весьма подпорченным послужным списком, так что надеяться на продвижение по иерархической лестнице не приходилось.

Однако семь лет назад он ухватил птицу удачи за пышный хвост — сражался под Адрианополем с янычарами, не дав тем выйти к тылу русского отряда князя Багратиона. А командовал тогда, в той сумятице, сам Константин Петрович, второй сын императора, ставший теперь византийским базилевсом и болгарским царем.

Так что фарт попер, как говорят картежники!

В добавление к двум ранам дерзкого поручика наградили белым Георгиевским крестом и, как следствие, автоматически произвели в капитаны, тут же переведя в гвардию с тем же чином — так что можно было считать себя армейским майором.

Наслаждаться жизнью, почивая на заслуженных лаврах, Алексей Петрович не стал — настолько он имел непоседливый и живой характер. А потому вскоре очутился в училище колонновожатых, находившемся под патронажем только что созданного гвардейского Генерального штаба. Туда-то он и попал вскорости, прямиком в управление, скрывавшееся под скромной литерой «2» и занимавшееся чрезвычайно нужной для государства работой по сбору сведений о сопредельных с Российской державой странах. В большинстве своем весьма беспокойных и достаточно агрессивных соседей, любящих побряцать на границах оружием.

Первой и пока единственной оказалась Персия. Там молодой капитан ничего не успел сделать полезного, фактически проработав только курьером и принеся горестную весть о трагической гибели посла Радищева. Хотя даже такая скромная служба была заранее, или авансом, отмечена дарованием нового чина и очередным переводом в армию.

Так что быть подполковником в 27 лет — весьма достойная карьера. Грех на судьбу жаловаться!

— Прах подери, никогда бы не стал служить на этих лоханках!

Ермолов согнулся в спазме, желудок в очередной раз содрогнулся от неизвестно отчего появившегося комка. Сейчас, с бледно-зеленым лицом, терзаемый морской болезнью, он проклинал всех и вся: неприветливое Карибское море, что встретило штормом, и паровой корвет, смертельно надоевший за два месяца плавания, и капитана, с которым он достаточно близко сошелся, и даже самого императора.

Петра Федоровича офицер почитал всем сердцем, но сейчас проклинал в три армейских загиба, которым, по своей экспрессии, весьма далеко до флотских, но, несмотря на это, не менее выразительных и горячих.

— Мать твою! Э-ха...

Подполковник согнулся в жестоком приступе, чувствуя, как все его несчастное нутро выворачивает наизнанку. Нелегка царская служба, раз так страдать приходится!

Булонь

— Необходимые приказы уже отданы главнокомандующим принцем Суворовым, сир! Наши объединенные войска полностью готовы, а еще более ожидать наступления штиля, на мой взгляд, не стоит. Я думаю, можно начинать экспедицию, сир!

Петр с улыбкой посмотрел на генерала Гоша. Первый консул республики уже не морщился,

выдавливая из себя привычное для француза обращение к королевской особе. Да и другие французские генералы восприняли такое совершенно спокойно, будто и не было пятнадцати лет безумной революционной круговерти.

За длинным столом сидело высшее командование объединенной союзной армии. Петр скользнул взглядом по знакомым лицам — Гош упрямо сжал губы, глава Французской республики признал некоторое понижение в статусе и уже, как и сам Петр, почти не вмешивался в деятельность фельдмаршала князя Суворова, назначенного, с их общего согласия, главнокомандующим экспедицией на Остров.

«Как пауки в банке! Жрут консулы друг друга и не морщатся! Победитель остался один — Гош, и теперь ему один шаг до „пожизненного консула“. Но вот императором он никогда не станет, нет в нем Бонапарта. Как там? И каждых тварей миллионы, и все метят в наполеоны!»

Петр бросил короткий взор на лучших полководцев республики. Хитроумный Массена немного щурил глаза, Макдональд спокойно смотрел на Первого консула, но в глазах сверкали какие-то огоньки, Бернадот только постукивал костяшками пальцев по столешнице, и именно на нем Петр остановил свое внимание.

«А ведь не бывать тебе, братец, шведским королем!» — мысль вызвала усмешку, ведь на примере этого генерала можно было судить, насколько извилист путь революционеров и как многие быстро отказываются от своих прежних убеждений.

В реальной истории Бернадот числился в неисправимых якобинцах, но когда в одиннадцатом году ему предложили титул кронпринца шведского при бездетном короле, бывшем герцоге Карле Зюндерманландском, французский генерал охотно согласился, благо на эту должность его пропихивали шведские офицеры, бывшие его пленники, к которым он проявил исключительное благородство.

Позже бравый кондотьер с монаршей короной сражался уже на стороне антифранцузской коалиции и там, говоря русским языком, полностью «перековался», или «ссучился», кому как угодно, забыв свое революционное творчество.

Вот только каково было изумление придворных аристократов и врачей, которые много позднее принялись омыwać тело любимого усопшего короля, положившего начало целой династии Бернадотов на шведском престоле.

На груди обожяемого монарха красовалась мастерски сделанная татуировка гильотины, отрубавшей голову несчастному монарху Людовику, и короткая, но емкая надпись, шокировавшая стыдливые души придворных: «Смерть королям и тиранам!»

«Революция сама пожирает собственных детей, романтиков этого безумия — достаточно вспомнить Дантона, Робеспьера и прочих санкюлотов. А на смену им, если не берут реванш контрреволюционеры, приходят уже прагматики в генеральских мундирах.

Что Гош здесь, что у нас Сталин — Иосиф Виссарионович ведь, в конце концов, маршальский мундир надел и генералиссимусом стал. А военная среда требует единоначалия и строгой подчиненности, демократия для нее острый нож. Потому-то у нас Тухачевского и прочих „красных“ полководцев безжалостно к стенке поставили.

Здесь до этого пока не дошло, но Гош убрал в Новый Свет Моро, а Жубера отправил с отрядом в мятежную Ирландию, где этого генерала могут убить англичане, что весьма вероятно. А ведь оба твердые республиканцы, уж первый точно, с масонами дружит. Жалко Моро, чистая душа... Потому и опасен для Гоша. И не только для него, но...»

— Я думаю, нужно начинать нашу десантную экспедицию незамедлительно, сир!

Гош внимательно посмотрел на императора, не понимая, почему тот молчит, хотя они все обговорили заблаговременно, а только задумчиво хмурит брови, о чем-то напряженно размышляя.

— Господин Первый консул прав: нам нечего ждать у моря погоды! Высадка состоится при любой...

Очнувшийся от размышлений Петр словно подвел черту под заседанием известным, но перефразированным футбольным изречением. Действительно, союзные войска вот уже два дня изнывали от нетерпения, находясь в пунктах посадки, и любое промедление могло сказаться на них негативно. Да и время подступило.

Петр считал, и не без причины, что именно последние дни июня наиболее благоприятны для свершений. Именно с того самого часа, когда он впервые оказался в теле императора Петра Федоровича, а потому старался приурочивать именно к этому периоду наиболее важные деяния.

— Господа генералы!

Петр внимательно посмотрел уже на своих подданных. Старик Суворов буквально ерзал на стуле от нетерпения, готовый вскочить в любую секунду и броситься навстречу «марсовым потехам». Войну старый фельдмаршал любил до полного самозабвения.

Таков же был сидящий рядом с ним Багратион, которому не суждено было стать фельдмаршалом. Горячий князь являлся превосходным тактиком, но никудышным стратегом, ибо кавказская кровь мешала ему сохранять хладнокровие и трезвость расчета.

А вот генерал-лейтенант Бонапартов, несмотря на то что являлся корсиканцем, смирил свою пылкую южную натуру, ни в чем не уступающую грузинской, и казался Петру словно сотканным из одних только математических формул.

«Вот кому я вручу армию после ухода Александра Васильевича! Чего уж тут, правду не скрывать — сейчас его последний поход. И только это удерживает в жизни... А как цель будет достигнута и Лондон падет к его ногам, так и сдаст наш старик, сильно сдаст!»

Петр скривил губы: осознание этого факта мучительное и горестное, но ничего поделать было нельзя.

Время безжалостно забирало старых соратников, и он чувствовал себя более в окружении подданных, чем друзей. И сейчас мысленно пожалел о том, что уже не может, как раньше, отправиться вместе со своими войсками прямо в логово извечного для России врага, а будет ждать хороших вестей на берегу.

Но тем и лучше!

Ни он, ни Гош ничем не свяжут Суворова, а уж лучший военный гений России за всю ее многовековую историю, не потерпевший ни одного поражения полководец не упустит своего...

Доггер-банка

— Нужно их догнать!

Юный король Густав возбужденно топнул ногой, не в силах смотреть на удаляющиеся по синей глади белые облачка парусов. То, что он недавно увидел собственными глазами, произвело на юношу неизгладимое впечатление. Хваленый британский флот позорно бежал, не выдержав сражения с подоспевшей на помощь русской эскадрой.

В коротком бою были потоплены два линкора «владычицы морей», а еще два, которые англичане бросили, догорели. Морские воды уже поглотили остовы кораблей, которые теперь навечно упокоились на песчаном дне, выставив из воды мачты как погребальные кресты.

Два года назад Густав искренне радовался, узнав о разгроме английской эскадры у Копенгагена. Известие было настолько ошеломляющим, что он просто не мог поверить в него.

Но сейчас, увидев, в каком состоянии находятся парусные корабли шведов и датчан, он умом понял, насколько опасны британцы, и то, с какой неожиданной легкостью их побиили русские, перевернуло все его представления о морских сражениях.

— Ваше величество, чтобы догнать британцев, нам нужно дать полный ход, а это приведет к преждевременному исчерпанию угольных ям!

Капитан второго ранга Василий Михайлович Головнин, еще молодой, не достигший тридцатилетнего рубежа, но уже знающий и опытный морской офицер, с такой отеческой улыбкой смотрел на юного монарха, что Густав моментально сник.

— Да-да, я помню... Задача адмирала Сенявина состоит в том, чтобы привести эскадру и транспорты в Дувр...

— Вот видите, ваше величество! Поэтому военные, и моряки в особенности, должны всегда помнить о приказе, данном им, и о дисциплине, на которой держится и флот, и армия!

— Но мой «Ретвизан» не сражался! Почему? Ведь его пушки были бы не лишними в этом сражении!

Король исподлобья глянул на офицера, крепко сцепив пальцы на эфесе своей знаменитой шпаги, с которой он не расставался даже на миг. Каждый раз, вынимая серебристую сталь из ножен, он ощущал идущую от нее силу. Какое уж тут расставание с подарком великого Карла!

— А что касается «Ретвизана», ваше величество, его задача, как и других трех кораблей, охранять транспорты. К тому же наши команды недостаточно обучены, хотя шведы прекрасные моряки!

— Да-да, я понимаю!

Густав угрюмо засопел: он не считал себя моряком и, как его великий предок, хотел воевать только со шпагой в руке, чувствуя под ногами твердую гладь земли, а не раскачивающуюся из стороны в сторону палубу.

К тому же корабли шли не только под белыми парусами, но и с работающей паровой машиной, которую не только он, но и многие молодые шведские моряки поначалу принимали за огнедышащего дракона из сказок.

Густав сделал зарубку в своей памяти: не только изучить паровую машину до последней железки, но стать самым прилежным учеником своего русского флаг-офицера, приставленного дедом, который выполнял еще и функции командора на небольшом союзном, всего из четырех кораблей, линейном отряде.

— Не огорчайтесь, ваше величество, в проливе нас ждут англичане, и новый бой с ними обязательно будет! Вас ждет в Кале император Петр Федорович, ваш дед, а от него вы можете узнать гораздо больше о войне, чем могу поведать я, ваш покорный слуга!

Трафальгар

Корабельный гардемарин Михаил Лазарев, совсем еще юный, шестнадцати лет от роду, безусый юноша, пристально рассматривал чуть видимую на горизонте угловатую кромку земли.

Где-то уже недалеко был загадочный Кадис, главная база испанского флота, куда поспешала вышедшая из Мальты русская эскадра адмирала Ушакова, состоящая из двух десятков паровых кораблей, девять из которых были линкорами.

Заветный Кадис был, по сути, настезь открытыми воротами в Атлантику, куда вот уже несколько столетий отправлялись корабли.

Новый Свет манил моряков, флибустьеров, конкистадоров и прочих любителей приключений, притягивал со страшной силой своими рассказами о невиданном ранее обогащении, о путях в сказочную страну Эльдорадо, в которой, по слухам, удалось побывать немногим счастливицам.

— И вот я здесь!

Посмотрев на пустынное море, чуть усмехнулся гардемарин. Еще год назад, будучи

кадетом только что открытого Черноморского корпуса, он и не мечтал так скоро побывать в боевом походе, но осенью его перевели в гардемарины, и вот теперь, направленный на годичную морскую практику, он получил повышение и стал «корабельным».

Перед глазами в розовом тумане поплыли миражи стран и городов, в которых Лазарев уже побывал на своем пока коротком жизненном пути. Он видел зеленые оливы в Пирее, и легендарный остров Саламин, где когда-то греческий флот Фемистокла разгромил персидскую армаду Ксеркса, и величественный языческий храм в Афинах, посвященный воительнице Палладе, который поражал своей величиной даже выдавших виды скептиков. Такова была Древняя Греция во времена своих бессмертных героев, чьи имена уже стали достоянием истории.

Побывали русские моряки и в Чесменской бухте, в которой русский флот одержал две выдающиеся победы над турками и англичанами. Лазарев хорошо запомнил то чувство невыразимой гордости, что он русский моряк, и это навечно отпечаталось в душе юноши.

Прав был великий император, когда сказал: «Помилуй Бог, но я русский!» И это чувство сопричастности к великим свершениям Михаил всячески берег в себе с того дня, когда разглядывал легендарный Константинополь — русский Царьград, — и любовался Святой Софией, что была снова осенена православным крестом.

В этом величественном соборе он впервые не сдержал слез и, как заклятие, читал строчку из приказа, что отдал Петр Федорович по армии и флоту: «Имя русское держать честно и грозно!»

Весь поход юный гардемарин мечтал участвовать в битве и, может быть, совершить подвиг. Михаил даже представил, как в клубах дыма и пламени он с саблей в руках ведет матросов на abordаж и первым врывается на палубу ненавистного «британца», а там...

Гибралтар

— А мы не будем торопиться, ваше императорское высочество, ибо поспешишь — людей насмешишь!

— Я согласен с вами, Михаил Илларионович!

Царь московский Александр Петрович только усмехнулся, слушая старого фельдмаршала, известного своей тучностью, но еще более хитростью и истинно византийским коварством.

Князь Голенищев-Кутузов был намного младше главнокомандующего русской армией фельдмаршала Александра Суворова и, еще не достигнув шестидесяти лет, все еще оставался чрезвычайно энергичным и предусмотрительным человеком.

Впрочем, первое свое качество «старый лис» тщательно скрывал, и все окружающие видели в полководце чрезвычайно ленивого сибарита, любящего с юношеским пылом волочиться за молоденькими девушками. И тем опасен был старый служака, в котором качество лесной бестии с рыжей шкурой сочеталось с мертвой хваткой матерого волка.

Александр, так уж у него получилось, первый раз оказался на настоящей войне — стычки с воинственными инородцами в Сибири таковой не являлись, обычное дело в тех далеких землях. И сам хорошо понимал, что генерала из него не выйдет, потому все военные дела цесаревич спокойно переложил на фельдмаршала, чему тот был несказанно рад.

Нанесенная поляком в Берлине рана продолжала беспокоить Александра Петровича, причем так, что он официально отказался от императорского престола, прекрасно осознавая, что управлять столь огромной страной в полную силу он никогда уже не сможет.

Государственный совет принял это отречение, но оставил его в строжайшей тайне. Однако уйти на покой царю Московскому так и не удалось. После тайной беседы с родителями, на

которой он присутствовал вместе со своей женой, испанской инфантой Марией, судьба и государственный долг забросили его сюда, под знойное небо древней Иберии.

Заполучив такого союзника, как Испания, Антанта чрезвычайно усилилась. Недолго думая, Петр подписал со своим «кузеном», а фактически с премьер-министром Годоем, тайное соглашение, по которому передавались не только линейные корабли в обмен на мексиканские земли, но Россия брала на себя многие обязательства, одним из которых было взятие английской крепости Гибралтар.

Последняя была построена на скалистой косе, не так давно отнятой у Испании, и фактически запирала вход в Средиземное море. Терпеть такую «занозу» Петр Федорович и генерал Гош не желали категорически, а потому снарядили небольшой корпус с мощной осадной артиллерией, что вместе с испанскими войсками приступил к штурму британской твердыни, в бухте которой стояла эскадра адмирала Коллингвуда.

— Ничего, пушки расставлены, пора начинать концерт! — чуть нараспев, на исконный русский манер, произнес Кутузов, ехидно улыбнулся и потянулся, как сытый кот. — Дня два-три бомбим хорошенько, а там британцы пардона и запросят. Так что, ваше величество, не волнуйся, долго сидеть здесь не будем. У нас и так дел много. Всему свое время!

Последние фразы в устах старого фельдмаршала прозвучали с такой нескрываемой угрозой, явственно просквозившей в чуть суховатом голосе, что Александр Петрович удивленно выгнул брови и задумался...

Слова лукавого фельдмаршала явно относились не к англичанам, а к кому-то другому. Это не могло не насторожить уже битого жизнью великого князя. Но он твердо знал — переспрашивать Кутузова нельзя, тот всегда хранит свои планы в тайне.

Оставалось только думать и гадать...

Трафальгар

...И вот в клубах дыма и пламени он ворвался на палубу британского линкора «Виктория», самого мощного корабля «владычицы морей». Взмах абордажной саблей, другой — враги валятся как снопы, и перед глазами кормовой флаг — белое полотнище, перечерченное красным крестом. Руки сами тянутся к нему, а потом...

Серебряный крест на оранжево-черной колодке, знак отличия ордена Святого Георгия — заветная награда для любого солдата и матроса, и гардемарина тут не исключение. И теперь он георгиевский кавалер, но недалек тот день, когда его грудь украсится белым крестиком, в центре которого на медальоне изображен всадник, пронзающий копьем змея.

Перед глазами всплыл императорский указ, в котором расплывались строчки, от которых в груди стало жарко: «За бесподобную храбрость при взятии вражеского флагмана означенного корабельного гардемарина произвести в первый офицерский чин».

— О чем задумались, юноша?

Участливый голос боготворимого на эскадре адмирала вывел гардемарина из почти детских мечтаний. Хотя... Плох тот сержант, что не мечтает об офицерских погонах, а уж про золотых адмиральских «орлов» и говорить не приходится.

Федор Федорович Ушаков взирал на Лазарева с такой мудрой улыбкой понимающего отца, что Михаилу показалось, что его мысли прочитаны. И от этого багровый румянец моментально окрасил юношеские щеки, покрытые нежным пушком.

— Ну, полноте, мой мальчик! — адмирал усмехнулся, но тут же добавил такие слова, от которых Лазарев окончательно впал в смущение. Парню показалось, что румянец расплзся по всему телу. — О славе мечтать, господин корабельный гардемарин, можно, но война это не

только подвиг, но каждодневный, тяжелый труд — соленый пот, пропитанный запахом моря! Вот так-то!

— Так точно, ваше высокопревосходительство!

Лазарев вытянулся во фронт, но адмирал уже глядел в сторону. Ушаков уставился на еле видимую полосу берега и, властно расставив ноги на качающейся палубе, поднес широкую ладонь к глазам, будто стараясь что-то там разглядеть.

— Мыс Трафальгар... К вечеру наша эскадра будет уже в Кадисе, надеюсь, союзники не подкачали и готовы к бою. Но где же британские корабли, прах подери?!

Восклицание вырвалось у старого адмирала невольно. Подобное чувствовал и Михаил. Он, как и все русские моряки, находился в нервном состоянии все эти прошедшие дни.

Действительно, происходило то, чего просто не могло быть. «Владычица морей» пропустила русскую эскадру, и ни одного паруса на горизонте он так и не увидел — море словно вымерло...

Дюнкерк

— Царь-батюшка, мы же щелкаем хлебалом, как ты изволишь выражаться сам!

Никогда еще контр-адмирал Грейг не пребывал в столь лютом бешенстве и потому, впервые в жизни, позволил в адрес императора произнести столь нелицеприятную правду, пусть за глаза и втихомолку, чтобы никто не услышал. Хотя, положив руку на сердце, эти самые слова он сказал бы Петру Федоровичу прямо в глаза, появись последний в гавани.

С боевой рубки флагманского броненосца «Тур» была хорошо видна вся гавань, битком набитая боевыми кораблями, транспортом, пароходами, баржами и прочими судами.

— На море тишь и благодать. Самый раз переправляться!

Молодой адмирал продолжил критику, уже с трудом сдерживая эмоции. Имея за плечами пятнадцать морских кампаний, он считал, что высадка должна была начаться еще вчера, и каждый час, не то что день, отсрочки просто губителен.

И незачем ждать прибытия эскадр Ушакова и Сенявина, к парусным линкорам, пусть и паровым, Грейг уже относился с изрядной долей пренебрежения: его броненосцев достаточно, чтобы если не уничтожить, то основательно потрепать весь британский линейный флот.

— Таковую силищу собрали... И стоит как привязанная! — Грейг посмотрел в широкую железную прорезь.

Вытянувшиеся линией низкобортные броненосцы дымили трубами и в любой момент могли выйти из гавани, достаточно только подкинуть угля в топки и хорошо раскочегарить машины.

Новые «быки» императорского флота, введенные в строй прошлой осенью числом в пять единиц, являлись улучшенной версией знаменитых «медведей», которыми он командовал в бою у Копенгагена.

Все они были задействованы на прикрытии транспортов в Булони. Да и в Кале стояло четыре броненосца русского типа, но построенных на шведских и датских верфях. Целая дюжина, способная страшным ударом орудийных клыков смести любого врага с водной глади Ла-Манша.

Да хоть весь британский флот, со всеми его знаменитыми адмиралами и капитанами!

Грейг скрипнул зубами — адмирала беспокоили полученные сведения, что британцы уже построили броненосный корабль, способный сразиться с русскими на равных. И якобы сей «мастодонт», названный «Дредноутом», то есть «Неустрасимым», уже стоит в Темзе и готов к бою.

«Нельзя откладывать операцию! Никак нельзя!»

Эта мысль пронизывала всю душу. Грейг, обучавшийся в Англии, прекрасно знал возможности британских верфей и заводов и считал, что уже через год британцы смогут выставить броненосный флот, по числу кораблей не уступающий русскому. А прекрасно обученных моряков и офицеров было не просто с избытком — на союзный объединенный русско-франко-испанский флот хватило бы, да еще осталось.

«Промедление смерти подобно!»

— Ваше превосходительство! С берега сигналият: «В действие вступил приказ Буки!»

Голос вахтенного офицера моментально отвлек адмирала от черных мыслей, и с души тут же рухнул тяжелый камень. С нескрываемым облегчением Грейг выдохнул всего одно слово:

— Наконец-то!!!

ДЕНЬ ВТОРОЙ

28 июня 1804 года

Булонь

— Да что же это такое?!

Колокольный звон оглушал, словно кузнечным молотом били прямо в душу, — Петр только раскачивался на ногах, абсолютно беспомощный, зажав ладонями уши и накрепко закрыв глаза веками. Но такая защита оказалась совсем ненадежной. Звук все равно вибрировал в мозгу, давя на затылок и виски неимоверной болью, а в глазах то и дело разрывались огненные вспышки, отдающие ослепительным светом чудовищной электросварки, от которой ум за разом заходил.

— Да пропади ты пропадом!

Петр простонал, не в силах сдерживать чудовищную боль, проклиная свое бессилие. И словно колдовское заклинание, его отчаянный выкрик достиг нужного результата — звон резко оборвался, будто пономарь повис на биле, цепко держа веревку и упираясь ногами, а свет померк, погрузив мозг в темноту: неведомый спаситель повернул рубильник, отключив электричество.

— Ух ты...

Выдох непроизвольно вырвался из груди, принеся собою умиротворенность и спокойствие, словно у несчастного страдальца забрали неимоверный труд, — наверное, такое же облегчение испытал Геракл, когда с его плеч сняли небесный свод.

— Ба! Опять, на том же самом месте!

Восклицание вырвалось из груди само по себе, стоило Петру разомкнуть веки. Он не ослеп, как боялся, и не оглох, а потому радостное щебетание птичек, порхающих с ветки на ветку, гудение шмелей, стрекот кузнечиков вливались в уши сладкой музыкой. А глаза видели ту самую церковь, которая вот уже несколько раз была в его снах.

Сияющие свежей побелкой кирпичные стены, блистающая золотом маковка купола, увенчанная православным крестом, — святой храм каким-то чудесным образом очистил его душу, принеся спокойствие и умиротворенность. Сразу же захотелось упасть на мягкую зеленую траву, чтобы видеть плывущие по голубому небу белые облака, прищуривая глаза от нестерпимого золотистого блеска.

— Боже, как хорошо!

Петр был счастлив, его сейчас ничто не тревожило, душа умиловилась. И, может быть, впервые за долгие годы он обрел то безмятежное спокойствие, о котором мечтал всю жизнь. Но в подсознании словно засела маленькая заноза, которая не позволяла ему окунуться в радостную купель бытия, и эта самая игла с каждым разом все больше давила, покалывала, безжалостно на чав терзать душу. Петр непроизвольно дернулся, поняв причину беспокойства.

Звон?!

Колокола не били всю ночь, как всегда происходило во снах, будто дали монашеский обет молчания и ничем не хотели нарушать опустившуюся на землю тишину.

— Нет, так дело не пойдет! — удивленно пробормотал Петр. — Это выходит за рамки сценария...

Император поднялся и осмотрелся еще раз. Чудную деревенскую пастораль ничто не нарушало, не было вокруг ни людей, ни скотины, ни птиц, как Петр ни присматривался.

— Да что же это такое? Ничего не вижу, зато все слышу. Чудеса, да и только!

В полной задумчивости Петр прошелся по мягкой траве, уже настороженно поглядывая по сторонам, хотя привычного беспокойства внутри не имелось. И тут его пронзила одна мысль, о которой он как-то в эти секунды запомнил: «А где же мой добрый дедушка, мать его за ногу?! Ведь у этой церкви у меня с ним постоянно „стрелка“ забита, всякие „базары“ терли! Хорошо, что больше не дерется и меня не поучает... Ох, грехи мои тяжкие, как же я сочувствую его бедным подданным, что имели такого царя, не к ночи буде он помянут!»

Петр повертел головой — но ни долговязого царя, ни его расфуфыренного, преданного как пес, но вороватого Алексашки Меньшикова не наблюдалось. Это обстоятельство сразу же озадачило.

— Не понял! — воскликнул он. — Выходит, этой сладкой парочке на Божий свет появляться нельзя?! Либо ночью шастают, либо в сумерках приходят, на закате. Грехов, видно, много, но не все тяжкие, раз хоть на край солнца им дают полюбоваться!

Петр ущипнул себя за ногу, больно, как гусь своим клювом, но чудный сон продолжался. Так же ярко светило солнце, зеленела кругом травушка-муравушка, а из рощи слышалась переключка птичьих голосов: птахи лесные то ли перебранивались меж собой, то ли, совсем наоборот, изнывали от внезапно навалившегося счастья.

— Ладненько, пойду куда-нибудь, осмотрю окрестности, раз проснуться мне не дают! А так прогулку совершу, может быть, чего нового в здешних пенатах и увижу...

Приняв решение, Петр бодренько пошагал по траве, по привычке положив левую руку на бедро, как бы придерживая шпагу, которой, понятное дело, у него сейчас не было.

Отдал он стальной клинок шведского короля Карла XII своему внуку, о чем порой искренне жалел. Но раз обещал, то сделал, хотя пупырчатая жаба частенько давила на душу, топорищ свои бородавчатые лапки в алчных приступах.

Дорога оказалась легкой, шагай себе по ней да шагай, любуйся пейзажем, словно сошедшим с полотен известных русских живописцев, слушай пение лесных обитателей. Прикушенная зубами зеленая травинка несла в себе легкий запах полыни, чуть горьковатой, но приятной, слегка будоражащей плоть и кровь.

Запах юности, кто ж из нас не ощущал его и не печалился спустя долгие годы, когда тоска с силой давила на сердце. Ведь прожитые годы, как та полынь — пока не ляжет снег, горечь витает в воздухе, но тем самым давая жизнь. А уж белое покрывало, словно саван, душил живое, но потом дает надежду на будущее возрождение, которого все с нетерпением ожидают, чтобы снова вдохнуть горечи жизни...

— Так и есть! — пробормотал Петр, а его ноги сами делали шаг за шагом, словно отмеряя не пройденные сажени пути, а прожитые им годы. Он шел, не зная куда, но упрямо стремился к какой-то неведомой цели, заветной и желанной, но недостижимой...

Дувр

— Цитадель наша, ваше превосходительство!

Выскочивший из темноты морской пехотинец радостно прокричал долгожданное известие и снова канул в черную мглу. Странно, но сопротивления гарнизон небольшого портового городка совершенно не оказал, да и в проливе, как это ни удивительно, русские галеры не встретили патрульных фрегатов или бригов.

Такое вопиющее пренебрежение службой несколько озадачило контр-адмирала Максимова, но не могло его не обрадовать. Теперь он надеялся, что высадка штурмовых групп по всему юго-восточному побережью Англии, от Гастингса до Дувра, прошла успешно.

— Казармы взяты, ваше превосходительство! — очередной посыльный вынырнул из темноты.

— Солдаты сдались?

— Мы их вырезали, господин адмирал!

Теперь голос был иной, уверенный в себе: говорил кто-то из офицеров, причем явно знакомый, и Максимов уточнил:

— Всех, мичман?

— Да там их немного было, господин адмирал, на раз-два в ножи всех взяли. Никто и не пикнул...

— Вы уж осторожней, Викентий Петрович, «языки» нужны!

— Слушаюсь, ваше превосходительство! В замке наверняка кого-то взяли, я мигом!

Адмирал хмыкнул. Он постоянно хвалил мичмана Гончарова за исполнительность, но уж больно потомок татарских беев презрительно относился к пленным, не считая их за людей, постоянно твердя, что настоящий воин должен драться до последнего вздоха.

Хотя, по большому счету, именно сейчас Максимов не хотел связывать себе руки пленными в столь ответственный момент. В первом броске на южное побережье шло всего полсотни галер, на каждую из которых гребцами и командой погрузились три сотни морских пехотинцев. Прорваться, судя по всему, удалось практически без потерь. Теперь следовало любой ценой удержать захваченные гавани и дожждаться прибытия главных сил десанта.

— Зажечь брандеры, обозначить вход!

Контр-адмирал отдал команду, нисколько не сомневаясь, что она будет выполнена.

Действительно, не прошло и пяти минут, как слева и справа от входа в гавань вспыхнули два ярких огня — то подожгли две галеры, набитые горючими веществами под завязку: смолой, селитрой, нефтью. Теперь огонь этих импровизированных маяков хорошо послужит многим другим кораблям союзного флота...

Гибралтар

— Русский флот проследовал в Кадис, сэр...

Голос флаг-офицера дрожал от еле сдерживаемого возбуждения — наконец произошло то, что все англичане, от флагмана до юнги, ожидали в лихорадочном нетерпении.

Адмирал Коллингвуд, первый барон Катберт, чуть улыбнулся долгожданному известию. Старый моряк прекрасно понимал, что идущих на всех парах кораблей московитов не догнать его парусным линкорам. Но как только они свяжут себя по ногам огромным скопищем французских и испанских судов, то все их преимущества превратятся в недостатки.

Они станут похожими на скаковую лошадь, к ногам которой привязали чугунное ядро!

В голове адмирала был давно разработан план будущей баталии — дожждаться, пока весь союзный флот соберется в Кадисе, и прихлопнуть там его разом. Он лишь тихо спросил, уточняя:

— Каков состав эскадры?

— Девять «коптилок», сэр! И еще десять поменьше, фрегат, корветы или бриги, сэр!

— Отлично, Генри, просто отлично!

Взмахом руки Коллингвуд отпустил флаг-офицера восвояси и подошел к окну. Через стекло были хорошо видны маленькие пятнышки костров осадившего Гибралтар русско-испанского отряда.

«Слишком далеко, чтобы принимать их в расчет! На такой дистанции вражеская артиллерия для нас абсолютно безвредна!»

— Ну что же, — негромко произнес адмирал, обращаясь к самому себе, — завтра выйдем в море, и эти бестии узнают на собственной шкуре, кто настоящий хозяин!

Предстоящего боя Коллингвуд совершенно не опасался, несмотря на то что имел вдвое меньше кораблей, чем союзники. Он не без основания считал, что по своей выучке английские команды наголову превосходят своих оппонентов. Да и паровые машины, стоявшие на русских линкорах, не давали большого преимущества — лишь в случае бегства догнать их было чрезвычайно затруднительно. Так что завтра его эскадра выйдет в море и через день перехватит объединившихся врагов, устроив им показательный урок.

— Они разделят судьбу «Непобедимой эскадры»! — уверенно произнес адмирал.

В голосе слышалась непоколебимая убежденность — лавры Дрейка и Хоукинса жаждали получить многие адмиралы и капитаны Королевского флота, но этот фарт выпал ему!

Коллингвуд снова подошел к окну, пристально всмотрелся в темноту и тут же увидел вдали яркую вспышку, будто выстрелили из пушки. Он захотел отвернуться, но краем глаза случайно заметил, как всего в каком-то кабельтове от кормы его флагманской «Виктории» взлетел из воды большой белый султан.

— Дьявол их разбери!!!

Удивление буквально поразило Коллингвуда — адмирал оцепенел на добрую минуту. Он был опытным моряком, и калибр упавшего ядра оценил не менее чем в сорок фунтов. Такое попадание могло стать фатальным для любого английского корабля, укрывшегося в Гибралтарской бухте. И словно в подтверждение опасения вдали вспыхнули уже два огонька, и еще пара смертельно опасных всплесков появилась на темно-синей глади.

— Откуда у русских столь дальнобойные пушки?! — вскричал адмирал, с пронзительной отчетливостью понимая, что план придется немедленно корректировать.

Он не хотел допускать потери ни одного линкора своей не столь многочисленной эскадры, так что уходить из Гибралтара нужно было перед рассветом, как можно быстрее, пока русские комендоры не пристрелялись по его линкорам, что могли превратиться в неподвижные мишени.

— Годдэм! Мне нужно выходить немедленно! Дьявол подери московитские пушки, это сатанинское порождение!

Дувр

Галера ходко шла по чуть светлой дорожке лунного света, весла размеренно опускались в воду, и на едином выдохе здоровенные парни в зеленых мундирах тянули их на себя.

— Ой-хо!

Этот вскрик продолжался сотни раз, и Денису Давыдову казалось, что он будет повторяться до бесконечности. Молодой гусар только вертел головой по сторонам, искоса бросая взгляд на уверенно стоявшего на небольшом возвышении князя Багратиона.

Вот на кого он хотел походить сейчас — решительного генерала, не испытывавшего ни капли страха перед морской стихией. А ведь ветер свистел, большие волны каждый раз, как казалось молодому офицеру, поднимали большую галеру, словно пушинку. А в голове уже рождались стихи, в которых будет повествоваться, как, преодолев свирепую бурю и шторм, русские солдаты отважно переправились через огромное море.

— Удивительно тихая стоит погода, поручик! Посейдон нам весьма благоприятствует!

Давыдов стремительно обернулся и с нескрываемым высокомерием обладателя шикарного гусарского ментика, отороченного мехом, посмотрел на одетого в зеленый мешковатый мундир флотского офицера со звездами капитан-лейтенанта на погонах.

— А долго ли нам еще плыть?

Вопрос вырвался непроизвольно. Морское путешествие кавалериста порядком утомило.

— Пролив неширок, поручик, идти всего двадцать миль. Море спокойное, о лучших условиях и мечтать не приходилось. Да вон он, берег, через пять минут пристанем.

Денис впился взглядом в ночную тьму, которая уже была не черным покрывалом, непроницаемым для взора, а темно-серой вуалью пожилой модницы, через которую он разглядел смутную длинную полосу будто вырастающей из воды крепостной стены. Неожиданно прибрежная полоса осветилась двумя кострами, а стоявший с ним моряк чуть ли не подпрыгнул на месте и ликующе выкрикнул:

— Брандеры горят! Наши взяли Дувр!

Поручик продолжал гадать, как произойдет высадка. Ведь по плану князя и его штаб должен был перевозить специальный пароход, но уже перед самым отплытием на нем сломалась машина, и тогда генерал Багратион решил отправиться с первой волной десанта, составленного исключительно из одних моряков.

Денис не разделял уверенности князя и, как всякий армеец, с некоторым пренебрежением посматривал на матросов, коих считал малопригодными к сухопутной войне: ибо одно дело грести веслом, для этого большого ума и выучки не нужно, а другое — орудовать саблями на фланкировке. А потому на ружья, сложенные под лавками, на которых сидели гребцы, он посматривал с сочувствием — негоже такое великолепное оружие передавать в руки едва обученных военному делу мужиков.

— Охма!

Толчок оказался внезапным, и если бы не сноровка в кавалерийской езде, когда лошадь может остановиться перед барьером, то поручик не удержался бы на ногах и проломил собственной головой дощатую перегородку. Но и без помощи не обошлось — моряк цепко подхватил его под локоть, и Денис чудом удержал равновесие.

— Полундра! Вперед, братишки!

Звонкий крик, пронесшийся над палубой, привел в движение всех моряков — гребцы отшвыривали весла, вооружались винтовками, перекидывая через плечо патронташи, и мгновенно бросались к открытым портам на носу, с которых уже были скинуты в воду длинные сходни.

— Ни хрена себе...

Вот тут поручика проняло — не прошло каких-то двух минут, как галера опустела, и лишь из воды да с берега доносился отборный флотский мат. На носу стояли немного растерявшиеся штабные офицеры и сохранявший полное спокойствие грузинский князь.

Справа и слева на прибрежный накат, словно гигантские киты, выползали, одна за другой, следующие галеры, с которых с затейливой руганью на устах скатывались сотни матросов.

— Господа! Высадка началась... — Голос князя Багратиона чуть дрожал от возбуждения: — Прошу пожаловать на берег!

Булонь

На голубой глади узкой речушки, почти у самого берега, качался на тихой волне вытянутый баркас. Приглядевшись к нему, порядком удивленный Петр узнал видимый им неоднократно в военно-историческом музее на Васильевском острове легендарный бот.

— Так ведь это «дедушка» русского флота! Ты смотри, самого Петра Алексеевича любимый бот!

Сапоги с чавканьем вошли в ил, теплая вода полилась за голенище, на что Петр не обратил никакого внимания. Сделав несколько шагов, он уцепился за борт и рывком перебросил ногу.

Усевшись на банке, император с улыбкой осматрел, бот — мачта была убрана, но все остальное находилось в полном порядке: хоть сейчас отправляйся в плавание, только весла вставляй в уключины да сажай за них гребцов.

А еще на суденышке было четыре маленьких, почти игрушечных пушки. Петр склонился над одной, тщательно осматрел, даже сунул два пальца в дуло. К его удивлению, орудие оказалось заряженным.

«Пальнуть, что ли?» — сам себе задал вопрос император, в котором словно проснулась озорная юность, где часто использовались самодельные «поджиги» и самопалы. Хлопнув себя по карману, он с немалым удовлетворением извлек оттуда коробку папирос и коробок спичек.

— Опа-на! Так у меня еще и табачок есть?! — обрадовался Петр и раскрыл коробку. Внутри царила девственная пустота, без единой даже крошки зелья. Император негромко выругался: — Да уж, не покурить мне! Ну, хоть стрельну!

Ожидая очередную подлость судьбы, Петр осторожно потряхнул коробком и с удовлетворением в душе услышал перестук деревянных палочек. Он извлек одну, чиркнул о дорожку, в его руках заплясал маленький огонек. Недолго думая, Петр поднес язычок пламени к засыпанному пороховыми зернышками запальному отверстию.

Бух!!!

Пушечка оглушительно рывкнула, дернулась назад, чуть ли не отдавив кисть незадачливому канониру. В метрах двухстах на воде взметнулся небольшой белый султанчик.

— Хорошо пошла, и далеко! — искренне восхитился Петр.

Пальцы, держащие коробок, испытывали невообразимый зуд, и он решил продолжить канонаду. Три пушечки раз за разом выплюнули маленькие ядра, изрыгнув дым и пламя, что окончательно привело Петра в возбужденное состояние.

— Если бы у меня в детстве были бы такие вот игрушки, — вслух резюмировал свои мысли император, — я бы тоже полководцем стал и дурью бы не маялся!

— Понравилось, внук мой?

Знакомый голос за спиной раздался настолько неожиданно, что Петр подпрыгнул на отполированной многими матросскими задами полке: обернулся... так и есть: добрый дедушка Петр Алексеевич, в потрепанном Преображенском мундире и ржавых от старости башмаках с большими латунными пряжками, взирал на него с непонятной и неприятной улыбкой, от которой топорщились кошачьи усики.

«Прямо котяра, который не знает, что ему сейчас сделать — либо сосиску украсть, либо стол пометить!» — с небольшой ноткой раздражительности подумал Петр и посмотрел на верного сподвижника первого российского императора.

Ментиков, как всегда, был вальяжен, принаряжен и краснолиц. Видно, успел «полудержавный властелин» приложиться к изрядной толике спиртного и теперь пребывал в игривом настроении.

— В морские баталии твой внук играет, мин херц!

Голос Алекашки оказался в меру глумлив, но взгляд, который он при этом бросил на Петра, был опаслив. Видно, опасался баловень судьбы возможного наказания.

— Ты говори, да не заговаривайся! — резанул Петр Алексеевич. — Он на море поболее твоего хаживал!

— А я что, в баталиях морских не участвовал?! — искренне возмущился Меншиков. — Мы же с тобой, мин херц, в устье Невы шняву «Астрель» и бот «Гедан» на шпагу взяли! Кавалерию Андрея Первозванного получили, за викторию неслыханную!

— Неслыханную! — хмыкнул Петр Алексеевич. — Взяли две малых лоханки и гордимся?! Внук мой уже десятки аглицких кораблей пожег и потопил! Вот где победы неслыханные!

— А мы тоже побеждали их, да как! — воскликнул Меншиков, оскалившись белоснежными зубами в недоброй улыбке. — Вспомни, мин херц, как мы усадьбу ихнего адмирала Бенбоу начисто разгромили! Вот это виктория была чудесная!

Усы Петра Алексеевича выгнулись, и царь жизнерадостно засмеялся, вспоминая юношескую проделку. Меншиков откровенно ржал, скаля зубы, заулыбался и сам Петр — эту историю он хорошо знал.

Во время пребывания «великого посольства» за границей — Россия тогда готовилась к войне со Швецией — царь решил завязать контакты с европейскими монархами для поддержки в будущем: посетил Англию.

Правителю московитов, которого в Лондоне все общество посчитало диковатым, отвели целую усадьбу, попросив прославленного адмирала на время съехать, дабы не стеснять царя и полсотни сопровождающих его в поездке «потешных» и слуг.

После отъезда московского владыки флотоводец вернулся в родные пенаты, и от увиденного там его волосы встали дыбом. Роскошное прежде поместье выглядело так, будто вслед за батыевой ордой здесь побывало все Мамаево воинство вкупе с крымскими татарами, запорожскими и донскими казаками.

Каменный двухэтажный особняк существенно пострадал, московиты умудрились снести даже флигель. Все внутри было загажено, облевано и испоганено, везде были груды стекла — то русские развлекались стрельбой из пистолетов по бутылкам.

Гобелены пущены на портянки, обои изорваны, а там, где уцелели, покрыты рисунками с похабным содержанием и таинственными руническими надписями, видимо, на татарском языке, прочитать которые не удалось даже лучшим переводчикам с Уайт-холла, хотя дипломаты в один голос клялись, что странные изречения написаны именно на кириллице.

Но еще большие разрушения были нанесены парку и приусадебным строениям. Кусты вырублены, вытоптаны, прекрасные дорожки превращены в забитые мусором канавы, деревья изрезаны саблями, птичник превращен в руины, а в уборную даже заходить было страшно. Видимо, потому для исправления надобностей русские предпочитали «ходить» исключительно в цветущий парк.

Да и соседи поведали немало интересного о странных московских забавах. Русские добрались до садовых тачек и тележек и с хохотом на них катались, причем, к великому удивлению добропорядочных джентльменов, в качестве ямщика в этих диковатых упряжках выступал лично московский царь, подбадривающий своих подданных кнутом.

Взбешенный адмирал со всех ног кинулся в правительство, требуя наказать виновных самым строгим образом. Лишь после долгих уговоров, с выплатой немалого вознаграждения на покрытие убытков, дипломатический конфликт удалось замять...

— Да, Алекашка, хорошо погуляли! — Петр Алексеевич весело хмыкнул: — И даже ничего не украли!

— Так ты сам, мин херц, приказал на воротах любого, кто покусится на имущество, немедля повесить. — Алекашка закрутил головой, видно, терзала его какая-то потаенная мысль. — А там труба зрительная была, зело удивительная! Уж я к ней и так и этак, но нельзя... А потому приказал всем зашить карманы, дабы с пьяных глаз от греха уберечь!

Первый российский император и его вернейший сподвижник переглянулись, и смех грянул с новой силой...

Портсмут

— Ваш кофе, сэръ!

Вестовой внес поднос с дымящимся кофейником, и запах свежих обжаренных зерен окутал адмиральский салон. Вообще-то сэр Джон Джервис любил встречать утро чашкой доброго чая с ромом, но в последнее время предпочитал именно кофе: этот напиток очень бодрил престарелого адмирала, и от него кровь быстрее лилась в жилах, будто вернулась давно забытая молодость.

Лорд сморщил нос, потянув приятный запах, и остался доволен — повар постарался как надо.

Побудку на кораблях еще не объявляли, хотя утро уже начало вступать в свои права, и даже извечный спутник — туман — уже отошел от берегов, рассеявшись серой пеленой по каналу.

Адмирал прикоснулся губами к чашке, вдыхая ноздрями ароматный запах, но мысли старого моряка давно занимали лишь дела, не оставляя места наслаждению. Он посмотрел в раскрытое окно, вдыхая уже не аромат кофе, а соленую свежесть моря, и с гордостью взглянул на лес мачт, вырастающий прямо из синей глади.

Эскадра пролива была полностью готова к бою, и достаточно было его приказа, как две дюжины мощных линкоров через какой-то час могли выйти в Ла-Манш и всей мощью орудийных бортов смести любого наглеца, осмелившегося поставить свой сапог на английскую землю. А те почти две тысячи пушек, что находились на палубах его мощных кораблей, могли стать весомым доводом в поддержку любых притязаний Британской короны.

Джон Джервис, граф Сент-Вицент, прибыл на свой флагманский «Орион» поздним вечером, даже ночью, и только сейчас собрался отдохнуть. Адмиралу сон положен в любое время, и старик собирался часок подремать в кресле на морской прохладе.

Сделав глоток кофе, старик устало посмотрел в окно и вздрогнул — по синей глади шел черный дым. Глаза сами впились в море и тут же нашли врага, ненавидимого всем сердцем.

Пять угловатых коробок без мачт, но с высокими черными трубами, изрыгающими дым, шли в строю пеленга уступами прямо на его линкоры. За ними тянулись две небольшие кильватерные колонны из вытянутых, с хищным силуэтом таких же «коптилок», тоже лишенных привычных для моряка парусов.

Эти совершенно не вызвали тревоги — слишком несерьезными они показались на первый взгляд. Необычные, но яхты, а вместо парусов паровые машины.

Но вот угловатые русские броненосцы были совсем иным делом, тут адмирал несколько не обольщался — информации хватало с избытком: с таким врагом его линкорам лучше не встречаться, стоя на якоре.

— Проклятье!!!

Чашка выпала из рук старого моряка, черный кофе растекся по палубе большой кляксой. А наверху уже надрывались горны, трубя тревогу, да свистели боцманские дудки.

— Чертовы «коптилки»! — с угрозой пробормотал адмирал и, забыв про почтенный возраст, словно вернулась лейтенантская молодость, с необыкновенным проворством выскочил из салона...

Лондон

Утро обещало быть добрым. Туман над Темзой понемногу рассеялся, и лишь сизая пленка продолжала держаться у самых берегов.

Премьер-министр Уильям Питт впервые со дня шотландского мятежа выпался, а потому чувствовал себя довольно хорошо. Правда, немного побаливала грудь, покалывало сердце, но это он списывал на волнение предшествующих недель. Слишком тяжела ноша главы кабинета Его Величества, не всякий ее вынесет.

Питт приготовился позвонить в колокольчик, вызвать камердинера, но дверь сама неожиданно раскрылась. От такого ужасного моветона, как говорят извечные враги французы, у Питта не дрогнула ни единая мышца на лице, он только холодно осведомился, сохраняя свойственную островитянам обычную невозмутимость:

— В чем дело, Джон?

— Гонец из Дувра, сэр, с чрезвычайно важным сообщением!

— Пусть войдет.

Уильям запахнул плотнее халат и встал возле стола — в настежь раскрытую дверь вошел запыленный драгун в форме Ирландского драгунского полка, вытянулся, громко отрапортовал:

— Сержант Уилкшир, сэр, от коменданта Дувра!

— Что мне хочет сообщить полковник Паркинсон?

— Он убит, сэр! Цитадель и город захвачены русскими!

— Что-о-о?!

Невозмутимость мгновенно слетела с лица Питта-младшего, и тут же в сердце сильно кольнуло. Он машинально схватился за грудь, чувствуя бешеное биение сердца. Можно было бы посчитать это известие неуместным розыгрышем, но вид гонца в пропыленном мундире с окровавленным лицом не говорил о склонности матерого сержанта к шуткам.

— Это что, набег? — тихо спросил премьер-министр.

— Не могу знать, сэр! Но гавань забита их кораблями, а в море наблюдалось множество парусов и дым, сэр, везде черный дым. Это их дьявольские «коптилки»!

Сержант сглотнул, было видно, что ему тяжело говорить, и Питт показал ему рукою на графин с лимонной водой. Бравый вояка, несколько не чинясь, будто у него в обыкновении каждый день пить на глазах главы кабинета, налил полный бокал и в три глотка осушил.

Питт приготовился задать вопрос, как в дверях снова показался вечно невозмутимый секретарь.

— В чем дело, Джон?

— Сообщение из Гастингса и Фолкстоуна, сэр! Порты заняты французами, на море много их кораблей, до нескольких сотен, сэр!

Ошеломленный известием, премьер-министр без сил опустился на диван. Какой там набег, это самое настоящее вторжение!

— Проклятый московитский пес! — сдавленно прорычал Питт. — Ты снова нас обманул!

Утро перестало радовать, черная злоба начала одолевать душу — он уже понял, что все слухи о предстоящем в июле десанте на Остров являлись подлым обманом — русские начали высадку намного раньше. И коварство царя оказалось безграничным — как он мог так подло напасть, ведь настоящие джентльмены ночью не воюют!

— Джон! Пригласите ко мне генерала Уэлсли. Надеюсь, что он еще не выехал из Лондона!

Булонь

Смех оборвался неожиданно, словно чересчур наигранным, фальшивым насквозь оказался.

— Братом меня называл аглицкий король, яхту мне подарил! Любезностями осыпал! Тьфу!

Лицо Петра Алексеевича скривилось от омерзения, царь даже сплюнул от избытка переполнявших его чувств.

— Сучий потрох! Свеем всю войну помогал, а как мы их бить начали, то флот свой на Балтику послал, запугать нас захотел. Стервь! Ты уж бей их, внук, крепко бей! Чтоб на века зареклись на Россию гадюками шипеть, вырви им клыки ядовитые!

— Все сделаем, ваше императорское величество, — спокойно ответил Петр. — Твое

желание полностью совпадает с моим, а возможности сейчас имеются нехилые! Да и время упускать нельзя... А то они через год кораблей новых понастроят, вот тогда мы с ними не справимся.

— Так воюй, внук! — Петр Алексеевич положил на плечо императора широкую ладонь, от тяжести которой у Петра чуть подкосились в коленях ноги. — В море иди, там бой будет, а не с метрессками французскими на берегу прохлаждайся.

— Да какие метресски?! — фальшиво удивился Петр, пытаясь спрятать охватившее его смущение. — Я уже и забыл, когда этим делом промышлял, стариком совсем стал...

— Ври больше! — с нехорошим смешком отрезал Петр Алексеевич. — У меня в Лондоне актриска одна была, в метресски мои тоже записаться хотела. И не просто так, а подавай ей пятьсот рублей!

— Сколько-сколько?!

Петр был ошеломлен. Он хорошо знал, что его дед был скуповатый, а заявленная сумма прямо-таки оглушала своей абсолютной нереальностью. Более фунта золота заплатить за постельные услуги даже для него было непосильной задачей.

Да и за что платить столько?!

— И что ты ей ответил?

— Сказал, что за половину этой суммы мне любой генерал душой и телом ревностно служить будет. Жизнь отдаст, не поморщившись! Она свою дырку похотливую вдвое дороже ценит! Тьфу!!! Ни рубля не дал, и ты не давай, внук! Тварям этим, потаскушкам дешевым, даром что с графскими титулами!

— Так я... ничего и не даю... — чувствуя некоторое смущение, пробормотал побагровевший от стыда Петр. После случая на болоте он неожиданно почувствовал страстное влечение к противоположному полу, видимо, сама плоть воспротивилась долгому воздержанию.

Вот и грешил тайкам, в основном в своих Гостилицах, где ни единая душа не проговорилась — верность там блюли лично ему, а потому молчали наглухо. Да и знатных особ в тех владениях не могло быть по определению, хотя ощутимой разницы между ними и горничными с поварихами Петр как-то не замечал. Ночью все бабы на одну плоть и отличий между ними совсем не чувствуется.

— Ну-ну... — осуждающе покачал головой Петр Алексеевич и неожиданным, резким движением сорвал с головы Меншикова парик: — Вот тебе бабьи волосья, жми их крепко!

От свирепого рыка императора Петр машинально сжал в кулаке роскошную прядь и рванул что было сил. Волосы неожиданно застонали человеческим голосом, и он в диком ужасе заорал:

— А-а-а!!

И проснулся, чувствуя, как его обжигает чье-то тело — мягкое, словно подогретое тесто.

— Что с вами, сир? Вы мне сделали больно!

— Ты зачем здесь?!

Сон схлынул, Петр буквально вытаращился на склонившееся над ним женское лицо, с удивлением отметив, что зачем-то намотал на свой кулак рыжий локон.

— Так вы сами сказали, сир, что вам постель греть нужно... Вот я и пришла сюда, но вы уже уснули.

— Да-а? — с трудом протянул император, припоминая события вчерашнего вечера. Что-то подобное он говорил, вроде про холодную старческую кровь в жилах. Но Петр никак не ожидал, что французы примут эти слова близко к сердцу и настолько оперативно ответят.

Горячее женское тело обжигало, и Петр, освободив пальцы от локона, сжал в ладонях податливое тело. Женщина застонала так протяжно и призывно, что он помимо воли

почувствовал острое желание. Но оттого, что головной мозг почти перестал работать из-за отлива крови в иное место, язык задал совсем неуместный вопрос:

— Мы с вами знакомы, сударыня?

— Меня зовут Луиза... сир... Ах... маркиза... ах!

«Растешь, братец, раньше были прачки, а теперь твой статус поднялся, до маркиз добрался! Кому сказать — не поверят!»

Мысли потекли уже плавно, как равнинная река, но руки лихорадочно делали свое дело — женщина продолжала стонать, приводя Петра в еще большее исступление.

«Ну, дедушка, ну, провидец! Надо только с казной поосторожнее, а то в копеечку забавы эти влетят. Надеюсь, что Гош не применит супротив меня бактериологического оружия, какое Като когда-то предлагала, а то французы такие затейники!»

Великий Новгород

— Я никогда не думала, что у нас такая великая страна! Все едем, а конца и края нет!

Мария прижалась к Николаю, крепко взяв его под локоть. Тот погладил жену по ладони, искренне восхищаясь непосредственностью, — сам царь Сибирский за эти десять месяцев путешествия от Калифорнии до Петербурга пришел в состояние полного оупения.

И это при том, что весь путь был проделан со скоростью императорских фельдъегерей!

— У нас не просто великая страна, Машенька... — тихо произнес Николай. — Знаешь, что я больше всего осознал за эти месяцы?!

— И что, мой милый?

— Держава наша меняется прямо на глазах. Десять лет назад я был в Иркутске, и город не произвел на меня того ошеломительного впечатления, как три месяца тому назад. Заметь, солнышко, как много людей стало жить в Сибири! А какие заводы построили на Урале?!

— Меня там напугал паровоз, который нас до Перми вез. Прямо дракон какой-то! Дым и пар из железной утробы извергает!

— Я тоже удивился — первый раз такое чудо увидел! И наскоро расчеты произвел... Один такой железный монстр две сотни повозок запросто заменяет, в десять раз быстрее груз доставит. Вот это действительно чудо из чудес, казне экономия!

Николай восхищенно помотал головой и, припомнив свои запоздалые страхи, когда он два дня ожидал взрыва парового котла паровоза, счастливо рассмеялся.

— Ты это о чем, Коля?

— О будущем, Маша, о нашем будущем. За железными дорогами оно да за пароходами... Батюшка умно придумал. Грузы по рекам идут, а на волоках шпалы с рельсами протянуты. Вот только разгрузка и перегрузка путь сильно замедляют, да людей на складах держать много приходится. Хорошо бы железные дороги через все крупные города провести! Даже дотянуть до самого Тихого океана! Вот тогда бы всю нашу страну можно было в единую сеть завязать, крепко-накрепко!

— Тогда бы мы не за месяцы добирались, а за четыре недели, ну семь в худшем случае, от Владивостока до самого Урала. А там за одну седмицу и до Петербурга доехали.

— Эко ты загадала, милая! Это ж сколько денег надо, чтоб такую линию протянуть... На одном телеграфе чуть ли не годовую добычу золота истратили. Нет, не потянет казна такое дело, никак не потянет...

— Так не все ж за один год делается! — Жена мечтательно уставилась в оконное стекло кареты, за которым царил сумрак. — Клади чугунные рельсы потихоньку, по полсотни верст в неделю, глядишь, лет через тридцать и будут тебе дороги...

— Императрица в тебе спит!

— Куда уж! Орлова я по батюшке. И ни мне, ни тебе престола не видать. Да и не нужен он нам, по большому счету!

Мария скривила губу, показав белые жемчужные зубки, — Николай давно понял, что его Машу не прельщают ни богатства земные, ни безграничная власть над людьми.

— А вот нашу столицу, мой милый, я бы с удовольствием посмотрела! Чудно Петра творенье — я картинки много раз листала!

— Вживую увидишь, — Николай усмехнулся. — Еще надоест столица! Батюшка нам под жилье Зимний дворец отвел. Спи, давай, всю ночь ехать будем, так что хоть немного прикорнуть можно. Да и за стеклом темнота, нечего туда заглядывать.

Николай притворно смежил глаза и чуть улыбнулся. Хорошая ему досталась жена — хоть на сто рядов все обговорено, но каждый раз вот такие беседы интерес пробуждают, тем паче в дороге долгой, от которой и с ума сойти можно...

Гибралтар

Бригадный генерал Роланд Хилл, третий баронет своей знатной семьи, стоял на крепостной стене врытого в камень бастиона, совершенно не обращая внимания, как и положено невозмутимому джентльмену с хорошим воспитанием, на свирепую канонаду, что вот уже всю ночь гроыхала над Гибралтаром.

«Что у них за осадные пушки? Такое невозможно представить... Они расстреливают нас, а мы ответить им не можем — далеко! Проклятые москвиты, они опять применили дьявольщину!»

В обширной крепости, что служила главной базой для Средиземноморской эскадры Коллингвуда, уже семь часов повсюду гремели сильные взрывы, разнося строения в щебенку. Все было серым от каменной крошки, черный дым пожарищ стлался над разрушенными домами, полностью скрывая восходившее солнце.

Генерал за свои тридцать два года никогда не поддавался страху, считая его недостойным чувством для любого военного, а военную карьеру он начал в 1790 году, в 38-м (1-м Стаффордширском тяжелой пехоты) полку, что в Ирландии подавлял очередное выступление вечно мятежных и кровожадных фениев.

Знатное происхождение и высокое общественное положение семьи позволили Хиллу совершить головокружительную карьеру, став капитаном уже в двадцать два года, а в двадцать шесть — подполковником. Спустя еще шесть лет он стал полковником.

Вот только лавры победителя честолюбивому британцу обрести не удалось. Он пережил горечь ретирады из Тулона, который был взят штурмом войсками Гоша, затем последовала неудачная экспедиция на Гаити. Позже Хилл сражался в египетской Александрии с французами, где был ранен и попал в плен.

После обмена связи семьи сыграли свою роль, и молодой полковник, получив долгожданный чин бригадного генерала, оказался на должности коменданта Гибралтара, на весьма ответственном и, как он искренне надеялся, «тихом» посту.

— Прах подери этих русских! Они добрались и сюда... — сквозь зубы пробормотал генерал, сморщив в болезненной гримасе породистое лицо — час назад его контузило взрывом разорвавшейся бомбы. Но то было подарком судьбы, по большому счету, так как стоявших рядом с ним офицеров и солдат разорвало в клочья.

Карибское море

— В здешних водах выслуга офицерам идет быстро, Алексей Петрович. Через десять проведенных в море кампаний можно надеяться получить три больших звезды на погоны.

— Ого! — Ермолов, знакомый с военной службой не понаслышке, не сдержал удивления. Получить чин капитана первого ранга, равнозначный полковнику, было не просто тяжело, а очень тяжело.

Но если в армии за неимением полка под рукою можно было получить командование отдельным батальоном — егерским, гренадерским или саперным, без разницы, а также послужить в Генштабе на соответствующей должности, — то на флоте данный чин весил куда как больше, потому подполковник осторожно поинтересовался:

— Разве здесь есть линейные корабли? Или достаточно соединений из малых судов?

— Суда вообще-то купеческие, господин подполковник, а вот военными могут быть только корабли!

Капитан-лейтенант Чероков усмехнулся, как бы показывая превосходство морского офицера над невзрачным чиновником Министерства иностранных дел, пусть и послужившего сержантом в артиллерии, ибо воинскую выправку, вбитую годами службы, никак не спрятать под скромным сюртуком коллежского асессора.

Невелика птица! Какой-нибудь старший делопроизводитель департамента, которых в столице пруд пруди, погнавшийся в Русскую Америку за высоким окладом, «за ловлей счастья и чинов».

— Нет, милостивый государь, линейных кораблей здесь нет. Даже с корветами и то нехватка происходит. Просто здесь чинопроизводство быстрее, и на один больше от должности дают.

— Так, значит, я в здешних краях смогу в статские советники выйти?! Так это такое... такое...

Ермолов настолько искренне восхитился, просияв лицом, что даже сам поверил в то, что произнес. С новой личиной подполковник уже полностью свыкся и старательно играл навязанную в Генштабе роль.

— Может быть, и выйдете...

Моряк скривил губы и с нескрываемым сарказмом добавил, глядя на сизый нос своего собеседника и чуть бледноватое лицо — последствия перенесенной морской болезни и принятого для ее лечения неумеренного количества горилки с перцем.

— Все может быть... Если от кактусовой водки в первый год службы не помрете!

«Ах ты, татарский мурза, учить меня и этому делу будешь! Ишь, водоплавающий, вся задница в ракушках!» Раздражение вырвалось непроизвольно, но Ермолов сразу же совладал с эмоциями. Выходить из образа было опасно, и офицер с прежним терпением продолжил беседу:

— А она ничего хоть, эта водка-то из кактусов?

— Текила мексиканская? Пить можно! Но в Техасе делают такую дрянь! Другого здесь просто нет, если только ром... Но то на ценителя, лично мне — мерзость изрядная!

— Ничего! Русский человек все выпьет, лишь бы крепко было, — теперь с самым искренним вздохом произнес Алексей Петрович, понимая, что придется ему привыкать к местным реалиям.

Ничего не подделаешь, служба есть служба!

Гибралтар

— Сэр! Флот уходит!

Громкий крик оглушенного взрывом адъютанта больно резанул по ушам — в голове завибрировала боль, но генерал ее стоически терпел. Он только чуть повернулся в сторону:

— Патрик, что за манеры?!

Хилл поморщился — это было высшим признаком его неудовольствия. И молоденький лейтенант из хорошей семьи давних знакомых тут же взял себя в руки, ибо негоже настоящему офицеру и джентльмену метаться перепуганной курицей.

Могучие линкоры Коллингвуда, на которые так надеялся комендант, покрывшись белыми полотнищами парусов, медленно выходили в синее море, выстраиваясь длинной колонной. Лишь в самой гавани два корабля горели погребальными кострами. Русские ядра сыпались частым градом, а потому бухта превратилась в смертельную ловушку.

— Корабли уходят, сэр!

В голосе адъютанта, уже нарочито спокойном, тем не менее просквозил такой отчаянный страх, что Хилл снова поморщился, но заговорил как можно более твердо и решительно:

— В Кадисе наши враги собрали огромный флот. Адмирал идет туда за победой, а затем вернется обратно!

— Я очень надеюсь на это, сэр...

В голосе адъютанта пронеслись прерывистые нотки: юный офицер явно хотел сказать нечто другое.

«И я надеюсь...» — мысленно произнес генерал. После очень долгой паузы он прошептал так тихо, что никто не мог услышать:

— Если флот не вернется, то мы не продержимся и трех дней...

Новый Орлеан

Белые паруса на горизонте не приближались, а вроде, как показалось Алексею Петровичу, даже удалялись. Подполковник бросил искоса взгляд на команду. Матросы хоть и поглядывали на неизвестный корабль, но тревоги не проявляли, хотя короткоствольные пушки готовили к бою, да из железной трубы корвета густо повалил дым. Паровая машина сильно лязгала, и теперь палуба чуть дрожала под ногами.

— Это британцы, Алексей Петрович!

Ермолов обернулся, услышав за спиной спокойный голос капитана: потомок татарского бека, каких насчитывалось очень много в русской истории, причем некоторые из них, такие, как Борис Годунов, ставший Московским царем, являлись истинными патриотами России и привнесли большой вклад в ее становление.

Представители этого типично сухопутного народа, сыны которого заполнили ряды русской кавалерии, особенно в уланских полках, теперь стали служить и на морях, что было очень удивительным делом. Но капитан корвета нравился Ермолову — знающий, опытный офицер чувствовался в каждом его слове и жесте.

— Бегут, мерзавцы!

Чероков презрительно улыбнулся и добавил такую матерную конструкцию, что Алексей Петрович, считавший, что ругань вливается в русского человека с материнским молоком, восхитился.

Таких замысловатых оборотов подполковник не слышал. Тут было все — и поминание предков британцев, и их сомнительные связи с кровосмешением, и оценка коварства островного народца с добавлением сочной экспрессии морской души, покрытой замысловатой вязью прекрасных, истинно татарских узоров, многие из которых Алексей Петрович слышал впервые, хотя рядом с его поместьем жил потомок касимовского мурзы.

— А чего ж они бегут-то?

— Так по ветру сподручнее! Мы даже на полных парах догнать не сможем! Тяжеловат ход у моего «архангела», да и угля потратим много, его у нас и так в ямах почти не осталось. Только у французов бункера заполним, там наша угольная станция есть.

— А если бы их двое было? — посмотрев на горизонт, осторожно спросил Алексей Петрович, показывая рукой на белые пятнышки парусов.

— Тогда бы мы от них убегали! Супротив ветра догнать нас никому невозможно. Машина!

— Ага... — крикнул в ответ Алексей Петрович, чисто русским жестом потирая затылок и собрав поперечные морщинки на широком лбу. Теперь он стал понимать кое-какие азы морской тактики.

«Замысловато воюют, все им учитывать надо! И ветер, и течение, и отливы с приливами, прах бы их всех побрал!»

Ему сейчас очень хотелось ступить на твердую землю и больше никогда не видеть этой бескрайней пронзительной синевы внизу и вверху, что смертельно осточертела за многие дни.

— Я вижу, господин коллежский асессор, — капитан усмехнулся, словно прочитав мысли, пробежавшие по лицу собеседника, — вам очень хочется вступить на «землю обетованную». Посмотрите на север, вон туда, словно темная каемочка расплывается от края до края. Там Новый Орлеан, к вечеру вы получите то, что желаете!

Портсмут

— Вы сами загнали свой флот в ловушку, господа англичане! И теперь узнаете, как лиса давит в сарае кур!

Улыбка на лице контр-адмирала Алексея Самуиловича Грейга не предвещала ничего доброго. Именно он несколько недель назад предложил уничтожить британские линкоры прямо в базах накануне высадки десанта на Остров и тем самым не дать возможности английскому флоту помешать проводке огромной транспортной флотилии.

Как водится на флоте и в армии, принцип — «всякая инициатива наказуема» и «тот, кто предлагает, тот и выполняет», планирование и проведение операции поручили именно ему, и сейчас тридцатилетний адмирал испытывал ликующую радость.

Густой лес высоких мачт, похожих на кладбищенские кресты, заполнил гавань и рейд, постепенно вырастая по мере приближения броненосцев. Здесь находилось никак не меньше четырех десятков кораблей, больше половины которых представляли линкоры.

— Подать красную и зеленую! — негромко приказал Грейг.

На русском флоте флажные сигналы дополнялись пуском сигнальных ракет. Обычные придворные «шутихи» стали самым важным инструментом у сигнальщиков, и об их прежнем качестве все как-то позабыли. И теперь, получив условленный сигнал, русские броненосцы плавно отклонились вправо и начали сближение с английскими линкорами.

На последних царила суeta, в суматохе бегали матросы — внезапность нападения русских, да еще в собственной базе, сыграла свою зловещую роль. Но выучка британских команд была отменной — якорные канаты рубились, а кое-где мачты стали укутываться белыми покрывалами парусов.

Вот этого допускать было нельзя!

Поймавший ветер корабль, давший полный ход, угловатому броненосцу никак не догнать, ибо защищенность на них пошла в ущерб мореходности, а в этой части у первых «кабанов» была совсем худая репутация. Усовершенствованные «быки» хоть и были более приличными ходоками, но угнаться за парусником тоже не могли, даже растопив на полную силу котлы и

заклепав предохранительные клапана.

— Надеюсь, Лисянский сообразит, что его задача добывать «подранков» и не лезть в драку?! — пробормотал адмирал и тут же выкинул из головы неожиданно возникшее опасение.

Хотя на русском флоте инициатива только поощрялась, но нарушение приказа или диспозиции каралось строго, а за неоправданные потери взыскивали в полной мере.

Но тут Грейг припомнил фамилию командора флотилии новейших больших миноносцев и снова усмехнулся. Замечательная у того была фамилия, как раз для поговорки про лису и курятник, да и моряк опытный, на Тихом океане пять кампаний отслужил.

— Ну что ж, остается только сражаться, а там будет видно, кому благоволят боги войны!

Грейг окончательно изгнал из головы все посторонние мысли, настроившись на смертельную схватку с умелым и опытным врагом, причинившим столько зла его Отчизне.

Мэдстоун

— Грязные ободранные вороньи пугала, вам бы только жирных клопов кормить! Вы — жрущие пададь похотливые свиньи, недостойные совокупляться даже с собаками! — Английский генерал осыпал бранью стоявших навтыжку новобранцев, а те в ответ откровенно ухмылялись, слушая столь замысловатую речь да запоминая эпитеты, которыми их наделяли.

Но такова британская армия — все лучшее идет на флот, а в солдаты рекрутируют всяческие отбросы общества — пьяниц, бродяг, разорившихся ремесленников, мошенников и прочих представителей социального «дна», от которых в обычное время принято держать свои карманы в опаске и не поворачиваться к данным типам спиной.

Попавшим на целый год в рекрутскую казарму новобранцам английские сержанты буквально выбивали из голов всю дурь и делали из собранной швали настоящих солдат, что уже шли в полевые батальоны, где и служили как надо.

— Вот лается, настоящая собака!

Громкие слова прозвучали на гэльском наречии, абсолютно непонятном для многих англичан.

— Не хотел бы я попасть под такую муштру!

— Да, поцелуй герцогини намного приятнее, — отозвался голос на том же языке, — чем этого усатого со словесной проказой!

Дружный смех раздался со всех сторон. Сидящие на земле шотландцы, а их легко было узнать по килтам, жизнерадостно заулыбались, несмотря на унылое состояние, в котором они находились.

Здесь была собрана добрая тысяча горцев, ранее служивших в 42-м Королевском шотландском полку. Гордые расцветкой тартанов «Черной стражи», еще позавчера они сжимали в руках ружья и высокомерно посматривали на британцев.

Однако прошлой ночью свободолюбивых хайлендеров окружили королевские драгуны 1-го полка, у недоумевающих солдат отобрали ружья и, не объясняя причин, всем скопом загнали за ограду, где раньше паслись овцы какого-то местного лендлорда.

И только сегодня горцы узнали, что в Шотландии высадились русские и там началось очередное восстание супротив английских оккупантов. Вот только присоединиться к соотечественникам в этой справедливой войне уже было невозможно. Сейчас им оставалось только скрежетать зубами в полном бессилии да в насмешку петь свои протяжные песни, ибо даже волынки и те отобрали.

— Знал бы позавчера, вскрыл бы брюхо этому усатому! — прошептал с угрозой один из горцев, но на него тут же шикнул сосед:

— Сиди уж, вон он как к своим солдатам относится, а нас вообще за людей не считает. Прикажет — так перебьют нас здесь всех, порежут на куски и не поморщатся!

— Прав Дугал, сейчас нужно помолчать, но лично я впился бы им зубами в глотки...

— С голыми руками против ружей не попрешь! — рассудительно ответил тот, кто добивался поцелуя герцогини. — Так что лучше давайте посмотрим, что будет дальше...

Портсмут

Лорд Сент-Винцент, широко расставив ноги, спокойно стоял на шкафуте, не обращая внимания на разгоравшееся вокруг пламя и клубы черного дыма, вырывающегося из корабельного трюма. Старик был жив, он не получил ни одного ранения, но если бы кто-нибудь заглянул в его глаза, то увидел бы душу мертвого человека.

Джон Джервис видел много сражений, из большинства которых он выходил победителем. Но сейчас, глядя на полыхающие костры, которые раньше были красавцами линкорами, он впервые думал не о бое, а о том чудовищном избиении, что устроили русские броненосцы.

Тихо шевеля губами, он на все лады проклинал высокомерных лордов Адмиралтейства, кои за семь лет, прошедших с константинопольской баталии, не построили ни одного подобного корабля. Да и паровые машины были давно известны, но москвиты удосужились поставить их на свои линкоры, а лорды отказались.

— Прах подери! — Ругань сорвалась машинально.

Старый моряк примерил эти обвинения к самому себе. Лгать не было смысла, он давно искал смерти. Но именно Джон Джервис, лорд Сент-Вицент, адмирал флота Его Величества, сам приложил руку к тому побоищу, что учинили его кораблям!

Да-да, он сам яростно протестовал против нововведений, не поверив Паркеру, Нельсону и другим адмиралам и капитанам, видевшим собственными глазами чудовищное оружие русских.

Палуба под ногами качнулась. Горящий «Орион» дал бортовой залп по броненосцу, и в малую секунду, перед тем как все заволкло дымом, моряк увидел, как тяжелые ядра отскакивают от покатых железных плит, что прикрывали батарейный каземат русского корабля.

— Как об стену горох... — прошептал адмирал. Он уже все понял. Та картина, которая сейчас повторится с «Орионом», уже происходила на его глазах много раз. — Нас сейчас будут топить, а мы не успеем перезарядить наши пушки...

Дым рассеялся, и англичане закричали от ужаса. Стремительный, хищный кораблик, густо дымя трубами, выскочил из-за броненосца и устремился на горящий флагман.

Круглые люки на «скулах» уже были открыты — спустя несколько секунд из одного отверстия выскочило «бревно», погрузилось в воду и тут же подвсплыло, за ним потянулся длинный пенистый след.

— Копья Сатаны!!! — в диком ужасе заорали столпившиеся на палубе матросы. Одни пытались стрелять из ружей, стараясь попасть в дьявольское русское изобретение, другие в панике бросались в воду, стараясь отплыть подальше от погибающего корабля.

Лишь старый адмирал спокойно стоял на палубе, бестрепетно взирая на приближавшуюся к нему смерть...

Чатам

Никогда еще в своей жизни адмирал Роберт Кальдер не испытывал столь унижительного чувства стыда. Он потерял в ожесточенном бою сразу четыре линейных корабля, с немалыми трудностями приведя лишь семь поврежденных линкоров в бухту.

Горечь была сильной!

Только вчера адмирал полностью осознал, насколько сильными и опасными врагами являются русские. Он выиграл сражение у датско-шведской эскадры, что по числу вымпелов не уступала его отряду, и уничтожил бы ее полностью, если бы не вмешательство дымящих трубами русских кораблей, которых оказалось не меньше английских. Но даже двукратный перевес не испугал адмирала и его команды, а лишь применение дьявольского оружия русскими, против которого все обычные, наработанные годами приемы оказались бесполезными.

Из сражения при Доггер-банке Кальдер извлек очень важный опыт, за который было заплачено слишком дорогой ценой.

Если раньше линейные корабли сходились на дистанцию в один кабельтов, ибо проломить ядром трехфутовую стену мореного дуба или сосны с более дальней дистанции являлось невозможным, то сейчас такое сближение уже становилось смертельно опасным.

Все четыре корабля его эскадры потопили самодвижущимися минами с обычного в бою близкого расстояния. Потому найти противоядие этому оружию оказалось невозможным.

Оставалось только одно — ни в коем случае не сближаться с русскими паровыми линкорами на ружейный выстрел, дабы уберечь себя от пуска мины, что разламывает взрывом даже очень крепкий корпус.

— Гони! Чтоб дорога горела под колесами!

Адмирал уселся в карету, возничий свистнул кнутом, и упряжка из четырех коней резво рванула вперед. Адмирал же откинулся на подушки и остался наедине со своими мыслями, прямо скажем, невеселыми.

Англии требуется новый флот!

Огромные эскадры плавучих крепостей превратились в никуда не годный хлам, неспособный противостоять новым русским кораблям. Века парусов уходят в прошлое, пар пришел им на замену.

Вот только как об этом скажешь лордам Адмиралтейства? Но и молчать нельзя!

Потому-то карета и мчалась на бешеной скорости в Лондон, где адмирал надеялся встретиться с премьер-министром, с которым в прошлые времена они изволили даже тепло общаться.

Следовало торопиться. Кальдер уже знал, что русские высадили десант на Остров, а потому к утру все его линейные корабли, отремонтированные на скорую руку этой ночью, должны выйти в море и уничтожить десантную флотилию. Любое промедление уже опасно, ведь речь идет о спасении Англии!

Мэдстоун

— Герцогиня Жанна так прекрасна, что я решил вечно служить за один ее поцелуй...

Старый сержант закатил глаза, припоминая тот день, но никто из горцев не засмеялся. Герцог Александр Гордон, граф Хантли, как и его красавица жена, пользовался у хайлендеров уважением — клан Гордонов сто лет назад поддерживал католиков-якобитов, выступая за независимость Шотландии, — потому-то англичане и запретили горцам носить килты. И лишь сравнительно недавно, когда потребовались войска для войны с Францией, Лондон пошел на уступки.

В горах Каледонии мало земли и пастбищ для овец, но много здоровых парней, что готовы воевать хоть против черта, лишь бы иметь возможность помочь семье, а значит, и роду — клану.

Англичане не скупились на оплату наемников, к тому же и сами шотландские лорды,

стремясь заполучить воинскую силу, активно проводили вербовку. Жена Гордона даже ездила по ярмаркам в форме полка мужа и каждого записавшегося в полк горца награждала поцелуем...

— А служить пожизненно не страшно, гораздо хуже лишиться ласкового взгляда миледи!

— Это так, я бы сам...

Однако не успел разговор среди хайлендеров угаснуть, как в английском лагере началась нездоровая суэта. Солдаты суматошно забегали, появились орудийные упряжки, задули в трубы горнисты.

Вскоре из раздававшихся повсюду криков шотландцы узнали много интересного, и пересуды среди них возобновились с такой горячностью, будто они все стали уроженцами знойной Андалузии.

— Хана любителям пудинга, русские и французы их раздавят, а с севера подойдут наши!

— А я бы не прочь такого дождаться, нам-то хуже не будет!

— Еще чего, опасаться, у нас и у русских один крест — Андреевский! Так что вряд ли в беде нас оставят.

Пересуды умолкли мгновенно, стоило раздастся густому басу уважаемого всеми майора:

— Молчать, парни! Нечего языками здесь трепать. Нам бы только ружья обратно получить, а там посмотрим...

Булонь

— Где же вы так бились?!

Петр смотрел на медленно вползающие в гавань броненосцы. В глаза сразу бросился их чрезвычайно потрепанный вид, стенки казематов были повреждены, на многих железных пластинах виднелись вмятины.

Краска была содрана целыми кусками, превращена в лохмотья, словно по броне отчаянно колотили огромными кувалдами. На одном из кораблей отсутствовала задняя труба, на двух кожуха были в пробоинах.

Приглядевшись, Петр также заметил, что серьезно пострадали только три корабля — флагманский «Тур» и идущие за ним в кильватере «Зубр» и «Бизон». «Як» и «Бык» имели более презентабельный и даже щеголеватый вид, хотя было видно, как на них суется матросы, наскоро ремонтируя повреждения.

Тяжело скользя по воде, флагман контр-адмирала Грейга подошел к пристани и зашвартовался.

— Крепко помяли вам, ребята, бока! — в сочувствующем голосе Петра сожаления не слышалось, а лишь одна ликующая радость. Логика проста — если броненосцы пришли в столь «жеванном» виде, то, значит, линейная эскадра адмирала Сент-Вицента оказалась в Портсмуте, как и доложили еще вчера посланные туда для разведки капитаны миноносцев.

Ну а каков итог боя — предстояло узнать, но уже по лихорадочной суете матросов Петр догадался, что урон противнику нанесен не просто большой, а колоссальный.

Да и не могло быть иначе! Ибо даже в той, реальной, истории «Мерримак» творил с деревянными кораблями северян все, что душе только вздумается, пока не напоролся на еще более мощно бронированный «Монитор». А тут было послано пять кораблей, целая эскадра, и все намного более опасные, нежели первый броненосец Конфедерации...

— Ваше императорское величество, в море вырвалось лишь восемь британских линкоров и несколько мелких судов! Остальные нами потоплены в гавани и на рейде либо сожжены или сами выбросились на берег!

— Наши потери?

— Незначительны, государь. Пострадало три десятка нижних чинов, семеро из которых умерли, ранены два офицера.

— Благодарю вас за службу, адмирал!

Петр сграбастал Грейга в свои объятия, порывисто прижал к груди. Честно признаться, он рассчитывал на более скромный результат боя, но действительность превзошла все его ожидания.

— Жалую вас орденом Святого великомученика и победоносца Георгия третьего класса! Вы достойный сын своего отца! Всех отличившихся немедленно представить к наградам. Хотя...

Петр сделал вид, что задумался. Он немного потянул время и лишь потом решительно закончил:

— Наградить всех, кто участвовал в этом бою, особой медалью! Командам выбрать по два нижних чина, наиболее достойных знака отличия ордена Святого Георгия. Остальных старшин и матросов к Александровским медальонам представить немедля!

Петр искоса посмотрел на Грейга, по лицу которого неожиданно расплылись красные пятна. Милости просыпались золотым дождем, а вот адмирал почему-то их застыдил. Сообразив, что к чему, Петр спросил молодого моряка прямо в лоб:

— Алексей Самуилович, а что, все погибшие английские линкоры разбиты огнем только ваших пушек? Командор Лисянский со своих миноносцев пуски торпед не делал?

Лицо Грейга за секунду покрылось багровой краской. Контр-адмирал отвел взгляд в сторону, но потом посмотрел прямо в глаза императора. Горделиво вздернув подбородок, твердо заговорил:

— Произведено четырнадцать пусков торпед, ваше величество, все они достигли цели. Но две торпеды не взорвались, и с миноносцев был произведен повторный пуск. От огня артиллерии моих броненосцев, государь, взорвалось только пять кораблей, еще два выбросились на берег. Остальные добиты именно миноносцами!

Адмирал побагровел еще больше, хотя Петр посчитал, что покраснеть больше невозможно. Было видно, что молодого человека мучает невыносимый, болезненный для самолюбия стыд.

«Вот так тебе и надо, голубчик! Понимаю, что ляпнул в горячке, не остывши от победы, но нельзя же так. Не дело одному себе лавры победителя присваивать, делиться нужно!»

Злые мысли бежали одна за другой, но Петр сохранял невозмутимость. Да и в умысле дурном Грейга не подозревал — тот, как и отец, всегда отличался щепетильной честностью.

— Ваше императорское величество!

Адмирал шагнул вперед, вытянулся, словно новобранец перед маститым боцманом. Горящие болью глаза уставились в Петра так, словно хотели прожечь на нем мундир.

— Государь, я не достоин столь высокой награды! Это был не бой, а избиение, нашим броненосцам ничего не угрожало. Зато миноносцы действовали отважно, их команды понесли куда большие потери, «Пуму» довели до Дюнкерка на буксире. Командор Лисянский весьма достоин своей доблестью быть георгиевским кавалером, как и другие его храбрые офицеры и нижние чины! Прошу вас, ваше императорское величество, принять во внимание мою нижайшую просьбу и удовлетворить сей рапорт!

— Хорошо, я поставлю этот вопрос перед Думой, — покладисто согласился Петр, прекрасно зная, что Совет георгиевских кавалеров всегда шел ему навстречу в таких награждениях. А вот большой белый крест Грейгу следовало оставить — чистейшей воды политическое решение. Теперь молодой адмирал будет считать себя настолько обязанным, из кожи вон вылезет, чтобы исполнить любой приказ. Так что можно было прямо сейчас

обратиться к тому с маленькой просьбой...

Дувр

— Силища какая! — восторженно пробормотал молодой гусар, оглядывая забитую баржами, пароходами, галерами и прочими посудинами, коим он даже не мог дать названия, гавань Дувра.

Мимо Дениса строем прошагали морские пехотинцы, чуть раскачиваясь, как свойственно всем «водоплавающим», и он приветственно поднес ладонь к цветной фуражке.

Теперь, после того как он утром увидел, как воюют эти парни, Давыдов стал относиться к ним с большим почтением, хотя по-прежнему считал, что весь цвет русской армии собран в кавалерии, а именно в гусарах. Правда, внутренний голос с некоторой ехидцей напомнил юному поэту про любимое болото кулика, но усилием воли гусар подавил в себе сомнения, картинно положив руку на вычурный эфес сабли.

— Денис, голубчик!

Давыдов сразу бросился на зов князя Багратиона, который стал его кумиром. Еще бы — генерал был увенчан славой, на его шее покоился большой белый крест, какой в русской армии имело всего пять человек, а на весь флот приходился вообще один кавалер.

Быть адъютантом у такого командующего — счастье! И военному делу у него учишься, и некая толика ослепительных лучей капризной «Глории» перепадает. Да и строевые офицеры относятся к такому адъютанту с почтением и симпатией, а не с легким презрением, как ко всем штабным.

— Надо проследить за разгрузкой лошадей, не пешком же нам ходить или на клячах ездить. Подбери коня мне, штабным и себя не забудь! Там еще ахтырские гусары сходить на берег должны, пусть два эскадрона отправляют на аванпосты, а их командира — ко мне!

Багратион улыбнулся — грузинский акцент в речи почти не ощущался, хотя в минуты волнения он иногда прорезывался довольно отчетливо.

Денис знал, как князь любит лихих офицеров, а потому резво, как добрый рысак, на своих двоих, что, конечно, стыдобственно для настоящего кавалериста, бросился к лошади, запрыгнул в седло и помчался в гавань.

В душе царило ликование, он не мог без умиления смотреть на две вещи — на прекрасных коней и хорошеньких девушек, причем приоритеты были расставлены именно в такой последовательности.

Без лошади он чувствовал себя крайне неудобно, а идущая под ним тряской рысью трофейная английская лошадка вызывала у него чувство невыносимого стыда. Молодому офицеру казалось, что над ним все смеются, тыкают в спину пальцем, говорят, что гусар едет на коне невероятной сизо-рыжей масти. Да это разве лошадь?!

Имя ей одр, которому давно пора на живодерню, а потому гусар решил поторопить события, взволнованно бормоча себе под нос:

— Надо успеть первым, а то всех лучших расхватают!

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

29 июня 1804 года

Ла-Мани

— Ба, знакомые места!

Петр растерянно озирался в роскошно обставленной комнате, больше похожей на гарем какого-нибудь восточного падишаха. На узорчатом полу были набросаны пушистые ковры, стены украшены вышитыми занавесками, материал которых он определил как парча, — аляпистые, с арабской вязью, с густой сеткой золотых нитей.

Мебель была соответствующей стилю: широкая низкая софа на изогнутых ножках, занимающая чуть ли не треть комнаты, просторная, как аэродром, со щедро разбросанными по ней шелковыми подушками, да пара емкостей, очень похожих на сундуки, только лакированные и без замков.

По идее, в такой комнате должно было пахнуть только восточными пряностями и благовониями, но вместо этого здесь устойчиво стоял запах гари и сгоревшего пороха, и было очень жарко.

— Никогда не бывал я прежде в турецких банях, — тихо произнес Петр, расстегивая верхние пуговицы на мундире и чувствуя, как по спине струйками стекает горячий пот. — Роскошная обстановка! Но где же банщик? Твою мать! — Ругательство вырвалось само — Петр наступил ботинком на лежащее за софой тело. То, что это был убитый, император понял сразу: вокруг его головы расплывалось кровавое пятно.

Но вот форма была знакома до боли — синий мундир с желтыми отворотами, такие же, канареечного цвета, гетры да лежавшая чуть в стороне треугольная шляпа со страусиным пером.

— Никак верного драбанта моего деда Карла ухайдокали! Точно! Тогда почему я в прошлый раз шляпу не видел?

Петр огляделся, его взгляд уткнулся на фузею. На этот раз брать ее в руки он не стал, а, желая проверить догадку, подбежал к раскрытому окну и тут же закрыл ладонями уши, настолько ужасен был доносящийся с улицы звук.

— Янычары...

Внизу бесновалось несколько тысяч турок в знакомых одеяниях с ятаганами. Все они орали, многие со всей дури лупили в большие барабаны, а десятка два, вкладывая все силы без остатка, долбили тяжелыми бревнами каменные стены дома, да так усердно, что Петр чувствовал, что под ним качается пол.

— Точно, дежавю, — прошептал император.

Теперь он понял, что его занесло в Бендеры, аккурат в тот час, когда горячий шведский король Карл решил сопротивляться нескольким тысячам янычар, что пришли выпроводить назойливого гостя из предоставившей убежище страны. А что дело подходило к самому концу сражения, было видно с первого взгляда: беснующиеся внизу османы уже подожгли дом, и в нем стало невыносимо жарко.

— Вот те на! Сходил попариться в турецкой баньке! Если сон затянется, как в прошлый раз, то меня здесь изжарят! Будет люля-кебаб из русского императора!

Петр затравленно оглянулся по сторонам. Прыгать вниз, на оскаленные рожи, ему как-то расхотелось. Но и отсидеться в доме было проблематично, жар все больше и больше начал

донимать, а внутри прямо-таки вопила душа, советуя немедленно удирать в надежное место.

— Да где ж оно, это самое спасение? — пробормотал Петр, надрывисто дыша, как запаленная лошадь.

— Настоящий воин, мой маленький принц, должен всегда драться! И против любого врага!

От дверей раздался знакомый до боли голос. Шведский король Карл презрительно шурил прозрачные, словно лед скандинавских озер, глаза, в которых светились огоньки жестокой решимости. Рука сжимала эфес шпаги, той самой, знакомой.

— Нужно драться, мой маленький принц, — повторил король. — Даже когда страшно, все равно драться! Это удел воина, и не важно, сколько ему лет, десять или сто. А спастись... — король презрительно хмыкнул. Леденистые глаза неожиданно сверкнули, а уголки рта собрались в жестокую гримасу. Лицо короля исказилось, и Петру показалось, что он видит перед собой свирепого викинга, готового в любую секунду стать берсерком. — Один! — неожиданно закричал король, взывая к древнему скандинавскому богу, но почему-то ставя неправильное ударение. — Готов! Сейчас мы покажем этой падали, как сражаются настоящие воины! Вперед, мой маленький принц!

Карл промчался мимо Петра, запрыгнул на подоконник и со шпагой в руке бросился вниз на беснующихся янычар. Сразу же раздался рев, полный боли и бессильной злобы.

— Пошла резня... — обалдело прошептал Петр и, выдохнув воздух, решился, ощущая, как его мозг окутывает боевое безумие. — Негоже отставать от дедушки!

Недолго думая, Петр поднял мушкет и пошел к окошку. Пол ходил ходуном, стены шатались.

— Черт бы побрал этих идиотов! Они хотят развалить весь дом своими дурацкими бревнами!

Поставив ногу на софу, Петр запрыгнул на подоконник. Оставалось сделать прыжок вниз, где уже вовсю шло побоище. Среди расшитых восточных одеяний редкими каплями синели шведские мундиры. Но только он собрался оттолкнуться, как янычары внизу ударили бревном в стену, и Петр, к своему ужасу, увидел, как потолок движется на него. Здание рушилось прямо на глазах.

Сильный удар в плечо отправил Петра на пол. Падение оказалось болезненным, но только сейчас на него нахлынул настоящий ужас — сверху падал потолок.

«Сейчас меня раздавит, как каток лягушку!» — молнией пронеслась мысль. Нервы сдали, и Петр в отчаянии заорал во все горло:

— А-а-а!!!

Лондон

— Лорд Сент-Вицент погиб, его флагман взорвался! Эскадры Канала более не существует! — Моряк в расшитом золотом мундире этими словами словно подвел черту под страшной трагедией, подобной которой не случалось никогда в истории флота Его Величества.

Питт совершенно без сил опустился в кресло, потрясенный сообщением, успев пробормотать еле ворочающимся языком:

— Благодарю вас, сэр, идите...

Как только за моряком закрылась дверь, премьер-министр истерически всхлипнул, потеряв нарочитую выдержку. Только сейчас подумал, что, выразив признательность за сообщение, он произнес самое двусмысленное слово за всю свою многолетнюю политическую карьеру — сказать «благодарю» за чудовищное известие, которое до сих пор не укладывалось в голове, в такое раньше и представить было невозможно.

Мощная эскадра английского Канала, а именно так на Острове называли Ла-Манш, из двух десятков новых линейных кораблей была быстро перетоплена врагами. Они выставили против нее всего пять чудовищных монстров в сопровождении полудюжины мелких, но чрезвычайно опасных тварей, вооруженных самым подлым оружием, которое помог создать благоволящий к москвитам владыка преисподней — без его участия тут никак не обошлось!

Английские линкоры, пораженные «копьями сатаны», тонули очень быстро, будто слепые щенята в бадье, когда лорд их собственной рукою выбраковывал, как негодных.

— Прах подери!

Впервые за эти дни у Питта-младшего сжалось в недобром предчувствии сердце. Премьер-министр с пронзительным пониманием в душе осознал, что противопоставить дьявольскому оружию русских Англия не сможет ничего. А чтобы дать достойный ответ, просто не хватит времени, хотя за последний год сделано много.

Союзный русско-французский флот занял порты юго-восточного побережья, и теперь войска захватчиков движутся на Лондон, и это при том, что десантные флотилии продолжают активно курсировать между берегами и перевозить через Па-де-Кале все новые и новые подкрепления, которые и решат вскоре судьбу войны.

— Бог мой... — Уильям Питт сглотнул. В мозгу отчетливо билась мысль — «Если адмирал Кальдер не разгромит в Канале транспорты, то Лондон неизбежно падет! Имеющимися силами генерал Артур Уэлсли обещал разбить только авангард оккупационной армии, но никак не ее главные силы!»

Вся надежда у Питта оставалась только на эти семь линкоров — последний довод Британии. Хотя еще мог подойти и Коллингвуд от Гибралтара, но на столь скорую помощь премьер-министр не надеялся и с отчаянной просьбой в глазах посмотрел на висящее на стене распятие, тихо обращаясь к небесному покровительству:

— Защити и спаси Англию!

Ла-Манш

— А-а-а!!! — Петр кричал от боли, катаясь по чему-то твердому, чувствуя, как чьи-то руки хватают его за плечи, стараясь приподнять и держать на весу. Невероятным усилием он открыл веки, понимая, что уже пробудился от кошмарного сна. По мозгу тут же ударил страшный грохот, такой сильный, что ему показалось — еще немного, и лопнут барабанные перепонки.

В тусклом свете знакомых корабельных керосиновых ламп он увидел склонившееся над ним лицо Аракчеева и какие-то другие, незнакомые, во флотских робах. Они что-то говорили, кричали, но он никак не мог их расслышать, все заглушал чудовищный грохот. А еще Петр увидел, как у больших пушек суетились канониры, накатывая орудия к раскрытым портам, высовывая стволы мощных пушек через броневые амбразуры.

С лязгом открывались замки, и суетящиеся канониры моментально задвигали в каморы тяжелые ядра, вслед за которыми следовали большие, упакованные в шелк пороховые картузы.

Петр сглотнул, в ушах отозвалось болью, и, преодолевая ее, император еще несколько раз судорожно дернул кадыком. Неожиданно матросы радостно закричали, и он расслышал эти полные ликования крики:

— Второй!

— Взорвался, сука!

— Второй готов!!!

«Мама мия! Там бой вовсю идет! Вот тебе и янычары с бревном. Это ж ядра в каземат попадают!»

Мысль не успела пролететь в голове, как броню потряс новый удар, от которого гром и вибрация прошли по всему телу. Аракчеев упал, повалились и матросы.

Императору повезло: он падал уже на них сверху, на мягкое, успев заметить, как от пушки отшвырнуло матроса, зажимающего уши ладонями. В царящих внутри сумерках Петр разглядел черные струйки, потекшие между пальцев, и внимательно бросил взгляд на свое окружение. К своему удивлению, увидел такие же потеки у многих матросов.

«Твою мать! Я и не думал, что на этих бронированных корытах страшно воевать. Они же тут все контуженные! А это их второй бой меньше чем за сутки, а я еще с наградами пожмотился!»

Попеняв и выругав самого себя, Петр кое-как встал с копошащейся под ним кучи и бросился к пушке, которая произвела выстрел и немного откатилась, сдерживаемая толстыми канатами и листовыми пружинами, выполнявшими роль противооткатного устройства.

Оттолкнув в сторону стоявшего на коленях матроса, что с искаженным лицом орал от непереносимой боли, сжимая ладонями виски, Петр подхватил выпавший из его рук пороховой картуз, мимолетно удивившись тяжести. Ему показалось, что заряд весит не менее полупуда, — с усилием запихнул его в зев каморы, едва успел убрать руки. Тяжелый орудийный замок лязгнул, чуть не отдавив ему пальцы.

— Выстрел!

Отчаянный выкрик офицера в изорванном мундире Петр хорошо расслышал. Это было первое слово, — он обрадовался, поняв, что не потерял слух. Стоящий на коленях по другую сторону пушки матрос дернул шнур. Тяжелая трехтонная пушка выплюнула ядро и откатилась, дернувшись. Петр едва успел убрать ноги, содрогнувшись от ужаса.

Каземат заволкло густым дымом. Запах сгоревшего пороха разъедал горло, глаза слезились, да еще стояла густо наперченная вонь от горечи горячего металла и едкого человеческого пота — непередаваемое и омерзительное ощущение.

Однако страха в душе уже не было, он исчез, растворился. При тусклом свете ламп старый император, позабыв про все на свете, превратился в заряжающего, с натугой подающего заряды, а в мозгу на секунду пронеслась усмешка: «Ну что, гвардии сержант, вот и превратился ты в автомат заряжания родной „Акации“!»

Так он и подавал картузы, пока однажды перед его руками не открылся замок. Петр посмотрел в сторону — матрос завалился на спину, лицо представляло собой кровавую кашу.

Император отодвинул тело и сам приник к простейшему кольцообразному прицелу. Прямо перед глазами он увидел огромный высокий борт, подсвеченный красными всполохами пламени, и тут же отшатнулся, крепко зажмуривая глаза, — будто огненный цветок расцвел на этом борту, и страшный удар отозвался звоном чудовищного колокола.

— Что застыл?! Целься, мать твою!

Болезненный тычок в спину вывел Петра из транса.

— Да тут, на хрен, наводить совсем не надо, стреляй да стреляй! Заряжай, братишки!!!

Замок с лязгом раскрылся. Чьи-то руки засунули туда ядро, затем картуз, потом кто-то схватился за висящий на петлях тяжелый сгусток железа и с лязгом его захлопнул. Петр уже намотал на руку шнур, зная, что, дернув за него, он воспламенит капсюль, а тот, в свою очередь, картуз, и рванул что было сил в уже ослабевших руках.

Пушка рывкнула, и в дополнение к левому уху оглохло правое, но Петр не отшатнулся, он смотрел в амбразуру, дожидаясь результата. То, что ядро вошло в борт вражеского корабля, он прекрасно заметил, но вот дальше произошло то, чего никак не ожидал. Огромные языки пламени вырвались из орудийных портов, видимо, попадание привело к воспламенению сложенных зарядов, а затем прямо на глазах вражеский корабль превратился в огнедышащий

кратер.

Сила взрыва была так велика, что броненосец накренился. Петр полетел куда-то вниз, с ужасом ожидая, что сейчас ударится о броню и размажется по ней. Но падение пришлось на что-то мягкое, копошащееся и стонущее. Император с трудом встал, кое-как удержавшись на ногах — броненосец раскачивало, и заорал во все горло:

— Мать вашу! Пингвины королевские, два узла в задний фасад, что застыли?! Заряжай!

Однако никто не бросился к пушке, и всем своим естеством Петр понял — произошло что-то необычное. Никто больше не стрелял, не было ужасающего грохота. Только слышался тихий, даже успокаивающий после перенесенного ужаса стук паровой машины. Да еще темнота — взрыв вражеского корабля задул все лампы.

— Молодец матрос! — За спиной раздался уверенный и властный голос, и на плечо опустилась тяжелая ладонь. — Как ты его здорово! «Георгий» твой, сам перед Думой хлопотать буду! Эй, кто там? Зажгите свет, ни хрена не видно! Боцман! Доложить о повреждениях!

С другой стороны пушки донесся молодой голос, тихий, но восхищенный, с придыханием: Кучеряво выражаешься, братишка, научи...

В глаза Петру ударил тусклый огонек лампы, и словно по мановению волшебной палочки то тут, то там стали зажигаться корабельные светильники, разгоняя сгустившуюся тьму.

Мэдстоун

— Нужно ждать, пока подойдут все войска!

Генерал Артур Уэлсли смотрел на короткие шеренги солдат в традиционных красных мундирах. Они едва накрывали треть отнюдь неширокого поля, освещенного краем восходящего солнца. Сил было недостаточно, но жила надежда, что скоро подойдут новые колонны. Такое не могло не радовать генерала Уэлсли, восходящую звезду английского генералитета, на которого в Лондоне возлагали надежды.

— Я здесь возьму у русских реванш!

Со времен своего генерал-губернаторства в Индии и неудачного командования индийской армией он все дни страстно желал отомстить этим подлым москвитам, тайно вооружавших майсуров; когда в Петербурге поняли, что британцы вскоре присоединят к Бенгалии и это богатейшее княжество, то вероломно начали войну.

Уэлсли хорошо запомнил вихрастый хохолок на голове фельдмаршала Суворова. Тщедушный старик тогда напугал — а в этом он мог признаться только самому себе — своим ультиматумом: «Первый выстрел — воля, второй — неволя, штурм — смерть!»

Генерал бы отринул этот наглый вызов, посчитав за бесчестие сдать Калькутту, но участь Хайдарабада, в котором был куда более многочисленный гарнизон, ужаснула всех британских солдат.

Жестокий старик предъявил им точно такой же ультиматум, а когда храбрый генерал Берд его отклонил, то через два часа столица княжества была взята штурмом. Москвиты, потеряв напускной европейский налет воспитания, безжалостно перебили всех доблестно сражавшихся англичан, хотя почему-то не тронули их жен и детей. Но снова доказали свою варварскую азиатскую сущность тем, что не стали резать индусов и отказались грабить богатые туземные дома и лавки.

Наверное, бородатые русские казаки нашли в диких аборигенах родственные души, а может, и своих единоверцев — Уэлсли вообще считал большинство москвитов если не еретиками, то язычниками.

В Англии хорошо помнили царя Петра, что провозгласил себя императором Московии и

Татарии. И если их повелитель вел себя как нарядившийся в европейское платье туземец, то что можно ожидать от его совершенно диких подданных, понятия не имеющих о благородстве и цивилизаторской миссии белого человека, которая возложена на наиболее достойных. А такими являются только они одни — англичане!

— Как только соберутся все войска, я пойду вперед и сброшу русских в Канал! А затем сокрушим и французов!

Уэлсли посмотрел на колонны солдат и впервые пожалел, что правительство не обращало достойного внимания на армию, выделяя из бюджета большую часть денег на флот. Эти траты оказались бесполезными — лорды Адмиралтейства построили не то что нужно, линкоры оказались совершенно беспомощными в схватках с русскими броненосцами.

Генерал-лейтенант тяжело вздохнул — если бы армия получила хотя бы половину выделенных средств, то удалось бы перевести все сто полков пехоты на новый штат, с удвоением числа батальонов. А то развернуть полки и в три батальона, вооружив солдат не только нарезными штуцерами, но и новыми барабанными ружьями.

Вот тогда бы не пришлось суматошно собирать войска, чтобы сбросить русских в море...

Па-де-Кале

«Принц Уэльский» ходко шел под всеми парусами. Далеко справа виднелась туманная полоска земли, а вот слева, за серой гладью моря, виднелся туманный берег континента.

Задача была простой — зайти в узкий пролив, который французы называют Па-де-Кале, в эти двадцать миль, отделяющие Францию от Британии, самое узкое место Канала, и разметать по сторонам все тысячное скопище лоханок, на которых отправляются захватчики, вздумавшие повторить подвиг герцога Нормандского.

— Сэр, паруса!

Вице-адмирал Роберт Кальдер посмотрел в подзорную трубу. Сильные линзы приблизили к глазам множество мачт, увитых белыми парусами, — он насчитал шесть или семь кораблей.

— Сэр, из Портсмута вырвалось семь или восемь кораблей из эскадры лорда Сент-Вицента! — Капитан «Принца Уэльского» Томас Харди с улыбкой взирал на приближающийся отряд.

У адмирала немного отлегло от сердца — в Лондоне ему сказали, что парусных линкоров в Ла-Манше у французов и русских нет, только одни броненосцы, но это и есть самый страшный противник, с которым боя лучше не принимать.

Шведско-датская эскадра, получившая позавчера хорошую трепку у Доггер-банки, наверняка ушла в свои шхеры зализывать раны. Русские «коптилки» ходить галсами не любят — ведь это требует выучки команд — и давно бы выдали себя черным дымом.

— Это хорошо, Томас! Один или два линкора наши, возможно, потеряли, но вместе у нас будет тринадцать вымпелов, и этого хватит, чтобы пройти огненной метлой по Каналу!

— Чертова дюжина, сэр! Неплохое предзнаменование!

— Я бы сказал, хорошее, Харди! Да и солнце всходит, и оно предвещает нам победу! Видишь багровые сполохи на синей глади? То прольется кровь коварных негодяев, что пытаются захватить Великобританию под какими-то надуманными предлогами. А я тебе скажу так: право оно или нет, но это наше Отечество!

Ла-Мани

— Ваше... императорское величество...

Лицеизражение императора, сидящего в полном молчании у пушки, привело капитана броненосца «Як» Александра Новикова в состояние, близкое к шоковому. Кавторанг машинально застегнул воротник мундира, рот открывался как у рыбы, беззвучно.

Доблестный офицер просто не знал, как извиниться за допущенное панибратство к венценосной особе и главнокомандующему, за которое в военное время не награждают, а без всяких судебных проволочек расстреливают у первой попавшейся стенки или вешают на мачте, но тут в зависимости от специфики службы.

Матросы выглядели не лучше, ибо в один момент сообразили, какие проблемы у них могут возникнуть через несколько секунд. Некоторые побледнели, но большинство, в том числе и командир, побагровели от стыда, да так, что это не могла скрыть копоть и стушевать тусклый свет флотских керосиновых ламп.

Петр понял, что нужно действовать немедленно, иначе затянувшаяся пауза приведет к необратимым последствиям.

— Отлично сражались, ребята! — луженой глоткой рявкнул император так, что все стоящие перед ним вздрогнули и моментально вытянулись, причем даже раненые. — Я горжусь великой честью, что сражался рядом с вами! Вы настоящие русские моряки, и награда за ваш беспримерный подвиг и героизм будет тоже достойной!

— Рады стараться, ваше императорское величество!!! — просияв лицами, дружно рявкнули в ответ присутствовавшие в каземате офицеры и матросы, да так, что у Петра снова заложило уши.

— Все, все, хватит! — Петр махнул рукой. — Мы в походе и в бою, так что обойдемся без ритуалов. У вас есть свой капитан, пусть он и командует...

Новиков моментально вышел из транса, услышав приказ, с немой благодарностью посмотрел на Петра и принялся громко распоряжаться. Император с великим облегчением присел на корточки рядом с матросом, который задал ему глупый вопрос насчет ругани.

— У, да тебе хреново!

Только сейчас бедняга понял, что ранен. В горячке боя на это никто не обращал внимания, и сейчас матрос рвал огромную прореху на брезентовой робе, стараясь перевязать окровавленное бедро.

— Давай помогу, сынок!

Властно отстранив кинувшегося было на помощь старшину, Петр присел рядом и натужившись — силы были уже не те да функции заряжающего порядком измотали — разорвал крепкую ткань.

На ноге отсутствовал клочок мяса, кровь обильно лилась, но пришедший в себя Аракчеев, помятый, с разбитым лицом и изорванным мундиром, уже протягивал бинт.

— Сейчас я тебя перевяжу, сынок, до свадьбы заживет, а на берегу доктор посмотрит да лечение назначит!

Пока Петр говорил, его руки делали свое дело, и через минуту нога была крепко перевязана.

Несмотря на стук работающей машины, стоны слышались то тут, то там. Морская баталия оказалась ожесточенной — только избитый «Як» уничтожил в ночном бою три многопушечных британских линкора, прорвавшихся из Портсмута.

Петр в который раз поразился предвидению Грейга, недаром тот так торопился в Дюнкерке загрузиться углем и снова выйти в море, несмотря на наступающую ночь. Молодой адмирал оказался прав — англичане были опытными и достаточно храбрыми моряками, к тому же разъяренными, чтобы не побояться сражения во тьме.

— Государь-батюшка, прости меня, грешного, но что это за тварь такая чудная — пингвин?

Страдающий от раны матрос посмотрел на Петра такими умоляющими глазами, что тот

ему немедленно ответил, ведь необходимо отвлечь внимание парня, терзаемого жуткой болью:

— Птица такая есть, бескрылая. Во льдах живет. Не летает, зато плавает хорошо, рыбу ловит...

— А-а! — протянул матрос. — А я-то думал...

Что он думал, Петр не стал уточнять, подозревая к себе Аракчеева. Тихо распорядился всем раненым немедленно выдать по стакану водки и еще сделал себе зарубку в памяти — обязательно назначить опытных врачей и фельдшеров на все корабли русского флота, вплоть до четвертого ранга. Кроме того, специально обучить нижних чинов квалифицированной медицинской помощи в обязательном порядке, как в армии делалось.

Его мысли были прерваны неожиданной суетой команды. Броненосец внезапно клюнул носом, и Петр почувствовал, что корабль медленно заваливается на бок. Тут же раздался громкий крик:

— Течь в носу!

Попадание крупных ядер сделало свое дело, видимо, проломив кое-где бронеовые стенки, и теперь при движении корабля одна из них не выдержала, и в пробоину стали вливаться огромные массы воды.

— Спасать его императорское величество!

Вздрогнувший Петр не успел подобрать слова, чтобы выразить недовольство, как его схватили крепкие руки и моментально вынесли из каземата. На палубе уже стояли матросы, отчаянно подавая флажками идущему на отдалении «паровику» какие-то сигналы.

Император сразу узнал в нем один из больших миноносцев русского флота — с него немедленно ответили, из трубы повалил черный густой дым, и корабль направился к тонущему броненосцу, подойдя вскоре почти вплотную. Петр прочитал на борту название — «Рысь» — и понял, что это и есть флагман командора Лисянского.

— Принять на борт его императорское величество!

Корабли качало, но матросы, перебросив широкую сходню, бережно, из рук в руки, словно величайшую драгоценность, доставили на борт усталого и измотанного за эту ночь императора. За ним по живой цепочке стали передавать и раненых.

— Команде оставить броненосец! — неожиданно прозвучал страшный для любого моряка приказ, который стал быстро выполняться — все уже поняли, что корабль обречен. Петр видел, что капитан второго ранга Новиков стоит на крыле боевой рубки, одетый по всей форме и громко распоряжается жестким командным голосом. Трех офицеров, сунувшихся к нему, он облаял так вычурно, что те в мгновение ока оказались на миноносце.

— А он чего остался?

В эту секунду император понял, что сейчас произойдет что-то страшное и непоправимое, и задал вопрос, стараясь подтвердить свои худшие подозрения:

— Капитан решил пойти на дно вместе с «Яком»?!

— Так точно, ваше императорское величество! — Капитан-командор Лисянский был бледен. — Такова традиция...

— Чушь это, а не традиция! — взорвался Петр. — Опытного капитана надо много лет готовить! Да за это время мы на верфях десятков броненосцев сделаем! А настоящих моряков, я вас спрашиваю, где возьмем?!

Повернувшись к тонущему «Яку», закричал во все горло, надрывая голос, как он умел делать:

— Капитан второго ранга Александр Новиков, ко мне, немедленно, бегом! Приказываю вам незамедлительно покинуть корабль! За неисполнение приказа повешу на нок-рее!

Новиков непроизвольно дернулся, а Петр с затаенным удовлетворением в душе смотрел,

как доблестный моряк, не боявшийся ни дьявола, ни черта, ни британских линкоров, но теперь определенно ошеломленный императорским рыком, в мгновение ока перескочил, пользуясь брошенным ему концом, на миноносец.

— Вот так-то... — с нескрываемым удовлетворением пробурчал смертельно усталый император, чувствуя, как силы медленно покидают тело. Бой и прочие встряски оказали свое воздействие на старый организм, перед глазами поплыло, и он потерял сознание.

Мэдстоун

— Сэр! По-моему, у нас достаточно войск, чтобы разгромить высадившихся русских! — Бригадный генерал Томас Пиктон, сорокашестилетний вояка, сын простого эсквайра, говорил таким твердым голосом, словно полагал, что все дело сделано.

Дело в том, что он почти всю свою службу провел на островах Вест-Индии и прославился столь жестоким обращением с рабами, что вызвало в Лондоне в прошлом году беспрецедентное судебное разбирательство. Впрочем, губернатор Тринидада отделался легким испугом — кто же будет наказывать британского джентльмена за такие шалости с чернокожими рабами, ведь негры и людьми не считались.

— Здесь совершенно недостаточно солдат, генерал, чтобы нанести поражение даже авангарду русской армии, — холодно ответил Уэлсли. — И тем более всей русской армии! Десять тысяч солдат не могут сражаться против тридцати тысяч!

— Вы уверены, сэр, что русские уже высадили столько солдат? Как можно перевезти через Канал такую массу войск за одни сутки?! Вас не могут, простите меня, вводить в заблуждение?

— Если флот не помешает, то они высадят через несколько дней еще больше. Нам нужно собрать наши войска в крепкий кулак, подождать подхода батальонов из глубины острова и Шотландии, только тогда можно надеяться на викторию. Вы не сражались с русскими, но я их видел — для победы нам нужны равные силы!

Голос командующего стал строгим настолько, что бригадный генерал Пиктон решил больше не задавать ненужных и опасных для себя вопросов. Он хотя и блюл субординацию, но несколько свысока относился к младшему на одиннадцать лет генерал-лейтенанту Артуру Уэлсли, считая, причем весьма обоснованно, что аристократы имеют большое преимущество на военной службе ввиду своего происхождения.

Да и назначение на должности в британской армии почти всегда зависело от знатности и хороших связей семей в правительстве и среде аристократии. Так что сейчас было просто опасно возражать Уэлсли — это могло довольно серьезно сказаться на карьере и так засидевшегося в чинах, словно старая дева.

— Генерал!

Холодный голос командующего заставил Пиктона замереть и выпучить глаза в усердии, изображая нерассуждающего солдата.

— Примите командование над шотландцами, которых вы так отечески опекаете, и постарайтесь привести их в чувство! Пусть эти хайлендеры идут первыми в бой и хорошо послужат нашему королю. Нам сейчас дорог каждый солдат, а потому нужно сделать все, чтобы они и помыслить не смогли о мятеже!

— Слушаюсь, сэр!

Бригадный генерал Томас Пиктон только склонил голову под холодными, словно ледяной град, словами командующего, укоряя себя за длинный язык — возмездие пришло мгновенно.

Он будет командовать в сражении теми, кому предназначена роль обреченных на заклятие баранов, причем именно в бою против первоклассной европейской регулярной армии, — такого

назначения можно пожелать только самому злейшему врагу!

Па-де-Кале

Вице-адмирал Ольферт Фишер мстительно сжал еще крепкие зубы. В отличный русский бинокль старый датчанин прекрасно видел знакомые силуэты могучих британских линкоров, хорошо освещенных восходящим солнцем. Именно с ними он сражался позавчера у Доггер-банки, и никакой ошибки тут не было.

— Что ж, господа, капризная судьба нас вновь свела с недавним врагом, и грех пенять на нее!

Вице-адмирал с лихой веселостью посмотрел на собравшихся на палубе офицеров. Те, как полагается единокровным потомкам викингов, когда-то наводившим ужас на Англию, ничуть не боялись предстоящего с ними боя — лица всех были невозмутимы, будто они собрались совместно разделить холодный ужин.

— Корабли к бою подготовить! С нами Бог и король!

Отдав приказ, адмирал Фишер снова посмотрел в бинокль — долго и внимательно. Вроде равенство — семь на семь, но британцы сильнее, у них больше пушек. Однако русские их хорошо потрепали, а одной ночи для ремонта англичанам было явно недостаточно.

Предстоящая схватка адмирала не пугала: он хорошо знал, что в районе Дувра находятся два шведских броненосца, «Нарвал» и «Кашалот», и утром пришли еще три русских, что вели ночью ожесточенный бой с прорвавшейся из Портсмута британской эскадрой.

Правда, судя по всему, восточные союзники потеряли один или два этих великолепных корабля. Это не катастрофические, но серьезные потери, которые можно компенсировать.

В Кале находилась в полной готовности пара новейших датских броненосцев — «Элефант» и «Гиппопотам». Так их называли по велению короля: первый в честь известного датского ордена, а название второго говорило само за себя, ибо, как считали знающие путешественники, в далеких африканских реках нет зверя страшнее бегемота.

Это были еще не все силы, и адмирал Фишер о том прекрасно знал. В проливе постоянно патрулировало два десятка русских и французских паровых кораблей. И пусть они были небольшими, от корвета до минных судов, но их роль в морских боях очень велика, а то и решающая, ибо спасения от их атаки нет.

— Поднять сигнал по эскадре! Напоминание — «стрелять по рангоуту»! Да поможет нам Бог!

Адмирал скривил губы и злорадно хмыкнул. Как только британцы будут «стреножены», как любит выражаться Сенявин, и потеряют ход, превратившись в вооруженные пушками плавающие сараи, то их участь будет предreshена. Самодвижущиеся мины, или торпеды, как их называли сами русские, уже показали себя страшным оружием.

Мэдстоун

— Русские к полудню будут здесь, сэр!

Генерал-майор Генри Уильям, второй граф Аксбридж, одиннадцатый барон Пэдджет, лихой кавалерийский начальник всего на год старше Уэлсли, стоял перед ним в изорванном и прожженном мундире. На правом рукаве виднелось кровавое пятно наспех наложенной повязки.

— Так скоро? — совершенно спокойным голосом, невозмутимо, как и следует хорошо воспитанному джентльмену, спросил командующий — казалось, что это известие не произвело на него никакого впечатления.

— Да, сэр. Еще вчера вечером их колонны выдвинулись из захваченных портов, держа в авангарде несколько полков кавалерии и посаженных на повозки стрелков. Ночной марш совершен в полном порядке и быстро, все наши атаки были расстроены... Сдержать русских не удалось, сэр, — слишком велик перевес в силах, да еще эти чертовы пулеметы!

Генерал выругался, на сером от усталости лице сверкнули глаза. Однако Аксбридж, еще не остывший от боя, держался на удивление спокойно, даже не морщась от боли, хотя рана от полученной в предплечье пули причиняла ему страдания.

— Сколько с вами солдат, генерал?

— Остатки трех бригад из гарнизонов Дувра и Фолкстоуна да три моих кавалерийских полка, изрядно потрепанных. И все это их дьявольское изобретение — теперь конная атака невозможна, сэр! Мы просто теряем наших прекрасных лошадей!

В глазах графа проскочила такая тоска, что Уэлсли все понял — с русскими пулеметами англичане имели дело в сражении под Хайдарабадом, отправив в атаку густые колонны индусских солдат. Русские просто выкосили, положив за четверть часа многие тысячи сипаев, остальные в панике разбежались прямо на глазах — остановить их было невозможно.

— Русских тысяч двадцать, сэр, с пушками и непонятными станками, похожими на решетки, — я так и не понял, что это такое, прах подери! Командует ими тот самый жестокий старик, что явился в Индию. Да... Там еще тысячи три бородатых казаков!

— Ну что ж, мы примем бой здесь и зададим им хорошую трепку. Я уважаю старость, но не настолько, чтобы ее нельзя было упрятать в Бедламе! А потом можно сходить и к Фолкстоуну и Дувру, полюбоваться окрестными живописными скалами...

Новый Орлеан

— Государству Российскому нанесен будет немалый ущерб!

Наместник Калифорнийский и Аляскинский граф Резанов, еще молодой сорокалетний мужчина, с умным и цепким взглядом, волевым подбородком, сразу пришелся по душе Ермолову. Да и крест Анны первого класса с мечами говорил о многом, ибо получить такой орден можно было только за боевые заслуги. И то, что граф перешел прямо к делу, совершенно игнорируя пустопорожнюю светскую беседу, обязательную при назначениях, свидетельствовало в его пользу.

— Меня беспокоят, Алексей Петрович, секретные переговоры, что ведет генерал Моро с государственным секретарем САСШ. Этот господин Мэдиссон чересчур любезен, что более чем странно. Как у нас говорят — мягко стелет, да вот только жестко спать будет.

Ермолов молчал, внимая словам графа. Политический расклад Нового Света ему не понравился. Боевой офицер никак не мог взять в толк, почему Россия и Франция должны уступать свои земли государству торгашей, в коем даже регулярной армии практически не имеется — она заменяется милицейским ополчением.

Вообще интересные вещи происходят в Новом Свете! Французы с тяжелыми боями вернули себе Квебек, неся потери и проливая кровь, силой оружия заняли центральные провинции Канады, которые совершенно неожиданно оказались в руках чересчур предприимчивого южного соседа, вульгарно их купившего.

— Я боюсь, Алексей Петрович, что за спиной Первого консула генерал Моро осуществляет тайную сделку, подобную канадской. Президент Джефферсон притязает на Луизиану, пусть не на всю, а лишь на междуречье Миссисипи и Миссури. А это даст им выход к нашей Новой Мангазее и присоединенным канадским землям... И более того, они выйдут к Калифорнии! Вы понимаете, чем это грозит, полковник?

— Конечно, ваше высокопревосходительство... — очень осторожно ответил Алексей Петрович. Полученных в Петербурге инструкций было достаточно для того, чтобы понять — золото Клондайка и Калифорнии нужно уберечь от алчных лап соседей с восточного побережья Нового Света любой ценой.

А вот тут были большие проблемы!

Вооруженной силы как таковой практически не имелось. Три батальона американских стрелков да две совершенно куцых казачьих линии на две-три сотни казаков каждая. И хотя к войсковому сословию стали причислять чуть обрусевших индейцев, процесс проходил очень медленно, грозя затянуться на долгие годы.

Рассчитывать же на перевозку войск и переселенцев из России не приходилось, пока на море шла война с Англией. Любые транспорты, за исключением быстроходных военных кораблей с паровыми машинами, британцами перехватывались и безжалостно уничтожались.

И хотелось бы дать по лапам американцам, да вот нечем!

Единственная надежда была на Французскую Луизиану, которая должна была послужить русским владениям надежным щитом. Вот только оказалось, что эта защита ненадежна и золото проело в ней изрядную дыру, как ржавчина...

Мэдстоун

«Я еще не умру, а он три сражения выиграет!» Слова, сказанные десять лет назад самим Суворовым, когда он потрепал вихрастую голову Дениса, бились маленькими молоточками в мозг поэта.

Он хорошо помнил тот день, когда фельдмаршал провел проверку Ахтырского гусарского полка, которым командовал его отец. А вечером, на обеде, полководец подозвал двух братьев Давыдовых — шустрого старшего Дениску и степенного младшего Евдокима — и спросил у них, кем бы они хотели стать.

«Я хочу быть таким же славным, как великий Суворов!» Молодой поэт хорошо помнил свои восторженные слова, когда с обожанием смотрел на своего кумира.

Александр Васильевич рассмеялся, произнес свое известное пророчество, а младшего, Евдокима, пожурил, сказав, что тот пойдет по статской линии. Ошибся тут фельдмаршал — брат записался в ахтырцы и сейчас командовал в полку взводом. Да и сам Денис подал рапорт о переводе в полк перед самой высадкой — Багратион его подписал, и поручик ждал перевода, по-прежнему оставаясь адъютантом князя.

Но, видимо, прошение сыграло свою роль, и Петр Иванович отправил его к идущему в авангарде полку, и сейчас он ехал рядом с гусарами любимого полка, хотя отец и покинул службу. Да и сами ахтырцы воспринимали его своим — многие русские дворянские рода, как и жители слободской Украины, предпочитали служить в «родных» полках, куда записывались весьма охотно — недостатка «охотников»-добровольцев никогда не имелось...

— Англичане, прах подери!

Глаза молодого подпоручика горели нетерпеливым огнем, и Денис возликовал — надоело ехать в разъезде вот уже почти пять часов, но так и не встретиться с противником.

Багратион гнал свой корпус форсированным маршем, не дожидаясь высадки всех войск. Давыдов, будучи штабным, знал замысел фельдмаршала Суворова — совершить быстрый переход. Русские войска должны были двигаться на Лондон безостановочно, мобилизуя у обывателей подводы для пехоты и громя по пути английские части поодиночке, и упасть как снег на голову, желательно внезапно, застав неприятеля прямо на биваках, и не дать врагу собрать силы в единый кулак.

— Много, брат?

— Нет, штыков двадцать, биваком стоят, отдыхают!

— Тогда атакуем немедленно...

Гусарская лава в зеленых походных ментиках вылетела неожиданно для спокойно сидящих британцев — многие не успели схватиться за ружья, как над головами засверкали стальные клинки.

— Руби их в песи! Круши хузары!

Острые сабли обрушились на английских солдат — началась безжалостная рубка...

Па-де-Кале

Вдалеке раздался сильный взрыв, и столб пламени и дыма взвился к небесам. Можно было разглядеть трагедию даже без подозрительной трубы, но на палубе никто зрелищем не поинтересовался — матросы трудились как оглашенные, натягивая оснастку, распуская смененные паруса, отчаянно ремонтируя другие повреждения. И отчаянный крик подогнал рвение команды:

— «Менелай» взорвался!

Поймать ветер и уйти — вот что сейчас требовалось англичанам, чтобы подобру-поздорову убраться из Канала, в котором их целеустремленно преследовала сама смерть...

Из пролива вырвалось только четыре линкора, избитых, покалеченных, с изломанным рангоутом. И нужно было благодарить судьбу за то, что на кораблях осталось по одной или даже две мачты, хоть с изорванными парусами, но подранки смогли вырваться из западни.

— Они упрямы, эти скандинавы...

В голосе адмирала Кальдера слышалось уважение — датчане и шведы не уклонились от сражения в равных силах и бились отчаянно, хотя британцам удалось потопить три корабля. Но затем, словно по мановению волшебной палочки, на сцене появилось сразу четыре бронированных корыта с коптящими небо трубами: два от самого Острова, а еще парочка с противоположной стороны, от французского Кале.

Лишенные парусов и мачт, два английских линкора были тут же безжалостно уничтожены, не причинив этим чудовищным монстрам повреждений. Адмирал не мог поверить собственным глазам — ядра отлетали от каземата батареи, как сухой горох от стены.

Пришлось командовать отход, но эти порождения ада пошли следом, настигнув еще два отставших корабля, — судьбу одного из несчастных все моряки только что увидели и расслышали.

Хорошо, что броненосцы оказались тихоходны, и Кальдер искренне надеялся, что удастся оторваться от этих исчадий ада.

— С норда «коптилки», сэр!

Кальдер стремительно обернулся и обомлел — из-за гигантской оконечности Острова, на которую из матросов никто и не смотрел, ибо не ждали гибели от родных берегов, ходко шли, изрыгая черный дым из труб, сразу пять паровых линкоров, грозных, оцетинившихся орудийными дулами в раскрытых пушечных портах.

«От них не уйти! Догонят и остановят, а там подоспеют к ним эти чертовы корыта и нас потопят! Проклятые русские!»

— Сэр! На них красные и синие с крестами флаги! Это датчане и шведы! Второй корабль следует под королевским шведским штандартом!

— Это совершенно меняет дело... — с нескрываемой радостью произнес под нос адмирал и облегченно вздохнул. Он страшился боя, уже четвертого за двое суток, — сейчас сражение

могло стать последним.

Эскадре грозило полное истребление, она не могла ни уйти от врага, ни сражаться с ним, слишком страшным оружием владел неприятель. Оставалось только сдаться, но Кальдер категорически не желал склонить голову перед русским адмиралом, отдав тому фамильную шпагу.

Но шведский король, пусть еще юный, совсем иное дело — эта страна долгое время была союзником Англии, и следовало сгладить те дурные впечатления от недавних боев, в которых погибло множество моряков трех стран. Потому следует признать поражение и отдаться под благородное покровительство победителя.

— Поднять белые флаги! Мы сдаемся шведам!

Мэдстоун

Денис полоснул саблей по красному мундиру, словно на учении по чучелу, — бегущий солдат споткнулся, выронил ружье и рухнул лицом вперед. Он был зарублен — это был первый человек, которого молодой офицер лишил жизни в бою, ибо дуэли не в счет.

Но никаких чувств Давыдов по этому поводу не испытал, только боевой азарт, что звал его скакать дальше вперед.

— Руби их песи, круши хузары! — Поручик весело заорал старый воинский клич и, дав шенкеля норовистому жеребцу, ринулся за другими беглецами, что проломились, словно лоси, через редкие кусты. Но участь их была предрешена: четыре десятка ахтырских гусар устремились следом, и через какую-то минуту должны были настигнуть несчастных беглецов и порубить их в мелкую капусту — где уж пешему уйти от конного.

«Сейчас мы их догоним, а там... Других сокрушим, целую роту, пока они на биваках стоят. И побегут от нас англичане в ужасе, приняв за целый полк. У страха глаза велики, а потому паника охватит их войска! А там и князь подоспеет, поддержит меня всеми ахтырцами и казаками, а затем стрелки на подводах подойдут, и побежит вся английская армия. А я за ними следом, и рубить, рубить... Недаром Суворов сказал, что три победы одержу. И первым в Лондон вступлю, Его Величество меня майором пожалует, а то и полковником — отцовский полк вручит. И за доблесть георгиевским кавалером стану, такой порыв только этой награды достоин. Буду я победителем самого генерала Уэлсли, коего фельдмаршал в Индии громил!»

Мысли неслись галопом, и на таком же бешеном аллюре шел его конь. И через десяток секунд, рубанув еще одного солдата, Давыдов миновал кусты — жеребец вынес его на открытое поле.

— Мама родная! Да сколько вас здесь?!

Денис Давыдов, разинув рот в превеликом изумлении, смотрел на ровные, густые и длинные шеренги солдат в красных мундирах, что полностью опоясывали гряды, похожую на длинную изломанную кочергу. Да еще вдалеке виделись холмы, что прикрывали позицию с дальней стороны, — на их склонах тоже пламенели мундирами.

А перед ним был, собственно, крайний левый фланг неприятеля, прикрытый целым драгунским полком, — рослые солдаты в касках с плюмажами с удивлением взирали на вырвавшихся в сотне сажень русских гусар, что останавливали своих коней и тут же их разворачивали.

— Никак бабы?

За драгунами стояли солдаты в таких же красных мундирах, но в юбках, что вызвало удивленный крик одного из гусаров. Но оторопь тех и других длилась недолго — донеслась отрывистая команда на незнакомом языке, и сразу целый эскадрон, а то и больше, в добрых

полторы сотни всадников, выхватил длинные палаши, и длинные шеренги тронулись шагом, постепенно разгоняясь.

— Тикаем, брат! — Евдоким заорал, уколол шпорами своего коня и помчался как ветер. За ним устремились зарвавшиеся гусары, покаявая собственных лошадей, да еще жестоко.

Денис очнулся и, поняв, что промедление смерти подобно, устремился в бегство, совершенно не жалея и так разгоряченного жеребца, даже не оглядываясь на скачущих за ним драгун, но всей спиной чувствуя опасность — английский палаш, опускаемый на беззащитную спину, ничуть не милосердней русской сабли.

«Эх, брат, такую карьеру мне погубили... Хорошо хоть клинок крови отведал!»

Новый Орлеан

— Новый Орлеан — дыра! Алексей Петрович, в этом городке населения на пару тысяч, а по всей Луизиане и десяти тысяч французов не наберется. Правда, испанцев много и выходцев из американских штатов. Да и всякого отребья — бывших пиратов, «джентльменов удачи», авантюристов, проходимцев и прочей сволочи — изрядно наберется. Консулом здесь Иван Михайлович Дягилев, добрейшей души человек, но дипломат изрядный и честный, и дело свое знает добре!

Граф Резанов остановился, усмехнулся и, протянув руку, взял из коробки тонкую сигару, скрученную из табачного листа, прикурил ее от свечи, пахнул дымком, что-то обдумывая.

Ермолов не курил, но и не морщился, наоборот — приятный табачный дым ему нравился.

— Мы ни в коем случае не должны позволить провести сделку! И если потребуется, то принять даже крайние меры. А вот это предстоит совершить вам, Алексей Петрович, благо в таких делах вы знаете толк. Да, один вы не будете, хотя и состоите всего лишь на должности консула. С вами будут трое доверенных — все они долгое время живут в Новом Свете, владеют местными языками, включая индейские наречия, так что можете на них полностью положиться.

— Надеюсь, ваше сиятельство, они хорошо знают дело?

Алексей Петрович старался вложить в последнее слово иной смысл, но граф это понял сразу и чуть поморщился:

— Это «ближники» светлейшего князя Алексея Григорьевича. Надеюсь, вам это о многом говорит?

— Более чем, ваше сиятельство! Прошу простить за мой столь неуместный вопрос!

О головорезах старого Алехана, погибшего на Ямайке, в Генштабе хорошо знали. Император Петр Федорович всячески приветствовал подготовку подобных людей, называя их «имперским спецназом». И последний термин давно не являлся тайной, даже нынешняя миссия Ермолова была «специального назначения».

— Прошу вас, Алексей Петрович, оставить титулование. Мы здесь одни, как вы видите! — Действительный статский советник нарочито обвел рукой по кабинету, сверкнув расшитым золотом обшлагом, и заговорил уже другим, цепким и жестоким голосом: — Если сделка заключена, то имеется некий документ. Мне бы хотелось с ним ознакомиться, но так, чтобы более никто не знал об этом формуляре. Даже его составители...

Сказать яснее было нельзя, и Ермолов пригорюнился. Одно дело — персы, а другое — генерал союзной державы.

Попахивало нехорошим!

Но приказ есть приказ, пусть даже такой иносказательный. А за три последних года Алексей Петрович на многие дела стал смотреть проще, полностью впитав в себя главный постулат иезуитов. А для будущего России можно было совершить и не такое...

— Ты опять закурил, мой милый? — В комнату буквально ворвалась молодая девушка, и Алексей Петрович проворно поднялся с кресла. Юная супруга Резанова пылала той южной красотой, которую невозможно было передать словами. Тут как нельзя лучше подходили слова императора Петра Федоровича, сказанные им когда-то на придворном балу: «Знойная женщина — мечта поэта!»

— Надеюсь, ты представишь меня сейчас своему молодому гостю, мой милый? — Девушка улыбнулась мужу и с немым вопросом в чудных карих глазах посмотрела на Ермолова.

— Коллежский асессор Алексей Петрович Тихомиров. Будет помощником нашего консула в Новом Орлеане. Дела дипломатические, кхе... решать. Моя супруга, Мария Петровна...

Граф Резанов настолько церемонно произнес эти слова, что молодожены не выдержали и дружно рассмеялись.

Усмехнулся и Ермолов, глядя на эту влюбленную парочку. Впервые в жизни почувствовав, как в душе шевельнулась нечто, весьма похожее на зависть...

Мэдстоун

— Я так и напишу в письме твоему батюшке, Миша: «Ваш сын — старый генерал!»

Командир бригады генерал-майор Милорадович зарделся, услышав похвалу из уст боготворимого фельдмаршала. Но гордиться можно было по праву — солдаты, знаменитые «чудо-богатыри» Суворова, суздальцы и фанаторийцы, проделали стремительный марш на одном дыхании, сметая по пути ошеломленных британцев, не ожидавших такого яростного броска и напора русских солдат.

— Развертывай полки в линию, нас ждет правильная баталия! Егерей — застрельщиками, казаков на поддержку!

Суворов, в одной только белой рубашке, прищурил старческие глаза, разглядывая плотные шеренги британских солдат. Фельдмаршал, будь у него под рукой вся дивизия, не стал бы останавливаться, но уж больно велик был перевес у противника, три к одному, никак не меньше, а потому следовало дожидаться сикурса. Впрочем, ждать приходилось недолго — полководец знал, что в десяти верстах к востоку идет авангард князя Багратиона в составе дивизии генерал-лейтенанта Бонапартова и кавалерийской бригады Кульнева из двух гусарских полков.

Так что силы подравняются, и все решит оружие, ибо в русских солдатах фельдмаршал никогда не сомневался, хотя и англичан уважал, отдавая им должное: упорны, храбры, хорошо выучены и ранцы свои показывать врагу не любят.

— Что за черт?!

Помянув нечистого, Милорадович с нарастающим беспокойством наблюдал за разворачивающимся боем — его солдаты оказались под ружейным обстрелом с приличной дистанции, причем точным и убийственным. Да и неприятеля генерал рассмотрел не сразу, хотя на глаза никогда не жаловался — стрелки в зеленых куртках искусно маскировались за низкими густыми кустами и зарослями, за которыми виднелись на гряде выстроившиеся красные шеренги.

— Видишь, Миша, умеют учиться! — В голосе Суворова слышалось искреннее восхищение. — И ружья скорострельные себе сделали по нашему образцу, и в одежду неброскую своих служивых одели. Но то полумеры, Миша, а они к победе редко приводят. Да и три батальона их стрелков, никак не больше. А это не вся армия, а потому угрозы нет. Мыслью я — в атаку они пойдут, не дадут артиллерию с пулеметами на позиции поставить. Так что колонны в цепи развертывай, пусть окопы не мешкая роют! Всех солдат застрельщиками — они пыла у врага убавят!

Далекие холмы покрылись белыми клубками, донесся пушечный гром, и с недолетом упали бомбы, тут же взрываясь и разбрасывая вокруг землю. Обстрел был неопасным, к тому же опытные солдаты уже начали окапываться — у каждого на поясе была прицеплена малая пехотная лопатка в кожаном чехле.

Перестрелка загремела, русские винтовки ничем не уступали английским, так что бой грозил затянуться...

Мэдстоун

Из злосчастной Индийской кампании даже старые инертные генералы, ни в чем не уступавшие в своей косности и приверженности традициям лордам Адмиралтейства, сделали выводы.

— «Зеленые куртки» неплохи, сэр!

Генерал-майор Аксбридж внимательно смотрел за батальонами 60-го и 95-го полков, которые первыми в английской армии были вооружены новейшими барабанными винтовками и одеты в новую униформу, по цвету которой их и принялись называть.

Командиром этой единственной стрелковой бригады назначили полковника Роттенбурга — в толковых офицерах, осмысливших опыт действий легкой пехоты, имелась чрезвычайная нужда. Тем более в таких — даром что немец, а стал одним из авторитетов новой тактики, написав две «Инструкции» специально для стрелков.

— Стреляют отлично, сэр! — хладнокровно произнес Уэлсли, наблюдая, как русские, попав под точный огонь, стали отходить, рассыпаться и прижиматься к земле.

«Их же блюдо, но не пришлось по душе!» — злорадно подумал командующий, отмечая, что русские в ответ стреляют так же быстро и точно. Но дальнобойные винтовки были у всех их солдат, а потому «зеленые куртки» несли большие потери.

Британская артиллерия открыла огонь из всех орудий, над головами русских появились белые облачка — генерал Уэлсли сразу же увидел, что московиты пришли в смятение. Солдаты лихорадочно заработали лопатами, зарываясь в землю.

— Изобретение майора Шрапнеля им явно пришлось не по душе, сэр! Они начали превращаться в кротов!

Аксбридж впервые изволил пошутить, однако командующий продолжал сохранять хладнокровное молчание, но в душе генерал Уэлсли радовался — теперь не одни русские обладали столь убийственным боеприпасом. Все отличие от картечи состояло в том, что ядро с мушкетными пулями разрывалось в воздухе, буквально выкашивая солдат.

— Использовать осадные окопы в полевом сражении? Какая глупость! Они не смогут выстоять против удара пехоты, сэр! И посмотрите на этих дикарей, сэр! — Аксбридж показал на прикрывающих левый фланг русской позиции казаков. Белые облачка шрапнелей накрыли эту азиатскую конницу, и она устремила в бегство.

— Возьмите драгун, генерал, и сомните их!

Уэлсли понял, что наступил самый благоприятный момент для атаки. Теперь следовало обрушиться на войска Суворова всей массой и, заворачивая влево фланг, выйти на подступавший с востока другой русский отряд, чьи гусары полчаса назад атаковали пикеты.

Разбить московитов по частям и немедленно наступать на юго-запад, а там обрушиться на французов — в победе над галлами командующий нисколько не сомневался.

— Фельдмаршал Суворов допустил первую ошибку, разделив свои войска на части, — Уэлсли позволил себе улыбнуться, — а вторая заключается в том, что он зарвался! Закружилась от побед у старика голова, и он решил, что сможет справиться, не дожидаясь подкреплений. Ну

что ж, теперь моя очередь дать ему урок!

Твид

Они явно чувствуют себя хозяевами! Ну что ж, требуется поскорее рассеять это опасное заблуждение и дать чванливым англичанам пару наглядных уроков!

Генерал-майор Барклай де Толли с усмешкой смотрел на приближавшуюся густую колонну красных мундиров, численностью примерно в тысячу солдат, что соответствовало их пехотному батальону.

Вообще структура английской армии казалась русскому военачальнику странной — полки состояли в большинстве своем из одного батальона, служили скорее административной структурой, предназначенной для подготовки завербованных пожизненно рекрутов и добровольно призванных на семилетнюю службу этой весной новобранцев, которых нужно было еще долго готовить. Так что в эти дни такие вояки могли быть только откровенным «пушечным мясом».

Батальоны разных полков сводились по три-четыре в бригады, причем непостоянного состава, а потому, несмотря на хорошую выучку солдат, имели в этом «ахиллесову пятю». Да и штатная структура батальона показалась чрезвычайно громоздкой и трудно управляемой — гренадерская, стрелковая и целых восемь фузилерных рот при чрезвычайно малой численности, всего в сотню штыков каждая.

Вот и сейчас англичане спокойно маршировали, совершенно игнорируя самые элементарные требования устава и не выдвинув боевого охранения. И вряд ли их генерал понимал, что война началась совсем по-другому — шотландцы майора Патрика Гордона заблаговременно, под покровом ночной темноты, переправились на южную английскую сторону пограничного Твида и подготовили вековым врагам «горячую» встречу...

Скорострельные пушки выпускали снаряд за снарядом, белые облачка шрапнелей то и дело разрывались в воздухе, обрушивая на красные мундиры смертоносную начинку — тысячи железных шариков секли металлическим ливнем, сверху поражая солдат.

Свою лепту внесли и ждавшие своего часа пулеметы, запев смертоносную песню, — с дистанции в тысячу шагов они буквально выкашивали разбегающихся во все стороны британцев, как острые «литовки», косящие по сырому утру траву...

— Это победа, мой генерал!

Майор Гордон совершенно не скрывал безумной радости: такой войны он еще не видел, хотя и предполагал, что русское оружие крайне эффективно. Другой человек, может быть, и ужаснулся бы бойни, в которой одни безнаказанно и без потерь уничтожили несколько сотен других людей, но только не шотландцы.

Воинственные горцы ликовали, как дети, видя избиение своего заклятого недруга. Ловя взглядом десятки горящих яростью глаз своих новых подчиненных, Михаил Богданович понял, что для усмирения этого горного края британцам потребуется очень много войск, гораздо больше, чем они сосредоточили, и, возможно, они уже начали передислокацию частей, стягивая их к мятежной Каледонии.

Это как нельзя лучше отвечало его планам: тем самым будет облегчена высадка союзных войск в Англии — и, не успев к Шотландии, они не будут присутствовать и на побережье в самые горячие часы...

Мэдстоун

Драгунских полков в английской армии имелось ровно полтора десятка — две трети гвардейских и треть армейских. Среди последних был и 2-й Северо-британский полк, который гордо именовался «Шотландскими серыми», но большая часть драгун примкнула к мятежу хайлендеров, при помощи которых быстро перебили верных короне офицеров и драгун.

В корпусе Уэлсли числилось всего пять полков, остальные, как и пехотные батальоны, оказались задействованы на подавлении восстаний в Ирландии и Шотландии, а также находились в Португалии в корпусе генерал-майора сэра Джона Мура. Вторая страна Пиренейского полуострова имела давние счеты к своему соседу, и в Англии решено было поддержать ее вооруженной силой.

«Красиво идут!» — мысленно восхитился Уэлсли, глядя, как четыре полка, развернувшись в ровные шеренги, обрушились на мятущихся казаков. Те боя не приняли, обратившись в бегство и едва не смяв русских егерей. Те, отстреливаясь, устремились к густым кустам, словно рассчитывая, что живая изгородь их защитит от стальных палашей.

«Напрасны ваши надежды!» — усмехнулся командующий, восхищаясь отточенным за долгие годы учения умением королевских драгун атаковать холодным оружием.

Гвардейские полки подходили к русским все ближе, осталось каких-нибудь триста ярдов, как густые ветви стали сгибаться и, давя кусты, выехали знакомые по Индии двухколесные повозки, которые толкали сзади солдаты. И тут же затрещали, словно взбесившиеся гигантские сороки, их позицию быстро заволок белый дым.

— Черт подери! — только и смог выдать из себя Уэлсли, с ужасом глядя, как ломаются прежде стройные шеренги, как падают на землю кони и люди, сметенные свинцовым дождем...

Красные мундиры заполонили все поле, неспешным шагом продвигаясь вперед. Командующий на них внимательно взирал — это была его последняя надежда. И тут с небес послышалось адское шипение, над головой пролетели гигантские огненные стрелы — их было много, одна за другой, словно огромный рой смертоносных пчел.

Ракеты стали падать на окаменевших от страха пехотинцев, и все поле взорвалось со страшным грохотом, разбросав во все стороны и к небесам пламя и обрывки человеческих тел...

— Черт подери, сэр, мне оторвало ногу!

Спокойный до ужаса голос Аксбриджа привлек внимание командующего. Он повернул голову и увидел сидящего на земле генерала с кровоточащим обрубок у колена.

— Черт подери, сэр, но вы правы! — чересчур спокойно произнес в ответ Уэлсли, не в силах что-либо сделать, и тут чудовищный взрыв взметнул его в воздух и со страшной силой ударил об землю...

Петербург

Вице-адмирал Павел Васильевич Чичагов держал в руках сделанную с особым тщанием модель корабля. Это был не красавец-парусник, которые окружали его в юности, и не угловатый корпус казематного броненосца, что не произвел на него поначалу впечатления.

Удачный дебют «кабанов» у стен Константинополя, который он увидел собственными глазами в тот день, толкнул его, тогда тридцатилетнего молодого капитана первого ранга, командовавшего линейным кораблем «Севастополь», подать рапорт о переводе на броненосцы, несмотря на значительное понижение в должности.

Но к чему собственные амбиции, если речь для него, сына известного адмирала, шла о будущем русского флота!

— Это будет наша главная сила! — Чичагов с любовью погладил изящный металлический корпус, сделанный из меди. Изящные обводы, высокий полубак — такие черты говорили о

гораздо лучшей мореходности этого корабля в сравнении даже с новыми «быками».

Да и предполагаемая скорость, при намного большей мощности паровых машин, должна была достигнуть невероятной для броненосного корабля цифры в девять, а то и десять узлов — теперь только самые быстроходные парусные суда при сильном попутном ветре могли уйти от преследования.

Но более всего впечатляло мощное вооружение, впервые установленное в круглых бронированных башнях — по одной 9-дюймовой нарезной пушке в каждой. Кроме того, в разнесенных по всей длине защищенных казематах имелось восемь 6-дюймовых нарезных пушек наподобие армейских, производство которых было с превеликими трудами налажено, но массивных, с более длинным стволом.

Произведенные в мае испытания показали, что против выпущенных из них снарядов не устоит броня даже наиболее крепкого датского «Элефанта» — он будет превращен в развалину парочкой залпов.

— Теперь любому супостату придется туго! — Молодой морской министр, поставленный на эту должность три года тому назад, зловеще улыбнулся, в который раз подивившись гению императора Петра Федоровича, что принял самое активное участие при разработке этого корабля, названного «Борнхольмом», в честь победы над эскадрой Нельсона у этого острова. За ним должны были последовать другие однотипные корабли, именованные в честь громких викторий русского флота.

Позавчера, 27 июня, в день собственного рождения и Полтавской баталии (сам Павел Васильевич очень гордился таким совпадением), на заседании Морского комитета в присутствии самой государыни-императрицы единогласно утвердили план строительства сразу шести таких кораблей водоизмещением в семь с половиной тысячи тонн каждый — два для Балтийского и четыре для Черноморского флотов.

Столь больших кораблей, да еще изготовленных из железа, в России никогда не строили, а потому для всей экономики потребуются чрезвычайные усилия. Нужно будет подготовить длинные стапеля, расширить металлургическое производство, да чего только нельзя сделать!

И пусть они войдут в строй через пятнадцать, а то и двадцать лет, но их постройка будет целиком оправдана — ни одна страна в мире к 1825 году не сможет иметь столь могущественных кораблей.

— Это будут «броненосцы победы»!

Мэдстоун

— Страшные времена приходят, батюшка-государь! Нам, старикам, пора на покой уходить...

Фельдмаршал Суворов осунулся, лицо было серым то ли от усталости, то ли от ужасной картины, которая царила на месте недавней баталии, все еще дымящейся от горящего напалма.

Везде стоял едкий и отвратный запах пороха и взрывчатки, жуткой смеси пролитой крови, непередаваемая вонь выпущенных потрохов убитых солдат да запашок сгоревшей человеческой плоти.

— Это не сражение, государь, а бойня... Я не мясник...

— Значит, это я мясник и палач, Александр Васильевич... — Петр старался говорить спокойно, хотя старательно отводил свой взгляд от места побоища. Зрелище действительно было жутковатое, даже его закаленные нервы и то дрожали натянутыми струнами. — Вот, по тебе, на войне должно быть все красиво: атаки конницы, штыковые удары, пушечные залпы. А на поле по щиколотку крови, русские и англичане лежат вповалку, кишками спутавшись...

Теперь Петр не сдержался, и от каждого его слова тщедушный Суворов вздрагивал. Но хлесткие слова действовали на полководца поразительно — минутная слабость прошла, на лице окаменели мышцы, потухшие глаза загорелись. Император, видя плоды «лечения», усилил давление, уже не выбирая подходящих слов:

— А по мне, можно стоять по колено крови, но вся она должна быть неприятельской! Пусть собачьи дети на будущее глубокую зарубку сделают, чтоб в другой раз от ужаса глаза зажмуривали и на Россию не дергались. А нашей крови должна быть пролита лужица малая, как здесь и произошло. Все правильно сделал Бонапарт — он нашу солдатскую кровь сберет! Вот что значит точный расчет и хладнокровие природного артиллериста!

— Математик! — буркнул Суворов, вот только в голосе послышалось нечто вроде уважения. Причем искреннего, как бывает у младшего к старшему. — Я бы до такого не додумался.

— И я бы, признаюсь честно... — нехотя произнес Петр, наконец найдя в себе силы взглянуть на место побоища. Корпус Багратиона вышел точно во фланг британской армии, и, к великой удаче, те не смогли развернуться: восстали шотландцы и британцы просто не успели.

Зато Бонапарт, с упрямством маньяка тащивший ракетные установки и всю штатную артиллерию своей дивизии, получил прекрасную возможность для продольного, самого губительного огня — когда любой перелет или недолет снаряда обязательно приходится на цель, уж больно та и длинная, и достаточно широкая, такая, как десять тысяч английских красномундирников в сомкнутых построениях.

Главный вклад в уничтожение живой силы противника привнесли ракетные установки. Это были не те примитивные устройства, что привели в ужас османов под Кагулом, а уже усовершенствованные установки, могущие за две минуты выпустить дюжину шестипудовых ракет с ужасающей начинкой, которую только смогли создать на секретных военных мануфактурах, — жуткая помесь взрывчатки и «греческого огня».

Довершение разгрома принадлежало пулеметам — продольный и перекрестный огонь добил уцелевших и довершил разгром, немногие бежавшие были безжалостно вырублены бросившейся в погоню русской кавалерией и донскими казаками.

— Зато Лондон, Александр Васильевич, как только узнает о подробностях баталии, придет в ужас. Да-да, именно так! Британцы вообще-то народец упертый, но флота у них уже нет. Сам видел, как на дно английские линкоры отправляют... — Петр недоговорил, вздрогнул — второй раз сражаться на броненосце он не желал категорически. И страшно, и последнего здоровья чуть не лишился — ведь давно не молоденький, здоровье уже не то, и побережь его нужно, а не в баталиях участвовать. Да и нервы не выдержали — откат мощный был, всю дорогу проспал под бдительным присмотром опытного врача, что сидел все время рядышком.

— Умен, юноша! Зело смышлен и крови не боится. На него армию нужно оставить, славу ей обретет новую и солдатами любим. Добавлю в «Науку побеждать» его мысли, насчет идти раздельно, но бить вместе. Такая тактика пользу немалую приносит. — Суворов вздохнул, пристально разглядывая в наступающих сумерках, будто первый раз в жизни увидел, длинную колонну из запряженных шестерками крепких лошадей ракетных установок и зарядных ящиков.

Два дивизиона РСЗО, а именно такую аббревиатуру Петр собрался ввести, пока единственные во всей русской армии, так отлично поработавшие пару часов назад, вызывали самые восторженные крики солдат:

— «Царицы» пошли!

— Задала нехристям царица-матушка звону!

Петр улыбнулся — как он ни старался, но название «катюша» не прижилось: солдаты блюли субординацию и любили «матушку». Зато назвали на свой лад, выказывая почтение к

новой «царице полей», что потеснила инфантерию. Чему, впрочем, пехота искренне радовалась — кому из них хочется штык в брюхо получать, лучше уж так воевать.

— Ты еще раздел введи, как раз для них. — Петр мотнул головою в сторону колонны. — Бить так бить!

— А если бить, то наповал!

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

30 июня 1804 года

Мэдстоун

Петр молча сидел на холодном как лед камне, устало положив руки на колени. В душе было пусто, а в ноздри лез приторно-сладковатый запах человеческой смерти.

Городок был разрушен и сожжен полностью, превращен в развалины. И куда бы он ни бросил взгляд, везде лежали тысячи трупов.

Впервые в жизни он видел не поле боя, а место побоища. Даже туркам под Константинополем и Иерусалимом, французам под Яффой и то досталось намного меньше, ибо тогда русские полки не имели в достаточном количестве нового вооружения. Здесь русские барабанные винтовки и карабины, ракеты, пулеметы и скорострельные стальные казнозарядные пушки и гаубицы собрали ужасающую кровавую жатву.

«Стоит ли будущее величие России того, что произошло? Ведь люди, погибшие здесь, в том мире жили, женились, растили детей, а тут... Словно мойрами стал в одном лице — идет пряжа человеческой жизни, а я по ней не ножницами, а стальным тесаком! Вершитель жизни... Возомнил себя новым Чингисханом, завоевателем Вселенной — по колено в крови стоишь, сукин сын!»

Петр сплюнул на землю, откашлялся, ему показалось, что сладким запахом он пропитался насквозь, до последней клетки, а в душе на смену пустоты пришла горечь.

— Такова цена империи, — прошептал Петр. — Всюду кровь, смерть, страдания. И на хрена я полез?! Сидел бы у себя в общаге, водочку попивал, с девчонками лясы точил, а тут...

Он вздохнул и тяжело поднялся с камня, будто с десятипудовым мешком на плечах. Сделал несколько шагов и устоял на лежащего под ногами солдата в красном английском мундире. Вот только цвет обмундирования сейчас дополнился большими багровыми пятнами, хорошо видимыми при ярком лунном свете.

«Днем убили — шрапнелью накрыли, потом донцы порубили... Совсем молоденький паренек, лет семнадцать! Такому еще жить и жить, а ему потроха выпустили...»

В широко открытых глазах навечно застыло недоумение, обращенное к небу. Глаза словно вопрошали: «Я же так молод!» Скрюченные руки юнца сжимали вывалившийся клубок сизых кишок, а лицо было искажено неимоверным страданием.

— Эх, парень, парень... — пробормотал Петр. — Маму, наверное, звал?! Да только не откликнулась она, как и Всевышний. Прости уж меня, но не я эту резню начал!

Отговорка была слабой, даже жиденькой — Петр это прекрасно понимал. Все сорок с лишним лет своей жизни здесь он готовился только к одному — в один прекрасный момент навалиться всеми силами и полностью сокрушить Британию.

Искренне считал — правда на его стороне!

На протяжении многовековой истории Англия всегда выступала злейшим врагом России, сапоги надменных островитян сбивали пыль на крымских дорогах, английские моряки рассматривали в подзорные трубы Кронштадт, Соловки и Петропавловск, что на Камчатке.

С улыбкой превосходства цивилизованного джентльмена направляли пушки на русских аборигенов, коих всегда почитали либо грязными москвитями, либо подлыми татарскими собаками. Даже на многих английских картах русские земли значились как Великая Татария.

Вспомнив, с каким пренебрежением и с усмешкой с ним говорили надменные английские

лорды сразу после второй, неудачной для России, войны с турками, за спиной которых стояли англичане, Петр взбеленился, душа стала наполняться ненавистью.

— Ты страдаешь, мальчик?! — Петр тихо обратился к лежащему парню, присев рядом с ним на колени. Император с усилием надавил пальцами на веки, закрывая пронзительно синие когда-то, а сейчас подернутые смертным ледком глаза, и прикусил губу, сдержав на секунду ярость. — А когда твои соотечественники людей как скотину бьют, оспой индейцев заражают, бедных индусов в рабов превращают, а негров пачками на плантации везут, покупая за связки стеклянных бус, — это хорошо?! Ты считаешь нас завоевателями? А как назвать твоих братьев, что полмира под себя подмяли?! Ах да, они белые и пушистые, аки зайчики, и несут им себе великую миссию «Белого человека»!!!

Голос Петра заметно дрогнул — страшный черный напор сломил плотину воли, теперь звучала только одна жгучая ненависть, бескомпромиссная и лютая.

— Вы — исчадия ада! Бог ваш — только деньги! А потому вера ваша от Сатаны! Не можно служить Богу и Мамоне одновременно, надо что-то одно выбирать! Выбор свой вы давно сделали, грабя всех подряд, — и по делам вашим награда!

Петр уже рычал. То сострадание, которое еще держалось в душе, исчезло, смытое черной волной жестокости. Теперь он был готов не только отдать любой приказ и вырезать все население Острова от мала до велика, но и сам смог бы участвовать в этом деле.

За эти годы он мало встречал людей, говорящих о британцах с любовью. Более слышалась застарелая неприязнь, кое-где перераставшая в ненависть. И это европейцы, которых коробило высокомерие британцев. Можно было даже не спрашивать другие, рассеянные по всему миру народы — ответ напрашивался однозначный.

— Всех вас вырезать! Чтоб духа не осталось! Да еще Штаты уничтожить, уж лучше там одним индейцам жить! Вы только мир поганите, от вас избавляться нужно, как от вшей!

Яростно выкрикнув последние слова, Петр устало опустил на камень. В душе опять царила пустота, все, что там было, он выплеснул вместе с остатками сил. Сейчас не мог поднять даже руку...

Кадис

— Какая силища!

Михаил Лазарев с восторгом смотрел на выходящие из бухты многочисленные эскадры, вытягивающиеся, подобно сказочному морскому змею, на лазурной глади Атлантического океана.

Правую и центральную колонны составляли союзники: первую — французы под командованием вице-адмирала Вильнева, а среднюю — испанцы дона Фредерико Гравина.

Русскую эскадру, также шедшую под белыми парусами, возглавлял адмирал Ушаков — Михаил с обожанием взирал на легендарного флотоводца, мечтая, как будет метко стрелять из 36-фунтовой карронады, что находилась на шкафуте, а прославленный адмирал сверху со шканцев увидит его героизм...

— Будем надеяться, что в бою не подведут!

Ушаков пристально смотрел на выдвигающихся в кильватерной линии союзников. Взглядом опытного моряка он сразу отметил, что команды достаточно хорошо обучены — корабли на курсе не рыскали, паруса ставились как надлежит и быстро.

Вот только как поведет эта «публика» себя в бою, когда британцы дадут смертельный «концерт», старый моряк мог только гадать. Сам Ушаков сражался рядом с храбрыми датчанами, что тонули, но флаги с мачт не спускали. Видел холодное мужество шведов, а

потому считал, что эти союзники будут надежной опорой Северной эскадре Сенявина, составленной из проверенных балтийских линкоров. Что касается его Южной эскадры, составленной из кораблей Черноморского флота, то биться бок о бок с пылкими французами и испанцами ему ни разу не доводилось.

Нет, храбрости им было не занимать, но если бы еще имелась отменная выучка и настоящее хладнокровие с воинским мастерством, то не нужно было бы желать лучшего.

— Надеюсь, Гравина и Вильнев в точности выполняют мою диспозицию! — вслух произнес адмирал, пристально разглядывая идущий под большим флагом флагман испанского флота.

На «Сантисиме Тринидад» суетились матросы, ловко, как маленькие обезьянки, поднимаясь по вантам. Корабль распускал дополнительные паруса, медленно набирая ход. Ветер с норд-веста был хорош, и до мыса Трафальгар осталось идти совсем немного.

— Ваше высокопревосходительство, с веста паруса!

Ушаков посмотрел на запад и приложил к глазам бинокль. Из голубой смывки неба и океана медленно выползали десятки белых пятнышек, постепенно вытягиваясь по горизонту в длинную цепь.

Как русский адмирал и предполагал, британцы явились сразу же, чтобы навязать бой и показать, кто в море хозяин.

— Поднять сигнал: «Корабли подготовить к бою! Курс прежний — Трафальгар!»

Новый Орлеан

— Нет, так дело не пойдет!

Второй консул республики, дивизионный генерал Жан Виктор Моро, прикусил губу. Состоявшийся разговор с госсекретарем Мэдисоном оставил в душе горький, неприятный осадок.

Его вульгарно пытались купить, а это очень больно ударило по самолюбию. Моро вспомнил, как сорок лет назад он, тогда еще мальчишка, искренне радовался победам восставших колонистов над британскими войсками и гордился той помощью, которую оказали французы восставшим американцам в войне за независимость. Командующего отрядом маркиза Лафайета он боготворил, а отцов-основателей Соединенных Штатов — Вашингтона и Франклина — почитал равными Богу.

Заокеанская республика принималась многими европейцами за будущее человечества, основанное на принципах свободы, равенства и братства. И сам он истово верил в это и даже вступил в Филадельфии в масонскую ложу, любуясь символами «вольных каменщиков» на государственных знаках САСШ.

С одним отцом-основателем, Томасом Джефферсоном, он познакомился в прошлом году. Хорошо помнил свое восхищение и тем горшее разочарование Моро сейчас испытывал.

«Обитель свободы» оказалась лукавой вывеской, а ее подлинная сущность была совсем иной. Жестокое рабство в Южных штатах, где несчастных негров считали существами ниже любой скотины, где чернокожих мучили, пытали и убивали подобно турецким рабам, привели генерала в ужас. Причем сами американцы не скрывали этой мерзости и даже гордились своей жестокостью.

Под «лучшими гражданами» страны они считали не самых достойных, а самых богатых. Их нисколько не смущало, какими несправедливыми путями достигнуто благополучие...

— Это не обитель свободы, а царство Мамоны, где царят злоба, жадность и предательство! — этими горячечными словами генерал словно подвел черту под своими прежними воззрениями.

Нет, он генерал республики и не станет служить лукавым нуворишам, тем, кто убивает ради выгоды; кто платит золотом за скальпы убитых индейцев, считая, что земля принадлежит «людям», а не тварям, что обитали здесь задолго до Рождества Христова.

Это был не просто верх цинизма, а плевков на те светлые идеалы настоящей демократии, которым служил генерал. И то, что сулил ему сегодня Мэдисон, подсовывая на подпись бумаги, еще более отвратило генерала от прежних симпатий.

— Будь они прокляты!

Коляску потрянуло на ухабе, и Моро крепко ухватился ладонью за дверцу. Неожиданно ночную тьму разорвала ослепительная вспышка, грохот оглушительно ударил по ушам. Что-то раскаленное ударило в грудь, разрывая сердце болью.

В последнюю секунду уже затухающим сознанием генерал успел подумать — это была та смерть, которую принимали его солдаты и которой он тоже был достоин...

Гибралтар

Александр Петрович молча смотрел за канонирами, что без суеты копошились у больших осадных мортир. Таких орудий сделали всего десяток — два остались в Петербурге на артиллерийском полигоне, а восемь с превеликим трудом доставили под Гибралтар. И сейчас чудовищные девятидюймовые снаряды весом в добрые восемь пудов методично разрушали главную британскую крепость на Средиземном море.

Цесаревич внимательно наблюдал, как замковые поднимали на лебедках тяжелые снаряды, похожие на тушки свиней, и ставили их на желоб. Два канонира с трудом заталкивали снаряд в казенник, следом за ним следовал заряд — здоровенный купон пороха в шелковом картузе, — и с лязгом закрывали тяжелый замок.

По приказу офицера прислуга отбегала от орудия, укрываясь в заранее отрытых капонирах, а фейерверкер тянул длинный шнур. Мортира с ужасающим ревом ухнула, подпрыгивая вместе с тяжеленным станком на месте.

Александр долго провожал взглядом черную точку, которая поднималась в небо по крутой траектории и с нарастающей скоростью падала вниз, а через мгновения следовал взрыв.

В бинокль было хорошо видно, как среди запыленных развалин вырастает очередной серочерный султан, отдаленно похожий на небольшой гриб. И тут же рывкнула другая мортира, отправляя страшный гостинец в разрушенную крепость.

— Ваше величество, необходимо сделать короткую передышку и охладить стволы!

— Вы командуете батареей, майор, а не я! Поэтому незачем спрашивать у меня разрешения! — Александр виновато улыбнулся издавшему виды командиру батареи, интеллигентному на вид и в круглых очочках, — все же, как ни крути, ученый род войск, где знание множества точных дисциплин, таких, как математика и тригонометрия, действительно необходимо каждому офицеру.

— Никуда они уже не денутся, ваше величество!

Майор сочувственно улыбнулся, видя, как цесаревич часто хмурится и поглаживает ладонью раненную в Берлине грудь.

— Еще сутки такой бомбардировки, и в крепости не останется даже целой собачьей конуры!

— Продолжайте стрелять, майор... — кивнул в ответ Александр и, чуть подволакивая ногу, медленно пошел к отведенному для него дому. Этот путь за прошедшие три дня он совершал много раз.

Не такой он представлял себе осаду крепостей!

По рассказам отца и многих других генералов Александр знал, как брали штурмом те же Бендеры и Константинополь — везде пороховой дым, озверелые солдаты, идущие на приступ, и яростное сопротивление осажденных. И в конце концов развевающийся по ветру русский флаг, поднятый на одной из башен.

А тут происходило совершенно иное. Фельдмаршал поставил железных монстров, что метают тяжеленные снаряды на четыре версты, для перевозки которых были задействованы сотни повозок.

И днем и ночью идет беспощадная бомбардировка — пока одни орудия остывают, другие выплевывают смертоносные снаряды, причем совершенно безнаказанно: крепостные пушки англичан не в состоянии добросить свои ядра до позиции русской батареи, а потому гарнизон просто стоически терпит бомбардировку.

Последнее обстоятельство больше всего удивляло Александра. Он невольно восхищался англичанами, находившимися уже третий день под жесточайшим обстрелом, — гарнизон не мог не понимать, что обороняемая крепость обречена.

— Завтра к ним нужно отправить парламентаря — пусть сдаются на почетных условиях!

Мэдстоун

Петр молча сидел на холодном как лед большом камне и только задумчиво хмурил брови.

— Не суди да не судим будешь!

Мягкий голос мог принадлежать только одному человеку, и Петр, повернувшись, с болью в глазах посмотрел на старого священника, возникшего неизвестно откуда.

— Почему ты ко мне приходишь только во сне? И именно тогда, когда крови пролито не просто по щиколотку, а по колено.

— Когда смерть набрасывает свое покрывало, — священник продолжал говорить мягко и утешающе, — и освобождается человеческая боль, уходят души рабов Божьих, мир становится другим.

— Лучше или хуже? — с усмешкой спросил Петр. Раздражения у него не было, одна только бесконечная усталость.

— Я не сказал, сын мой, что он становится лучше или хуже. Он становится иным. Каждый из павших мог оставить свой след, потом его дети, внуки, правнуки, те, которые не родились и никогда не появятся на свет. Жизнь — это нить, которая протягивается через века, и нельзя ее рубить вот так просто, острой сталью...

Петр заскрипел зубами. Он думал об этом минуту назад, а старик словно прочитал его мысли.

Впрочем, почему словно?!

Глядя в эти умные усталые печальные глаза, Петр испытывал желание выговориться, распахнуть свою душу. Именно таким, как этот старик, и нужно быть настоящим пастырем, ибо это совесть людская.

Можно ухмыляться, презрительно говорить «поп», не ходить в церковь. Все можно?! Вершить злые дела и, пожимаая плечами, отвечать: «не я первый начал» или «все такие», но от себя самого, от своих страданий, маеты душевной, вызванной муками совести, куда денешься?!

— Душа всегда ищет оправданий, сын мой. А оттого она их ищет, что не хочет страдать при жизни, и человек склонен прибегать не к покаянию, а к обелению и самого себя, и своих поступков...

Старик сел рядом с ним на камень, положив узловатые, в застарелых мозолях ладони на

колени. После недолгой паузы снова заговорил, и такая горечь звучала в его словах, что Петру стало еще более тоскливо, да так что зубы свело.

— Господь говорил: «Мое мщение, аз и воздам!» Ты чувствуешь в себе правоту, сын мой, когда хочешь истребить целый народ?

— Но ведь были Содом с Гоморрою! Да и потоп неспроста случился, святой отец!

— Ты хочешь стать Вседержителем?

Бесхитростный вопрос старика сразил Петра наповал — крыть на него было нечем. А тот таким же тихим голосом продолжил говорить, а каждое его слово проникало во все клеточки мозга:

— Представь на секунду, сын мой, что на свете разом исчезли лошади. Будет от того жить легче другим? А что станет с твоей армией? Вот то-то и оно! Так то скотина бессловесная, а тут люди живые, с душою, искрой Божьей осененные.

— Так что же делать? — прошептал Петр.

— Сделай так, чтобы будущее не отплатило твоим потомкам кровью. А насчет возмездия... Так поверь, оно неотвратимо, или на том свете, при жизни, или на этом.

Петр раскрыл было рот, чтобы задать вопрос, и осекся. В голове молоточком застучала мысль: «Так, значит, что я вижу, это тот свет, и сейчас здесь не я, а моя душа! Вот оно что!»

— Люди грешат, и грешат порой так, что отмолить их злодеяния невозможно. А когда грешит целый народ, то плата за их поступки падет на будущее поколение. Недаром даже грешники говорят, что за все в жизни нужно платить, причем зачастую отнюдь не деньгами. А кто платить не хочет, тот расплатится.

— И эти тоже платят? — с кривой ухмылкой протяжно произнес Петр, показывая на красные мундиры, лежащие вокруг.

— Неизбежно, — ответил священник, — ты сам их тела видишь. И потомки их будут расплачиваться.

— Что-то мне не верится, батюшка!

— А ты сам посуди: они создали империю, залив под нее потоки крови. Но здание на такой опоре недолговечно и неизбежно рушится — жизнь человеческая измеряется десятилетиями, а такие государства живут века. Но разве это срок для бытия? Ты сам видел распад этой империи. От нее отшатнулись все народы, которые они присоединили силой оружия. Но яблоко не гниет частями, оно портится целиком. Пусть не сразу, со временем, но неизбежно сгниет... Так что даже сердцевина у них уже гнилая. Шотландцы, валлийцы, ирландцы — они все отшатнутся, потому что прекрасно понимают, что за все надо платить, и не захотят брать на себя грехи вот этих самых завоевателей.

— По-нят-но... — в два приема хрипло вытолкнул из себя слово Петр и крепко задумался. Сказанное стариком не являлось для него откровением, о многих вещах он давно догадывался.

Однако, когда Петр поднял глаза, чтобы задать священнику вопрос, мучивший его много лет, готовое сорваться с языка слово застыло в пустоте. Старик исчез, будто и не сидел рядом с ним на камне.

— Ну что ж... — решил для себя Петр, тяжело вставая со все так же холодного камня. — Я все понял, отец. И ответ на этот вопрос должен дать себе сам...

Иркутск

— Какая красота!

Княгиня Дашкова с умилением в сердце взирала на величественный Казанский собор, высившийся над просторной Тихвинской площадью. И пусть еще строители не приступили к

постройке большого купола, но возводимая зодчими громада уже подавляла своей мощью и деревянные башни острога с каменной Спасской церковью, построенной еще при царствовании Петра Алексеевича, и стоящий чуть на особицу Богоявленский собор с его разноцветными маковками.

— Бегут годы, бегут...

Екатерина Романовна тяжело вздохнула. Почти сорок лет промелькнули перед ее глазами, как один день. Она хорошо помнила тот, прежний, Иркутск — невзрачный, сплошь деревянный с узкими улочками, который сильно поразил по приезду.

Зато сейчас это был уже совсем иной город: светлый, с многоцветием каменных домов — богатые купцы не жалели мощны, чтобы как можно лучше отделать не только свои собственные дома и усадьбы, но и общественные здания. И не скупились, гордясь такой полезной расточительностью. Только больниц и лечебниц на тридцатитысячный город приходился добрый десяток. А «Белый дом» — дворец наместника — и университетские корпуса вообще поражали своей помпезностью.

«Я становлюсь сентиментальной!»

Екатерина Романовна достала кружевной платочек и утерла непрошеную слезинку. Хоть года и брали потихоньку свое — княгиня «разменяла» седьмой десяток, — но женщина оставалась очень энергичной, к тому же продолжала вести занятия в университете и совершала отнюдь не короткие поездки по губернии.

— А ведь ты прав, батюшка, ой как прав!

Сейчас она вспомнила ту свою встречу с императором Петром Федоровичем в мрачной каменной келье, что являлась для нее тюремной камерой. И словно наяву услышала глуховатый голос царя, увидела блеск его глаз, когда он заговорил с ней о будущем величии России.

Даже спустя долгие годы Дашкова продолжала чувствовать стыд, что по собственному недомыслию встала на пути этого великого человека и могла тем самым принести неисчислимые бедствия этой ныне процветающей под его скипетром державе.

— Боже мой! — Екатерина Романовна прикрыла глаза. Перед ней прошли образы Като, царственной подруги, одноглазого гиганта Григория Потемкина, ставшего близким другом и единомышленником, гвардейских шалопаев братьев Орловых, что присоединили огромные территории за океаном, многих других — и живых, и уже покинувших этот свет. Но как много они сделали для России!

Екатерина Романовна еще раз утерла слезы и задорно тряхнула головой, при этом за какую-то секунду совершенно преобразившись, будто вернулась забытая годами молодость. В ее блеклых ранее глазах запылали задор и желание творить.

— Я выполню все предначертанное! — тряхнув еще пышными волосами, сама себе твердо сказала княгиня и с улыбкой победителя снова взглянула на поднимающийся ввысь собор, освещенный ярким летним солнцем.

Трафальгар

— Надеюсь, они сегодня получат достойный урок!

Адмирал Коллингвуд внимательно смотрел на огромный союзный флот, выстроившийся в три линии.

Первую и вторую, ближние к наступающему их английскому флоту, составляли испанцы и французы. А вот третья, выдвинувшаяся вперед, представляла собою главную угрозу. Русские паровые линкоры, вооруженные чудовищными «копьями сатаны», уже имели у британских моряков самую дурную репутацию.

— Сэр, русские «коптилки» ушли далеко! А их союзники явно отстают, вот бы сейчас дать им...

— Оставьте, баронет, никто не упрекнет русского адмирала, что имеет чудовищную для слуха фамилию Ушакофф, в трусости. Это какая-то задумка, азиатская хитрость!

Коллингвуд задумался — его эскадра, состоящая из 27 вымпелов, превосходила каждый из союзных флотов по отдельности, но все вместе они насчитывали вдвое больше кораблей баталии. Численного превосходства противника английский адмирал не опасался. Выучка и мастерство островитян должны были сыграть свою роль. В итоге битвы можно было не сомневаться, если бы не одно но...

— Что задумал русский адмирал?

Ситуация казалась Коллингвуду победной — навалиться по ветру, разорвать французскую линию, раздробив ее на множество отдельных схваток, и сразу же атаковать испанцев, внеся в бой сумятицу.

— Собачья свалка!

Да, именно так и не иначе. Адмирал улыбнулся — превратить сражение трех флотов во множество мелких схваток, где мощь британских кораблей, храбрость и отличная выучка команд принесут победу в каждом отдельно взятом бою.

Пока русские линкоры будут разворачиваться, убирая паруса, чтобы идти против ветра на паровых машинах, они потеряют время, а потому вряд ли рискнут со своими девятью вымпелами сражаться с победителем, имеющим вдвое больше кораблей.

Коллингвуд прикрыл глаза — именно так, убрав треть эскадры, он определил потери в будущей баталии, пусть мысленно, но такова была пристойная цена победы. Одно беспокоило адмирала — почему мелкие паровые суда русских не отошли к главной эскадре Ушакова, а держались в арьергарде у испанских линкоров Гравины.

Непонятно...

Однако британский адмирал быстро отринул опасения. Слишком слабо вооружены эти жалкие посудины, чтобы хоть как-то повлиять на бой линейных кораблей, этих морских крепостей, которые и являются настоящими владыками океана...

Новый Орлеан

— Алексей Петрович, генерал Моро убит!

Оглушающая новость в первую же секунду стряхнула с Ермолова остатки сна и вышвырнула из кровати — подполковник вот уже второй день, не уделяя ни минуты на отдых, работал над поставленной наместником Резановым задачей.

А тут такое!

— Кто это сделал, Семен Григорьевич?

Алеханов «ближник», матерый казачина богатырского телосложения, но умнящий и хитрый, что напрочь опровергало известную поговорку, виновато пожал плечами:

— А бес его знает! Трофим за дворцом смотрел, повозка там одна стояла. Наш генерал в открытой коляске ехал, вот с нее-то в него и рубанули в упор, с пяти стволов.

— Стрелков пятеро было?!

Обрывки сна окончательно выветрились из головы, подполковник машинально отер лицо рукавом помятого сюртука, чувствуя, как бешено заколотилось сердце в груди, и спросил с надеждой в чуть дрожащем от возбуждения голосе:

— Кого-нибудь взяли?

— Дык, Алексей Петрович, стрелок-то один всего и был, утек паскуда, ловок. И ночь,

вестимо...

— Ты же сказал, что из пяти стволов стреляли?!

— Так стволы те на вертлюге приспособлены были, как наш пулемет сделали. Токмо их на один заряд использовали.

— Митральеза, что ли?

Ермолов чуть скривился — французский аналог пулемета, под русский же патрон, совершенно не впечатлял и был, по сути, примитивным убожеством, но эффективным, по крайней мере, с генералом Моро вопрос был решен одним залпом.

— Французская-то правда, Алексей Петрович! — Казак насупился и засопел. — А только я эту штуку вблизи видел, стволы аглицкие, штуцерные, с дула заряжаются. Вот так-то! Не для войны штука, Алексей Петрович, а для убийства подлого!

— Дела-а-а! — только и смог протянуть Ермолов, понимая, что уже не уснет. Да и какой тут сон, когда в голове засела лишь одна мысль: кто из врагов поднял руку на французского генерала, чем помешал Второй консул республики неизвестным пока убийцам?!

Задав самому себе эти вопросы, Алексей Петрович похолодел. Ответ на них можно было найти, только полностью распутав это дело. Работа предстояла не просто тяжелая, а чудовищная!

Лондон

— Это катастрофа...

Уильям Питт, осунувшийся и постаревший на много лет за эти несколько кошмарных дней, с тяжелым усилием поднялся из-за стола. Осторожно потер ладонью середину груди — сердце невыносимо болело, сильно кололо в боку, и было отчего.

Новости приходили час от часу страшнее. Премьер-министр отчетливо понимал, что уже не в его силах изменить ситуацию. Русские побеждали самым невероятным образом, причем не с трудом и большой кровью, а с необычайной легкостью, которую представить было нельзя. И самое страшное, они имели намного более совершенное оружие в непостижимых разуму количествах.

Драться было бесполезно!

Мужество и живая человеческая плоть бессильны против устрашающего свинцового града, сметающего все живое!

Под Мэдстоуном была уничтожена вся британская армия, которую начали перебрасывать к побережью, чтобы сбросить захватчиков в Канал. А с ней погибли многие тысячи ополченцев, кто по зову долга поднялся защищать собственную страну. Все были убиты быстро и безжалостно, включая командующего, генерала Уэлсли, не успев нанести противнику хоть каких-нибудь ощутимых потерь.

— Это конец! — прошептал Питт, со всей пронзительной отчетливостью понимая, что страна обречена.

Французы и русские явились не для того, чтобы подписать почетный мир, а для уничтожения всей экономической и военной составляющей — верфи будут сожжены, заводы и мануфактуры разрушены, территория оккупирована, народ превращен в рабов или истреблен азиатскими ордами, что придут вслед за русскими войсками.

Нет, сопротивляться еще можно, даже собрать полумиллионную армию, англичане храбро встретят незваных гостей. Вот только вооружить их нечем, и ополченцы станут «пушечным мясом», разделив участь тех, кто погиб под Мэдстоуном. Тем более что прибывающие к Лондону подкрепления, что уже спешно отходят с разных уголков Острова, русские будут бить

по частям, при полной поддержке предателей, шотландских горцев, и подлых мятежных ирландских фениев.

— Сэр!

В кабинет чуть ли не вбежал секретарь, впервые за долгие годы потерявший выдержку. Но наткнувшись на свирепый взгляд Питта, опомнился и уже сдержанным голосом произнес:

— Русские броненосцы входят в Темзу, сэр!

Петергоф

Николай с улыбкой посмотрел на мать — та сильно постарела, но вот характер и властность совершенно не изменились. Императрица всегда и везде держала свои слабые пальцы в железной хватке. Даже Мария, дочь властолюбивого Алехана, притихла, осторожно поглядывая на свекровь. Ей хватило секунды, чтобы понять, кто будет реально заправлять делами.

— Дети мои! — с чуть уловимым немецким акцентом, от которого Като так и не избавилась, нараспев произнесла пожилая женщина, и, как показалось Николаю, взгляд ее немного потеплел.

Прибытие младшего сына, любимца, да еще с невесткой, очаровательной и красивой, чье приданое оценивалось в треть российского бюджета, да с внуком Петром не могло не растрогать Екатерину Алексеевну. Но всегда и везде она помнила о своем долге, и правительница постоянно брала верх над матерью и бабушкой.

— Дело в том, Коленька, что твой брат Александр из-за ранения не может дальше быть цесаревичем и принять на себя престол державы Российской со всей ответственностью...

Николай захотел воскликнуть насчет племянника Ивана, но промолчал, прекрасно понимая, что таких вопросов лучше матери не задавать. Императрица чуть улыбнулась краешками блеклых губ, моментально заметив и порыв, и в чем его суть.

— Саша с женой и сыном сейчас в Испании и вряд ли когда-нибудь оттуда приедут... Костик наш шалопай изрядный, быть базилевсом Византийским с него станется, но с империей Российской он не справится! Да и сына своей греческой принцессе подарить никак не может. Если так пойдет дальше, то она сама подарит наследника уже не ему!

Столь жестокий сарказм прорвался в словах матери, что Николай поежился. Зная ее характер, он не сомневался, что если греческая принцесса нарушит супружескую верность, то с ней могут обойтись предельно серьезно, и скосил взгляд на жену. Мария сидела без забот, делая вид, что совершенно не понимает, о чем идет разговор.

— Посему престол империи нашей государь-император, отец твой, решил передать тебе и твоей жене! Ибо вам двоим нести эту ношу перед народом и державой, и я сочувствую тебе, девонька...

Несмотря на нарочитую ласковость, тон императрицы говорил совершенно другое. Женщина даже властно сжала губы, показывая тем самым, что невестке не следует оболящаться.

— Обычно принцы женятся на принцессах, но твой брак, Николай, оказался удачным для государства. Даже представить трудно, что бы сейчас происходило в одном союзном нам государстве, если бы не твой брак всего лишь с княжной, Ники.

Императрица хмыкнула, глядя на растерявшегося Николая — тот никак не мог взять в толк, куда клонит мать. Мария продолжала сидеть с восторженно-глупым видом, хлопая ресницами, и императрица попыталась придавить ее тяжелым взглядом. Но, удивительное дело, сила неожиданно встретила силу, и Николай с великим изумлением наблюдал за немим поединком двух женщин.

— Так вот ты какая, дочь Алехана, — протянула Като. — Вся в отца. Тот таким же был... как и брат его...

Императрица тяжело вздохнула, видимо, вспомнила молодость лихих гвардейских красавцев, суматошную жизнь, безденежье, любовные интриги и необычайную жажду власти.

Годы прошли, и что осталось?

Однако мечтательность тут же пропала, словно ее и не было. Синева исчезла, и глаза приняли обычное выражение. Екатерина Алексеевна негромко произнесла:

— А ты что думаешь, девонька?

— Король Карл не имеет наследника, а посему племянник моего мужа Иван, сын донны Марии, инфанты Кастильской, имеет все права стать наследником престола, принцем Астурийским. А так как моя мать имела небольшую толику королевской крови, то наши правнуки уже могут заключить между собой брак. И это свяжет Россию и Испанию если не в единое государство, то в самый теснейший союз. Да и в недалеком будущем император Петр IV Николаевич и король Хуан Мария Алехандро, благодаря родственной крови, связавшей воедино два престола и две страны, вместе окажутся не по зубам любому врагу.

— Хм... Петер не ошибся в тебе, доченька, когда брак нашему Ники организовал с ненавязчивой помощью отца твоего, Царствие ему Небесное! Да и я в сем деле немало поучаствовала...

Влюбленные друг в друга молодые супруги вспыхнули яркими маками, припомнив подробности своей романтической истории, и, не выдержав, прыснули смехом.

— Ты, Ники, жену слушай. Поступай так, как решишь, но ее словам внимай, она дурного не посоветует. А пока иди, сынок, я со своей девочкой о делах женских переговорить должна. Зачем тебе глупую бабью болтовню слушать? Иди уж лучше...

Темза

— Лондон...

На лице контр-адмирала Алексея Грейга проступила хищная улыбка. В окуляры мощного бинокля он видел устье широкой реки с множеством корабельных мачт.

Но это были уже не военные корабли — все, кто желал сражаться, истреблены русскими броненосцами и паровыми линкорами Сенявина. И вот теперь три корабля под его командованием медленно и величаво, густо дымя трубами, шли к центру огромной колониальной державы.

— Наверное, мы успели первыми, — прошептал Грейг.

Моряк прекрасно знал, что в настоящий момент войска Суворова если не обложили английскую столицу с юга, то наверняка подходят к ее пригородам.

Старый фельдмаршал всегда славился стремительностью своих ударов и быстротой марша, а потому Грейг хотел первым ворваться во вражескую столицу, как семь лет тому назад в Константинополе.

И пусть под командованием было всего три корабля, но он не сомневался в их силе, хотя гибель «Яка» и тяжелые повреждения «Бизона» почти уполовинили мощь его отряда. Однако и того, что осталось, хватило бы любому противнику за глаза: противостоять 68-фунтовым бомбическим пушкам не мог ни один деревянный корабль в принципе.

— Ваше превосходительство, смотрите! — Взволнованный голос капитана первого ранга Римского-Корсакова, что было непохоже на этого хладнокровного офицера, привлек внимание Грейга, который рассматривал видневшиеся вдалеке здания огромного города и знаменитую башню Биг-Бен. Тон командира флагмана был необычен, в нем просквозили такие нотки, что

Грейг немедленно перешел на другую сторону рубки и посмотрел в широкую прорезь.

— А это что за чудо-юдо?!

Адмирал не скрывал удивления — наперерез русским броненосцам выдвигался корабль, очень похожий на исхудавшего «Кабана» — такой же большой сарай, только с одной трубой, из которой валил черный дым.

— Я думаю, ваше превосходительство, это и есть их первый броненосец — «Дредноут»!

В голосе Римского-Корсакова прозвучало легкое презрение, что заставило Грейга поморщиться. Адмирал очень серьезно относился к любому противнику, а потому сразу заметил, что вражеский корабль чуть «рыскает», а это говорило о плохой управляемости. Борт на добрые полфута меньше, чем на «Секаче», а значит, мореходность никудашная, только для спокойной воды. Да и «главный довод королей» был на «англичанине» не столь убедителен, как на русских броненосцах: из портов бронированного каземата торчало такое же количество стволов, но калибр не столь серьезный, 40–48 фунтов, никак не больше.

— Господа! — негромко произнес Грейг. — Сейчас будет бой с броненосцем противника. Передать по отряду — «бить по оконечностям». Я думаю, одно или два удачных попадания решат судьбу этой схватки!

Трафальгар

Это была победа!

Коллингвуд невозмутимо, как и подобает природному британскому аристократу, взирал со шканцев «Виктории» на сражение, хотя увидеть всю баталию, развернувшуюся на огромной площади океана, было трудновато даже с помощью подзорной трубы. Слишком перемешались английские, французские, испанские корабли между собой. Да и огромные пороховые клубы все окутывали так, что разглядеть удавалось только урывками, дожидаясь, пока ветер развеет белую пелену. Но то были считанные мгновения, ибо бортовые залпы кораблей следовали почти непрерывно.

Старый морской волк умел чувствовать сражение, как никто другой. А пальбу из пушек различал так же быстро, как маститый музыкант фальшивую ноту.

— Бум! Бум!

То тяжелые ядра британских линкоров долбили корпуса вражеских кораблей со спокойной методичностью и уверенностью опытного молотобойца, что на своей кузнице где-нибудь в Шеффилде, бил по наковальне.

— Шумс! Шумс!

Французы, наоборот, пытались лишить британские корабли рангоута, пуская в ход русские «веера», или книппеля. Испанцы же выбрали середину, пытались поражать как оснастку, так и орудийные деки.

Но бой союзники явно проигрывали!

В редкие минуты приемлемой видимости Коллингвуд видел, как тонут их корабли, как с ужасающим грохотом взорвался французский линкор кордебаталии. И более того, уже несколько кораблей союзников стали трофеями, будучи взятыми на абордаж, а еще два, не выдержав убийственных залпов в упор, спустили флаги.

— Швамс!!

Незнакомый звук привлек внимание адмирала Он был очень необычный, слишком сильный даже для тяжелых бомбических русских пушек, но слабый для взрыва крюйт-камеры. Адмирал впился взглядом в белые клубы, точно поймав направление звука. И словно отзываясь на его мысли, порыв ветра отнес клубы порохового дыма — как раз его «Виктория» угостила полным

залпом испанский флагман.

— Мой бог, сэр! Посмотрите, это «Азенкур»!

У борта 72-пушечного линкора, почти разломанного на две части, оседало сразу два пенистых султана. Коллингвуд похолодел. Выжившие в бою у Копенгагена моряки слишком много рассказывали о дьявольском изобретении русских.

— «Копье сатаны»... — ошеломленно пробормотал адмирал и в эту секунду увидел русский корабль — небольшой корвет спрятался за бортом французского линкора, явно готовясь к новой атаке. — Тысяча мертвецов в сундук старого Дэвиса!!! Как только наш и испанец обменяются залпами, эта подлая сука выскочит и поразит своим «копьем» «Агамемнон»! Проклятье!

— Сэр, посмотрите! — Флаг-офицер силой обернул Коллингвуда, и адмирал, не в силах поверить собственным глазам, на несколько секунд впал в прострацию.

Из-за огромного корпуса «Синтисима Тринидада» выскочил точно такой же корвет и устремился к «Виктории», стараясь подойти к ней как можно ближе.

Русский капитан выбрал самый удачный момент для атаки. Английские матросы с бешеной энергией перезаряжали орудия, но старый адмирал понял, что его стопушечный линкор уже погиб, ибо не успеет дать залп.

«Русский адмирал коварен, как Аттила! Ну что ж, надеюсь, в будущем лорды Адмиралтейства найдут на него управу!» — Мысль пронеслась быстро, и тут Коллингвуд увидел, как на борту корвета вспухли два пороховых клубка и пара длинных «копий» устремились по воде к его флагману, оставляя на поверхности длинный пузырчатый след...

Ново-Мангазейский острог

Аляскинский губернатор Григорий Иванович Шелихов стоял на берегу, пристально глядя на kloкочущие внизу, сварливо бьющиеся об огромные камни волны белопенного прибоя.

— Двадцать пять лет... — тихо прошептали губы уже немолодого мужчины.

Перед глазами промелькнули детство и грязные улочки полузабытого провинциального Рыльска. А потом могучая рука императора сорвала его с родного места и закинула за тридевять земель, где он провел уже четверть века.

Нет, грех жаловаться на карьеру!

За труды праведные Петром Федоровичем обласкан он щедро и царскими наградами не обижен. Действительным статским советником сын простого торговца стал. Мундир золотом расшит, особый, таковой вообще семь десятков людей носить могут, по числу губерний державы Российской. И к ордену Святой Анны первого класса, что со звездой и кавалерской лентой награждается, мечи получил за то, что отстоял острог от аглицких воров и сам в том ночном бою рану получил.

В семье все хорошо, одна радость на душе. Дочерей за хороших людей пристроил, а любимица так вообще замужем за немецким бароном, что перед фамилией особую приставку «фон» имеет. Добрыми внучатами Господь его наградил, познавши счастье супружеское и отцовское. Пора бы о спокойной старости подумать, но в голову эти мысли не приходили, там всегда царило совсем иное...

Шелихов с улыбкой, немного печальной, посмотрел на острог, главное детище его жизни, дело ума и рук. Разрослась в стороны Новая Мангазея, целых пять тысяч нового населения, вдвое больше, чем на Юконе и в Петровской гавани, вместе взятых.

Губернатор тяжело вздохнул — всего лишь три города, вернее городка, на огромную губернию, да сел несколько, все остальное инородческие стойбища. И населения мало, хоть

плачь, всего восемь тысяч русских, и вместе с другими европейцами, включая каторжников, да аборигенов полсотни тысяч по последней переписи проживало.

Разве можно, скажите на милость, при таком малолюдстве огромный край совершенно преобразить?!

— Ваше превосходительство, паруса!

Выкрик секретаря сразу привлек внимание, и губернатор стал вглядываться в свинцовую гладь моря. Там он вскоре заметил, как вдалеке медленно скользит белое пятнышко. Сердце заколотилось в груди, застучало, выбивая бешеный ритм.

— А ведь это судьба! — прошептал губернатор.

Он с утра не находил себе места. Все сыпалось из рук — жена даже пошутила по поводу такой неуклюжести, сказала, что «то к перемене погоды».

— Не погоды, а места... — Мысль пришла неожиданно, и Шелихов ее тихо озвучил. По какому-то наитию он сейчас полностью уверился, что именно прибытие этого корабля принесет ему долгожданные вести...

Мэдстоун

— Ваше величество, в яму уложили свыше пятнадцати тысяч англичан, а отдельно похоронили триста русских солдат и офицеров. Царствие им Небесное, воинам Христовым! — Протоиерей перекрестился, осенил себя крестом и Петр. Он только что приехал, когда отпевание уже произошло, и только слышал гром пушечного салюта, когда подъезжал к Мэдстоуну.

Несколько сотен горожан с самым мрачным видом стояли перед ним, сбившись в большую толпу. Именно они всю ночь и утро хоронили убитых, а посему находились в настроении паршивом.

Дав коню шенкеля, Петр подъехал к обывателям, что смотрели на него с нескрываемой ненавистью: еще бы, захватчик, солдаты которого уничтожили столь много соотечественников.

Император жестко улыбнулся. Этот волчий взгляд он уже много раз видел, но в конце концов даже самые упертые могли превратиться в зайцев, достаточно было приложить к этому определенные усилия.

Даже свирепые кавказские горцы, почувствовав на себе тяжелую руку Империи, смирились в конце концов, ибо если народы и следуют праву талиона, то ни один из них, даже самый «отмороженный», не станет платить ста жизнями за одну, слишком неравноценный получается обмен и слишком тягостное впечатление он производит на людей.

Так и эти добропорядочные английские горожане, с честью похоронив солдат своего короля, не могли не подсчитать, сколько те смогли убить русских, — числа оказались шокирующими. В глазах за тонким слоем ненависти Петр явственно видел тщательно скрываемый ужас.

— Господа, — обратился он к горожанам, — я ничего не имею против вашего короля, но его министры пытались убить подло меня и мою семью! Я пришел сюда воевать не с народом, я пришел требовать одной только справедливости, которой славится ваша страна! У вас есть суд и закон, почему вы не осудите тех, кто посягнул на меня и моих детей, наняв убийц и заплатив им золотом за это злодеяние? Они смогли украсть у меня внука, мальчика двух лет, истязали его на глазах у матери, моей невестки! Это разве честно, по-христиански, я вас спрашиваю?!

Толпа ахнула, многие побледнели и даже сочувственно смотрели. Его слова, а Петр это видел, на них подействовали. Население островов послушное в большей массе, и потому такое объяснение войны они восприняли как должное. Петр это видел по глазам, в них так и читалось:

если дело только за этим, ваше величество, так мы таких злодеев, посягнувших даже на детей, защищать не будем!

Петр указал рукою на братскую могилу, огромный холм которой вырос около самого города:

— Война мне не нужна! Не нужна она и вам! Я скорблю вместе с вами, ибо в этой могиле лежат не только ваши соотечественники, но и мои солдаты. И перед Божьим судом они предстанут не врагами, а жертвами! Зачем нам воевать? Сколько вы отдадите жизней, прежде чем убьете последнего моего солдата?! У нас их пятьсот тысяч...

Цифра ошарашила собравшихся, многие призадумались, что-то подсчитывая, загибая пальцы и нашептывая друг другу. Спустя каких-то пять минут вся толпа смотрела на него с ужасом, многие не пытались скрыть охватившую их дрожь.

«Что вы хотели, господа? Один к пятидесяти! Чтобы победить нас, вам потребуется пятнадцатимиллионная армия. А столько вас всех наберется вместе со стариками, женщинами и детьми? Я не погорячился насчет полумиллиона, именно столько есть во всей Антанте, правда, включая колониальные владения. Так что, господа, как вы видите, ненависть не поможет. Вас просто уничтожат! Потому нужно мириться!»

Петр с улыбкой смотрел, как англичане неожиданно стали кричать ему те же слова, над которыми он думал, — островитяне явно не желали войны. Момент был удобный, и он повернулся к Аракчееву:

— Раздайте людям мой манифест, и пусть они идут с ним в Лондон. — И уже громким голосом обратился к толпе: — Идите в столицу! Расскажите всем жителям о том, что видели здесь! Раздайте людям мои манифесты, и я даю слово вам всем, Слово Чести, что если Англия загладит вину некоторых своих неразумных или подлых министров, что нарушили законы божеские и людские, то я не стану наказывать все население! И отнесусь благородно ко всем людям, населяющим эту страну!

Горожане посветлели лицами — многие брали сразу по несколько бумажек, которые солдаты раздавали пачками. Некоторые успевали быстро прочитать текст и теперь с надеждой взирали на русского императора, что сидел на коне с печальным лицом. Но Петр не кривил душой, он действительно хотел проявить благородство к самому злейшему врагу России, хотя раньше желал предать Англию огню и мечу...

Петр посмотрел на солдат и офицеров в странных для европейцев одеяниях. Мундир вроде военный, с погонами, а вот вместо штанов надето нечто похожее на юбку, из-под которой торчат голые волосатые голени: ничего не поделаешь, таков килт, национальная шотландская одежда.

— Вы хорошо сражались, господа, — обратился он к шотландцам, — и оказали русским большую помощь, ударив по англичанам!

— Это наши враги, ваше величество! — единственный старший офицер, майор, изобразил легкий поклон. — А потому мы не могли не оказать помощи их врагам!

Логика была железной. Петр с интересом взглянул на седоусого шотландца. Тот глаз не отвел — горец явно не чувствовал себя предателем, видно, слишком сложными были взаимоотношения между двумя островными народами и много пролито крови в долгой междоусобной войне.

— Враг моего врага может быть другом! Я предлагаю вам дружбу России, господа, и свободу от англичан!

Петр подошел к шотландцам вплотную и, смотря прямо в глаза, добавил самым внушительным голосом, которым только мог говорить:

— Пролитая нами совместно кровь связала русских и шотландцев! Сейчас мои подданные,

хайлендеры по происхождению — их предки бежали в старину от английских репрессий в Россию, — ведут отчаянную борьбу, помогая вашему народу утвердить за собой весь север, от реки Твид начинающийся! Хватит саксам быть господами этого острова, вы, шотландцы, валлийцы и ирландцы, настоящие хозяева этой страны. И мы с французами вас поддержим в этой справедливой борьбе!

Шотландцы оживились, на их лицах через маску ледяного хладнокровия проступило ликование. И Петр решил закрепить успех, понимая, что его слова сейчас шотландцы лучше всего запомнят:

— Ваши соотечественники, в том числе и те, что являются потомками династии Брюсов, вашего древнего королевского рода, приехали из России, чтобы сражаться за свободу Шотландии. Теперь вы сами решите свою судьбу и выберете достойного короля!

— Благодарим от всего сердца, ваше величество!

Шотландцы дружно опустили перед ним на одно колено и склонили головы. Петр понял, что его слова гордые горцы не просто усвоили, но и близко приняли к сердцу.

Темза

— Да что у него за «шкура»?!

Вице-адмирал Сенявин не скрывал своего удивления, прижимая к глазам мощный морской бинокль. Сражение между броненосцами в устье Темзы приняло затяжной характер, причем один из русских кораблей уже вышел из схватки, напоминая пресловутую «собачью свалку», и буквально пополз к берегу. Две трубы его были сбиты, и черный дым, вырывающийся из оставшихся огрызков, полностью окутывал каземат.

Адмирал представил, как внутри от угара задыхаются моряки, и мысленно им посочувствовал.

— Зело крепок, Дмитрий Михайлович, супостат!

Капитан первого ранга Астафьев стоял рядом с адмиралом и, как многие другие русские офицеры и матросы, внимательно наблюдал за ходом поединка. Весьма занимательным было зрелище — противники не могли нанести друг другу урона, все хорошо видели, как ядра отлетают от брони, будто горох от стены. «Шкура» кораблей оказалась непрогрызаема острыми клыками тяжелых пушек.

Дело принимало скверный и затяжной оборот.

Не выдержав, адмирал Сенявин решил помочь кораблям Грейга, которые, оставшись вдвоем, начали маневрировать очень хаотично, явно разуверившись в собственных силах. Вести паровые линкоры в бой было бы равно безумию, самоубийство в чистом виде, а потому Дмитрий Михайлович принял иное решение:

— Поднять сигнал миноносцам! Атаковать торпедами в промежутке между залпами!

Расчет, как искренне надеялся вице-адмирал, мог оказаться правильным. Броня русских кораблей защитит миноносцы от огня противника, а когда англичане станут перезаряжать пушки, можно будет совершить пуск торпеды в упор.

Адмирал посмотрел чуть в сторону. Три «кошки» Лисянского густо задымили трубами и устремились вперед. Командор явно решил перестраховаться — теперь даже если «Дредноуту» повезет и он сумеет отбиться от атаки даже двух кораблей, то третий неизбежно его прикончит.

— Ур-ра!!! — Ликующий крик пронесся над палубами русских линкоров, и Сенявин, резко повернувшись, успел заметить удивительное, радующее душу зрелище — британский броненосец клюнул носом, было видно, что броневая плита отвалилась и в пробоину устремилась вода. Но так как «Дредноут» продолжал идти вперед, трагедия заняла всего

несколько секунд.

Нос корабля быстро ушел под воду, и бронированный монстр свалился на борт и тут же стремительно погрузился в темные воды Темзы. Через секунду раздался взрыв, донесшийся до русских кораблей, и большой султан воды взметнулся над рекой.

— Котел взорвался... — спокойно резюмировал Сенявин, представив на секунду, как в раскаленную топку хлынула вода, и поежился, при этом мысленно посочувствовав англичанам. Хотя и враги, но сражались героически и не заслуживали такой смерти.

Но тут же его мысли приняли совсем другое направление — если главный запор на воротах разбит, то следует без промедления врываться в столицу. Даже если на берегу выставили батареи, броненосцы быстро превратят их в развалины.

Так что мешкать было нельзя!

Владивосток

— Хрен вам на рыло, косоглазенькие! На чужой каравай свой роток не разевай... А то зубы выбьем!

Сидящий за столом высокий мужчина с широкими плечами задумчиво потер лоб и гневно сверкнул единственным глазом. Огромные кулаки, перевитые венами, словно говорили о жгучем желании их обладателя поскорее пустить в ход сии весомые в любой дискуссии аргументы.

Прибытие делегации из Пекина несколько озадачило всесильного приамурского наместника, особенно те наглые притязания, которые выдвинули китайцы по поводу русских поселений на правом берегу Амура. В другое время Григорий Александрович выгнал бы незваных похитителей пинками, но сейчас, получив приятные известия из Петербурга, пребывал в самом благодушном настроении.

— Баба с воза — кобыле легче!

Светлейший князь Потемкин-Амурский на зависть многим боцманматам выругался, облегчив душу «кудрявым» словом, что запомнил, общаясь с флотскими боцманами.

Камчатка давно была его головной болью. Удаленный от устья Амура край постоянно требовал ресурсов, которых в Приамурье и без того было мало. Да и доставка из России, через всю Сибирь, влетала в очень большую копеечку. Средств постоянно не хватало, несмотря на богатейшие золотые прииски Витима и Буреи.

Впрочем, светлейший князь немного лукавил, спихнув Камчатку и северные Курильские острова в новообразованное наместничество Шелихова. Южные Курилы и Охотск тем не менее Потемкин-Амурский оставил в своем ведении.

К первым от Сахалина плыть всего ничего, по тихоокеанским, конечно, меркам, а к Охотску давно налажено каботажное плавание от Николаевска-на-Амуре, тем более что севернее Охотска, на реке Колыме, открылись золотые прииски, сулящие немалую выгоду казне.

— Вот так и надо, так и надо!

Гигант прошелся по комнате, радостно потирая руки. Сейчас он мог признаться самому себе — борьба с чукчами истрепала ему больше нервов, чем пиратские экспедиции англичан, бесконечные стычки с японскими самураями на Хоккайдо и отправка эскадры в Индию, причем все вместе взятое. Северные аборигены оказались чрезвычайно воинственным народцем, воевать же всерьез за бесплодные земли было откровенным безумием — вот и тянулась вражда, то разгораясь, то затихая.

Но сейчас ситуация кардинально изменилась. Доставка грузов в Русскую Америку

военными кораблями и транспортами втрое дешевле, чем сухим путем через всю Сибирь. Так что создание нового наместничества он не просто одобрял, но и был готов оказать всяческую помощь, за исключением одного — людей.

Несмотря на все принятые меры, населения в Приамурском крае крайне мало, всего каких-то триста тысяч русских на столь огромную территорию. И денег наместник не дал бы, прекрасно зная, что в Калифорнии и на Клондайке добывают золота на порядок больше.

— Пусть так и будет!

Потемкин легко поднялся со стула. Груз прожитых лет совершенно не давил этого крепкого и сильного человека, а перенесенные лишения еще более закалили. Григорий Александрович всем сердцем полюбил этот край, что с великими трудами был присоединен к России, а потому ни пяди земли южным соседям отдавать был не намерен...

Петровская гавань

— Дома...

Разве мог десять лет назад Иван Федорович, впервые увидевший этот суровый, негостеприимный край, посчитать, что в будущем он станет его родным пристанищем, уютной гаванью, столь дорогой и близкой для каждого моряка, к которой он буквально прикипел всем своим сердцем, чувствуя постоянный зов души!

Шлюпка ходко шла по волне, дюжие матросы со всей силы налегали на весла, но Крузенштерну казалось, что набережная, усыпанная разноцветными одеяниями встречающих горожан, приближается очень медленно, словно дюйм за дюймом вытягивают якорный канат. Глаза моряка буквально ощупывали столпившихся людей, отыскивая ту единственную, к которой он стремился, прикипев всем естеством.

— Не может быть! — прошептал капитан. Чуть в стороне, на большом камне, возвышалась она, его любимая жена. Дочери, подросшие, стояли рядышком, уцепившись за юбку матери, а на руках супруги был ребенок. Иван Федорович прикусил губу так, что почувствовал, как по подбородку потекла горячая кровь.

Отплывая два года назад от родных берегов острова Кадык, он не знал, что его жена в тягости, и теперь всем сердцем желал, чтобы у него в семье оказался долгожданный сын. Ведь род должен же кто-то продолжать, об этом болит сердце каждого мужчины. На секунду в голову проникла крамольная мысль, но моряк ее быстро отогнал, ведь дочь тоже родная кровиночка и также будет греть сердце отца.

— Навались! Шибче, шибче! — Боцман, также сгоравший от нетерпения, желающий увидеть свою семью, подгонял матросов. Но те и так торопились, ведь нет ничего слаще для моряка, как после многомесячного плавания ступить ногами на твердую и родную землю.

Шлюпка ткнулась в камни, и Крузенштерн, не в силах больше ждать, шагнул за борт в белую пену прибоя. Волна окатила его до пояса, но офицер не чувствовал холода, яростно пробиваясь к берегу. Его подхватили за руки, но он не слышал ни ликующих криков, ни пожатия дружеских рук и, как журавль на прямых ногах, устремился к супруге.

— Сын у тебя, Феденька! Прошлой весной, на самую Пасху родился. В честь дедушки назвали!

Иван Федорович схватил мальчика, испуганно захлопавшего глазами, приняв отца за чужого дядю, и крепко прижал к своей широкой груди, замерев от счастья. Неожиданно ребенок громко заплакал, жена немедленно выхватила наследника из его рук.

— Уколотся личиком! Ой, да у тебя Владимир с мечами на шее?! Милый мой, родной!

Крузенштерн немного сконфузился и возгордился — радость жены была искренней, ведь с

каждым боевым орденом крепко положение не только офицера, но и его супруги. Вот только одно обстоятельство оказалось неприятным — покрытый красной эмалью шейный крест ордена, почти генеральская награда, дарованный ему за индийскую экспедицию, украсился алой каплей детской крови.

— Ничего! Моряком будет, фрегатом командовать... Раз в столь юном возрасте кровь за Отечество пролил... — несколько сконфуженно пробормотал Иван Федорович и, чуть присев, сграбастал в объятия все свое семейство. — Здравствуйте, на много лет! Как же я соскучился за эти долгие годы...

Милые вы мои, родные...

Твид

— Ничего не понимаю... — Михаил Богданович мог только недоуменно пожимать плечами. Британские солдаты, в своих красных мундирах похожие на вареных раков, отступали явно по приказу, торопливо свертывая лагерь и строясь в походные колонны. Вот это и стало причиной недоумения.

Неужели после небольшой стычки на англичан так подействовали пулеметы и ружья? Непохоже! Ведь жители островов всегда славились своим упрямством. Да и сил они стянули к реке намного больше, чем наспех собранное шотландское ополчение — плохо вооруженное, отвратительно обученное и недисциплинированное, но отчаянно храброе, воинственное и предприимчивое!

— Мой генерал! — Прискакавший майор Патрик Гордон едва сдерживал улыбку на лице. — Любители свинины получили крайне неприятное известие из Лондона! На их южное побережье высадились русские войска с самим императором Петром, с ними и французы генерала Гоша — союзники идут быстрым маршем на столицу!

В словах Гордона прозвучал восторг перед русскими и нескрываемая симпатия к галлам. Шотландцы, много лет воюющие против Англии, всегда получали поддержку из Франции, и одно время, при короле Людовике XI, они составляли наиболее боеспособную часть королевской армии, знаменитую Шотландскую гвардию, что воевала против англичан.

— Это бесполезно, Патрик! — Барклай де Толли улыбнулся. — Союзники высадили двухсоттысячную армию, англичане же имеют вдвое меньше обученных солдат, к тому же растасканных по всему острову и еще воюющих в Ирландии. Видите вон тех вояк? — Барклай поднял руку и указательным пальцем ткнул на уходящие английские колонны — шотландские офицеры дружно повернули взгляды вслед за генеральской десницей. — Они не сразились с нами здесь, но их помощь уже запоздала там! И так везде, от Ирландии до Уэльса! Видите ли, майор, главный принцип стратегии — концентрация всех сил для одного удара. Русскому командованию удалось это сделать, англичане же просчитались, уповая на то, что флот не допустит высадки. Слишком долго они были в плену собственных убеждений. Раз русские и французы высадились, то и стратегия английского флота оказалась ошибочной.

Барклай говорил тихо, но настолько интересно, что стоящие рядом с ним шотландцы затаили дыхание, стараясь лучше понять каждое слово командующего, еще плохо говорящего на гэльском наречии.

— Их флот старался быть сильным везде, от Китая до Вест-Индии, а это невозможно, ибо коалиция намного сильнее. Кордонная стратегия обречена — распылив флот по морям, они сами позволили произвести высадку, а разбросав всю армию, не имели надежной силы, чтобы скинуть неприятеля в пролив. Но это их ошибки, господа, которые послужили нам во благо! Главное, не сделать такие в будущем, чтобы потом не посыпать голову пеплом. А теперь нам

нужно преследовать англичан и перейти Твид. Пусть они на своей собственной шкуре испытают все прелести войны!

Лица всех без исключения шотландских офицеров выразили хищные улыбки. То была привычная для них война — ибо горцы отождествляли ее с добычей. И ничего уж тут не поделаешь, слишком бедны и голодны здешние края, покрытые скалистыми горами.

Ново-Мангазейский острог

На широком столе лежал свернутый трубочкой лист бумаги с разломанной сургучной печатью. Царское послание было не повелением, не указом, а просьбой, да-да, именно просьбой, обращенной лично к нему, губернатору Аляски.

Шелихов тяжело поднялся со стула и подошел к огромной карте, висящей на стене. Находящаяся под его попечением территория протянулась на запад, выбросив длинный рог Алеутских островов, навстречу также вытягивалась Чукотка, а Камчатка сползала к югу, будто щит, выставленный против алеутского кинжала.

В некотором смущении Григорий Иванович посмотрел вправо. Огромное пространство Канады было разрезано на три неравных части. Самая маленькая, провинция Квебек, отошла к Франции, наиболее богатую среднюю часть нагло оторвали Северо-Американские Соединенные Штаты, а России досталась вся западная часть, пусть огромная, но совершенно безлюдная и мрачная. Только у Тихого океана стояли город Ново-Архангельск да обжитые русскими острова Ситкинского архипелага.

— Что ж вам сказать, ваше императорское величество, — тихо произнес губернатор, бережно подняв царское послание, — если требует держава Российская, то какой может быть отдых?!

Шелихов тяжело вздохнул. Как никто другой, он отчетливо представлял, какую ношу сейчас добровольно взваливает на свои плечи. Но и честь велика — быть наместником Канадским и Камчатским. И пусть пока у него всего три губернии, но зато на той территории, что идет к востоку, можно втиснуть еще добрую полудюжину, причем весьма солидных размеров, куда там Европе!

— Вот только подданных, ваше императорское величество, у вас здесь почти нет! — губернатор усмехнулся.

Бескрайняя тайга, горы, ледяные пустыни — вот новые земли, на которых изредка можно встретить индейские стойбища и очень часто голодных и сильных, а оттого вдвое свирепых медведей-гризли.

Работа предстояла тяжелая, адская! Не просто заселить пустоши, но и сделать их пригодными для жилья, и не на один год, а на целые столетия.

— Это будет самый лучший памятник! Великое время и свершений требует великих!

Шелихов снова посмотрел на императорское послание, взял его в руки и, почтительно поцеловав подпись, бережно положил гербовую бумагу в серебряный ларец.

Трафальгар

Вице-адмирал Фредерико Гравина в прожженном мундире, потерявшем много золотой мишуры, молча стоял на палубе, с тоской взирая на остатки следующей за флагманом эскадры.

Поход в Ла-Манш не состоялся, слишком великими оказались потери, а оставшиеся в строю корабли получили более чем серьезные повреждения.

За флагманом тянулся с десятков линкоров, ровно половина из тех, что ранним утром вышли

из Кадиса, — остальные британцы либо пожгли, либо потопили. Правда, два корабля англичане увели, и потому Гравина напряженно вглядывался в темнеющее небо, гадая, удалось ли русским отбить незадачливых друзей из плена.

Но где-то в глубине души испанский адмирал откровенно радовался, что его эскадра легко отделилась. Союзники по северную сторону Пиренеев пострадали куда больше, у них погибло две трети кораблей и был в бою убит адмирал Вильнев.

— «Киев», мон альмиранте! — флаг-офицер с радостной улыбкой возбужденно размахивал руками. Приближающийся корабль с убранными парусами, но с жирно коптящей трубой испанские матросы встретили с ликованием, крича во все горло:

— Руссос, руссос маринеро!

С флагмана адмирала Ушакова матросы тоже активно размахивали руками и бескозырками, офицеры взяли под козырек, а на стеньге трепыхались сигнальные флаги.

— Адмирал восхищен доблестью наших моряков!

Один из штурманов быстро разобрал сигнал, но Гравина собрал губы в подобие улыбки.

Сейчас он завидовал дьявольской прозорливости русского флотоводца. Это додуматься надо — заранее сделать так, чтобы смешать линейное сражение в какую-то свалку, заставить англичан сражаться в десятках поединков и атаковать их торпедами из-за дыма, прикрываясь от обстрела кораблями союзников!

Гравина немного коробило от такой тактики, ибо пострадавшим являлся он, но не признать ее эффективности адмирал не мог. Потеряв всего один корабль, причем мелкий, русские потопили два десятка британских, и это при том, что французы с испанцами понесли в бою с британцами точно такие же потери, но в совершенно обратной пропорции.

Можно было сказать, что сражение на море закончилось с ничейным результатом. Противники разменяли корабли один к одному. Но так как союзники имели двойное превосходство, то английский флот полностью растаял, как кусок тростникового сахара в горячем вине.

— Русский флагман снова поднял сигнал, мон альмиранте, — вам предлагают явиться на «Киев»!

...Гравина с удивлением смотрел на палубу русского линкора. Он не видел ни малейших следов повреждений, а это вызывало удивление — либо русские умело отремонтировали корабль, либо англичане в него просто не попали. Но ведь он своими собственными глазами видел, как на «Киеве» разгорался пожар, как дымило на баке и как русский флагман дважды торпедировал вражеские линкоры. Но эти вопросы задавать испанец не стал, понимая, что ответы будут не в его пользу.

— Адмирал, вы можете вести объединенную эскадру в Кадис. Корабли нуждаются в ремонте. Русская эскадра пойдет на Гибралтар.

— Но, мон альмиранте, как же Ла-Манш?!

Гравина растерялся, ведь буквально утром Ушаков говорил совершенно иное — флот должен прорываться с боем любой ценой и идти в Канал, невзирая на полученные повреждения.

— Это было тайной, дон Фредерико, — ваши парусные корабли не нужны в Ла-Манше, там наши броненосцы и датско-шведский флот. А ваши с Вильневым эскадры могли разделить судьбу злосчастной «Непобедимой армады». Сами видите, что произошло...

Гравина содрогнулся — удар был слишком силен для его самолюбия. Он бы оскорбился, но русский адмирал говорил совершенно серьезно и не скрывал печали и скорби:

— А так англичане в ужасе бегут, зная, что их преследуют русские паровые линкоры. Теперь об этом знают на всех их кораблях даже последние юнги. Представляете, что будет в Англии, адмирал, когда там все узнают о том, что их флот сам, в свою очередь, разделит судьбу

«Непобедимой армады»?! А вторым ударом для них последует взятие Гибралтара.

— Мон альмиранте, позвольте, я пойду с вами, а эскадры в Кадис отведет младший флагман. О, я давно хочу взглянуть на Гибралтар собственными глазами!

Гравина лукавил — он хотел стать первым испанским адмиралом, что вступил ногой на возвращенный Испании мыс...

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

1 июля 1804 года

Лондон

Вьюга мела белые хлопья, кружила мусор в баках, захлестывала провода. Петр молча шел по заснеженному тротуару, ощущая, как зябнут ноги в осенних туфлях, да и руки уже прихватило морозцем. Тонкие перчатки надеты были больше для форса, чем для тепла.

— Вот это и есть то самое место! — тихо пробормотал Петр, глядя на старинную створчатую арку, ведущую в глубь знакомой подворотни. — Да, все правильно, я пришел вовремя.

Сейчас он туда пойдет и увидит двух гопников, что пытаются ограбить женщину. И пойдет не ради ее спасения, а для того, чтобы задать один-единственный вопрос — зачем?

Для чего потребовалось переносить его более чем на два века в прошлое, кому это потребовалось?

Петр расстегнул куртку, готовясь к драке, снял перчатки и засунул в карман. Но тут его пальцы неожиданно уткнулись в холодный, показавшийся ледяным, металлический эфес шпаги.

— Опа-на! — вслух удивился Петр и потянул клинок из ножен. Сталь сверкнула в бледном свете луны и хищно уставилась в темноту острием, словно требовала крови.

— За тебя, подруга, мне срок нехилый отвесят. — Петр пожал плечами. — Здесь ношение подобных предметов законом не дозволено.

«Только на задницу проблем намотаю!» Петр с сожалением вздохнул, убрал клинок в ножны и, недолго думая, подошел к лавке, занесенной мусором, — первая примета наступившего капиталистического дня или абсолютной безалаберности, пришедшей на волне «бюрократии и либерализма», а точнее всеобщего наплевательства.

Он наклонился, положил ножны со шпагой под лавку и сдвинул ногой на нее снег, маскируя оружие — мало ли кто найдет. Немного постоял, похрустев кулаками, тоже весьма доходчивый аргумент в предстоящей баталии с нарушителями законности.

— Спасать меня решил, парень?

В женском голосе явственно звучала насмешка, но Петр сделал вид, что ее не понял, демонстративно медленно поворачиваясь к ведьме, и молча уставился на нее, продолжая сжимать кулаки. Та не обратила внимания на угрожающую позу и присела на лавку, предварительно убрав снег варешкой: то же затрапезное пальто с облезлым воротником, дешевая сумочка, тусклый вид — нормальный советский облик.

— Да вот, поговорить с тобой захотел! Думаю, ты бы и без меня спаслась! С твоими талантами ты кому угодно голову заморочишь...

— Ты так уверен?

Она улыбнулась, но не натянуто, вполне доброжелательно, совершенно игнорируя вызывающий тон Петра.

— Перестань! Незачем словами играть. Ты — это ты, я — это я, и не надо меня в какие-то игры впутывать.

— Ты так уверен, что я тебя впутываю? А ты не думаешь, что я только выполнила твое желание?

— Я тебя не просил отправлять меня в прошлое!

— Зато ты об этом постоянно думал! — уже строгим голосом ответила женщина и чуть

повернула голову, встретившись взглядом с Петром. У нее были большие пронзительные глаза с каким-то внутренним блеском, что на секунду напомнили ему старика. А потому он тушевался, понимая, что говорить с позиции силы с ней нельзя, но вертевшийся на языке вопрос повторил таким же угрюмым голосом и более настойчиво:

— Зачем ты это сделала?

— Смени пластинку!

В ее голосе прорезался одесский жаргон. Петр моментально встопорщился, чувствуя, как в груди начинает закипать злость:

— Ты че бакланишь?!

— Фи, царь-батюшка на феню перешел!

Женщина улыбнулась, но на этот раз ласково, как мать, и, неожиданно нежно обхватив его за плечи, прижала к себе, поцеловав в лоб. У нее были такие горячие губы, что из Петра моментально ушел холод и возникло состояние блаженства. Но объятия тут же разжались, и когда он открыл глаза, женщины уже не было. Исчезла бесследно, хотя такое представить было трудно.

— Понятно, — пробормотал Петр совершенно растерянно, — вот Евины дочки, никакой у них конкретики!!

Он поднялся с лавки, надел перчатки и степенно вошел в подворотню. Краешек луны давал достаточно света, но там никого не было, совершенно как в прошлый раз. Ни этой загадочной женщины, ни «отморозков», ни даже следов на белом снегу.

— Ладненько, будем сами искать ответ на поставленный мною вопрос!

Петр повернулся, и тут же в лицо выюга бросила снежный заряд, потом закружила, заметалась вокруг него, не давая идти, норовя сбить с ног. Петр, упрямо наклонив подбородок, не обращая внимания на колючий снег, сделал шаг вперед...

Лондон

Крепко сдавив пульсирующие виски ладонями, Уильям Питт-младший застыл над столом, раскачиваясь, словно буддийский монах в трансе. Политическая карьера рухнула неотвратимо и безвозвратно: теперь его сделают козлом отпущения и главным виновником разразившейся катастрофы.

— Все кончено...

Русские в предместьях Лондона, их проклятые броненосцы плавают по Темзе, как гуси в собственном пруду, с часа на час может начаться штурм, который закончится разграблением и сожжением столицы.

Питт невидящим взором уставился на стол, где лежал листок бумаги — царский манифест «О причинах войны с английским королевством». Многие лорды усмотрели в этой бумаге именно вину самого Питта, что, возможно, организовал покушение на жизнь русского императора и его сыновей. А цареубийство, как ни крути, слишком серьезное обвинение для того, кто на этом грязном деле попался.

Хотя британские джентльмены, заседавшие в парламенте, еще не потребовали его головы, но такое мнение многие депутаты уже выразили. В любом случае этот вопрос решится в ближайшие часы, если уже не отправили его в отставку.

— Проклятый византиец! — Питт выругался, с ненавистью подумав о русском императоре. Он обманул всех — и его, и лордов Адмиралтейства, и генералов. Всех!

Восстания в Ирландии и Шотландии были спровоцированы русскими для отвлечения туда значительной части британских войск. Солдаты не успели прибыть ни на «Изумрудный остров»,

ни в горную Каледонию, а также не смогли вернуться к Лондону, где вчера были разгромлены последние уцелевшие батальоны.

Особенно пострадал флот Его Величества — непробиваемые ядрами броненосцы да чудовищные «копья сатаны» в одночасье лишили Англию многовекового владычества на море.

— Один год, всего один год! — простонал Питт, сжимая пальцами голову. Вчера он собственными глазами видел, как героически сражался и погиб «Дредноут». Страна была в силах построить десяток таких мощных кораблей и вдвое больше линкоров с паровыми машинами. Успела бы полностью перевооружить армию новыми винтовками, заводы уже были готовы выпускать такое оружие. Но не хватило времени, какого-то года!

Питт снова простонал, чувствуя, как горячий комок подкатывается к горлу. С пронзительной отчетливостью он понял — в том, что случилось со страной, главная вина на нем, ибо он как премьер-министр не предусмотрел, не предвидел.

— Жизнь окончена... — тихо прошептал Питт, недрогнувшей рукой взяв лежащий на столе заряженный пистолет...

Париж

— К вам министр Талейран! Прикажете принять?

Фуше состроил брезгливую гримасу и отодвинул от себя бумаги, хотя и был сильно занят, но положение обязывало. Главу внешнеполитического ведомства республики он ненавидел всеми фибрами души, считая пронырой и мерзавцем, ибо тот ухитрился предать всех и вся, построив на этом свою политическую карьеру.

Хромца — а такое прозвище утвердилось за Талейраном, одна нога которого была искалечена, — можно было презирать и ненавидеть, но не считаться с ним Фуше никак не мог, слишком уж тот был влиятелен, пользовался, собачий сын, полным доверием Первого консула.

А потому министр полиции живо поднялся с кресла, подошел к краю стола и, как опытный лицедей, ведь любой полицейский должен быть хорошим артистом в своем роде, как и дипломат, натянул маску приветливого и радушного хозяина, просто не чающего души в долгожданном госте:

— Я очень рад вас видеть, гражданин министр! Вы оказали мне большую честь, посетив столь угрюмое заведение, как мое, которое в Париже все стараются обходить...

— Ну что вы, что вы, мой друг! — Голос Талейрана сочился такой непритворной любезностью, что Фуше сразу же насторожился — Хромец пользовался славой изрядного пакостника, а такой приветливый тон был подобен коварному пению сирены, завораживающей очередную жертву.

Фуше давно бы собрал на главу внешнеполитического ведомства убойный компромат, но вот беда — этот проныра старательно отсекал от себя британских посредников и совершенно не польстился на блеск английского золота, в отличие от того же Пишегрю. Так уж повелось со времен Барасса, что в республике все брали взятки. Важно было только то обстоятельство, с кого взимать мзду.

Но тут даже опытные шпионы, которыми Фуше окружил Талейрана, не доносили ничего предосудительного о его действиях. Нет, святых людей на свете не бывает, Хромец посулы брал и даже гордился этим, но от русских, что было негласно одобрено даже Гошем — все же союзники по «сердечному согласию».

Иной раз министр запускал руку в кошель к австрийцам, особенно при заключении мягких условий мира. Но главным образом беззастенчиво доил, как опытный виллан свою лучшую корову, германских князей и епископов.

Фактическая раздробленность Священной Римской империи на множество мелких государств и владений позволяла министру иностранных дел чувствовать полную уверенность в завтрашнем дне, ибо хитромудрый дипломат охотно брал отдаваемые ему золотые за ничего не значащие обещания от лица республики.

Но сейчас полицейский всем естественным почувствовал, что Талейран пришел с чем-то серьезным.

— Что делается на свете, гражданин министр?

Шутливый вопрос Фуше завис в воздухе, но он успел заметить, как мгновенно сверкнули глаза собеседника.

— На свете много чего произошло... — Талейран улыбнулся своей знаменитой ухмылкой и столь же шутливым тоном добавил: — Очень много творится интересного, о чем бы мне хотелось поговорить с вами, мой друг, и немедленно...

— Об интересном? — Фуше тоже улыбнулся, но его глаза стали холодны как лед: начало разговора ему не понравилось.

— И что же такого происходит в свете, что должно было вызвать интерес министра полиции? Мое дело — Франция, гражданин Талейран! А уж все остальное, — Фуше картинно развел руки, — в компетенции вашего ведомства, или я ошибаюсь? Да вы присаживайтесь, разговор, как я понимаю, будет о неких серьезных делах?

— О да! Вы, как всегда, чрезвычайно догадливы и правы, гражданин министр! Речь пойдет о Втором консуле республики. Ведь он в вашей компетенции после событий на улице Сен-Никез, господин министр? И о Новом Свете, который мы рискуем потерять...

Новый Орлеан

— Кому выгодно убийство генерала Моро? Как только ответим на этот вопрос, Алексей Петрович, будем знать, что нам делать!

Граф Резанов наклонился над подсвечником и заново раскурил потухшую сигару. Выглядел наместник усталым, лицо посерело — он не спал уже вторую ночь, как и сам Ермолов.

Вот уже вторые сутки весь Новый Орлеан походил на взбаламученное болото — убийство Второго консула республики взбудоражило весь город, на улицах стояли солдаты поднятого по тревоге французского гарнизона.

Не меньшая суета царила и в порту. Военные корабли союзных держав спешно готовились к выходу в море, и, глядя на такой аврал, можно было подумать, что нападение британского флота ожидается с часу на час.

— Я думаю, Николай Петрович, — Ермолов заговорил осторожно — подполковник за последние сутки совершенно измотался. — Второй консул был неудобен очень многим. Англичанам — как завоеватель Канады, нам — все из-за того же камня преткновения, слишком играл на руку североамериканским дельцам. Приложил ли к этому руку Вашингтон? Не знаю... Но если некое соглашение было подписано, а эти торгаши признают его действительным, то в конечном счете убийство выгодно им.

— Нити могут вести и в Париж, Алексей Петрович! Моро — соперник Гоша и Первый консул республики мог отдать этот приказ. Особенно после того, как прошлой весной Моро уступил центральные провинции Канады североамериканцам...

— Это вполне вероятно, Николай Петрович, не могу не признать! Такое решение более чем возможно...

— В том-то и дело, полковник, — усмехнулся наместник, горестная складка собралась в уголке рта. — Когда слишком многие жаждут смерти, то удара кинжалом следует опасаться с

любой стороны. Впрочем, Алексей Петрович, этим делом предстоит заниматься только вам, а я сегодня же отплываю в Мексику. А посему нам предстоит обсудить некоторые аспекты вашей будущей деятельности в здешних краях.

— Я вас внимательно слушаю, граф, — осторожно произнес Ермолов. Такая увертюра к дальнейшему разговору ему сильно не понравилась, от нее ощутимо пахло государевым «словом и делом», что могло дать как толчок к стремительной карьере, так и весьма фатальные последствия для носителя подобных секретов...

Альхесирас

— Это Альхесирас, мон альмиранте. Гибралтар совсем рядом, осталось совсем немного. Ваши корабли чудесны, я в полном восторге — они имеют великое превосходство над британскими, способны уничтожить любого противника! Это великолепно!

Ушаков внимательно посмотрел на гористый берег, тянувшийся вдаль, и снова повернулся к испанскому флотоводцу — под стук паровой машины они вели интересный разговор в адмиральском салоне, начавшийся еще ранним утром, после того, как гость досконально изучил русский линкор, спустившись даже в угольные ямы.

— Дон Федор! — Вице-адмирал Гравина уже научился произносить русское имя почти без акцента, и Федор Федорович Ушаков уже не улыбнулся. — Мы одержали величайшую победу, мон альмиранте, и только благодаря вам и вашим доблестным русским морякам!

— Полноте, дон Фредерико, вы сражались не менее отчаянно и тоже заслужили великую славу вместе с нашими союзниками французами. Это наша общая победа!

— Но главный вклад ваш, дон Федор. Мы с покойным Вильневым лишь помогли, — Гравина тяжело вздохнул и добавил с печалью в голосе: — Но потеряли очень много кораблей!

— Вот об этом печалиться не нужно, — Ушаков улыбнулся, сочувствуя. — Главное, что потери в экипажах не очень большие. А старые линкоры... Невелика потеря! Можно было бы и все их утратить, все равно года через три-четыре их придется разбирать на дрова. На море наступили совсем другие времена, ветер уступил место пару!

— Это вы, мон альмиранте, можете позволить себе строить корабли с паровыми машинами. А у моей страны денег на них просто нет. Сами видите, до чего довел мою Испанию... Годой.

Федор Федорович с немим удивлением посмотрел на испанского адмирала. Тот о чем-то недоговаривал и явно хотел произнести имя короля, но в последний момент поменял на ненавистного премьер-министра. А это было симптоматично. Ушаков решил «прощупать» настроение собеседника, помня настоятельную просьбу князя Кутузова.

— Мой император поможет вам! На наших верфях для вашего флота уже строятся семь линейных кораблей с паровыми машинами. А также десяток более мелких — фрегаты, корветы, посыльные пароходы. Все это вы получите через два года, не позже. И совершенно безвозмездно. К тому же наши войска выбьют британцев из Гибралтара, если уже не взяли эту крепость. Недаром император отправил с войсками своего сына, а командование поручил внуку. Ведь, несмотря на молодость, принц Иоанн Александрович опытный воин, тем более с ним один из самых знающих наших генералов — князь Кутузов, лучший ученик и соратник фельдмаршала Суворова!

— О да! — Лицо Гравины расплылось в улыбке. — Гибралтар будет взят, в этом никто не сомневается. Инфант Хуан любим всеми — тем более что его высочество есть живая связь с великим императором, чья поддержка для нас жизненно необходима. И даже более...

Гравина остановился и черными, до предела серьезными глазами посмотрел на Федора Федоровича — русский адмирал подобрался, поняв, что испанец сейчас заговорит об очень

Лондон

— А ты помолодел, Александр Васильевич, еле догнал! И все в трудах, и все в заботах...

Поручик Денис Давыдов стоял навывтяжку, молодецки выпятив грудь, за князем Багратионом и восторженными глазами взирал на двух величайших людей России, как искренне считали все стоявшие здесь рядом генералы и офицеры русской армии.

Император Петр Федорович лихо спрыгнул с подножки кареты, будто ему не три четверти века исполнилось, а вдвое меньше лет. Но и фельдмаршал не уступал монарху в подвижности — задорно потряхивая хохолком на голове, подвижный как ртуть, он буквально поедал глазами предместье английской столицы, розоватое в восходящих лучах солнца.

— Еле догнал тебя, фельдмаршал, — вскачь карету гнал!

— То не я, батюшка-государь, то чудо-богатыри твои быстро ходят! За три дня сто верст одолели! Штыками дорогу проложили!

— Мои солдаты, это ты верно сказал!

Тут Денис заметил, что Петр Федорович еле заметно хмыкнул. Государь был весел, улыбался, но глаза хоть и блестели, словно принял самодержец пару рюмочек, но смотрели пристально и властно, так, что все генералы четко стояли во фронте.

— Солдаты-то мои, фельдмаршал, а вот чудо-богатырями ты их сделал, тебе и слава! И что делать будем, с ходу брать?

— Так точно, ваше императорское величество! — Суворов радостно подпрыгнул на месте и сияющими глазами посмотрел на генералов. Гусар постарался как можно незаметнее улыбнуться — военачальники, как застоявшиеся жеребцы, рвались в бой. Ведь за взятие вражеской столицы, как ни крути, и награды положены соответствующие, за славу России, добытую в бою.

— С кем сражаться-то, государь? Войск там не осталось. Одно мужичье с ружьями да баре со шпагами!

— Вот и вразумите их хорошенько! Научите их огурцы мытыми кушать! Пусть узнают, твари, как с русскими сражаться! И, мыслю, поторопиться надобно: флот уже в Темзу вошел и в полдень десант высаживать начнет, если уже не начал, — Сенявин и Грейг горячи оба! — Голос императора стал заметно строже, и все тут же прониклись, ощутив, насколько важный наступил момент. Осаждать город долго, это Денис хорошо знал, но уличные бои грозили большими потерями, за которые император и наказать мог.

Но все сомнения молодого гусара разрешил властный голос человека, который уже сорок с лишним лет крепкой рукой управлял самой большой державой мира:

— Солдат беречь! Англичан разгонять пулеметами, если с домов стрелять начнут, подкатывать пушки и гаубицы и крушить весь дом, к едрене фене! Вперед пойдут гренадеры и казаки, город отдам на три дня! И учтите, господа, к вечеру сюда доберутся французы! Они хоть наши союзники, но... Сами понимать должны, не маленькие!

По лицам всех пробежала улыбка. Денис даже машинально кивнул. Еще бы! Если русские возьмут Лондон, то тем самым французы встанут в подчиненное положение, а это ох как много значило!

— Фельдмаршал, два часа на подготовку, потом штурм. Я не собираюсь вмешиваться в вашу диспозицию, но прошу вначале отправить парламентаря. Предлагаю королю Георгу немедленно прибыть сюда для переговоров, в случае отказа я вас ни в чем не ограничиваю. Но город должен быть взят! Хоть спалите его, ко всем чертям, хоть превратите в развалины!

— Так точно, государь!

Суворов прямо на глазах потемнел, щека дернулась. Приказ ужасал, но все знали, что это пришла месть. Подтянулся и Денис, знавший чуть больше других, и восторженно посмотрел на обожаемого монарха. Тот заметил этот взгляд, улыбнулся, преобразился прямо на глазах, как актер, по-стариковски заканючив:

— Ой, стар наш Александр Васильевич стал! Все забывает да забывает, вещьцу дорогую потерял...

— Это какую?! — Суворов искренне изумился. — Надежа-государь, я тебя не понимаю!

— Знак Георгия первого класса ты в Лондоне потерял, а кто из генералов первым туда войдет и знак фельдмаршала найдет, то звездой второго класса и пожалуй. Да еще полсотни Георгиевских крестов для служивых разбросано, токмо на улицах поискать хорошо надобно. Так что, господа, время терять не советую! Да, вот еще... Матвей Иванович!

— Я, батюшка-государь! — Донской атаман шагнул к императору, выпятив грудь и демонстрируя усердие. Глаза Платова прямо лучились — монарх к казакам всегда благоволил, и те были готовы хоть в лепешку разбиться, но приказ выполнить, даже беса за рога привести. А уж если государь о чем-то их просил, то дело это чуть ли не святым становилось.

— У меня к донцам просьба великая есть. Прошу исполнить ее в точности, и не мешкая. Если брат мой Георг из города выедет, дорогу ко мне перепутав по забывчивости своей, то с чадами и домочадцами его найти и бережно ко мне доставить. Хочу с ним побеседовать по-родственному о взаимоотношениях между державами нашими!

Париж

— Второй консул ведет какие-то тайные переговоры с президентом Джефферсоном! И пять месяцев тому назад они условились, что как раз в эти самые дни в Новом Орлеане произойдут некие переговоры между госсекретарем, русскими и генералом Моро...

Талейран произносил слова осторожно, не выделяя интонацией своего отношения к делу, — что и говорить, настоящий дипломат. Вот только сказанное министром иностранных дел было сведениями уже давно устаревшими, или, как говорят, «протухшими», и Фуше мстительно улыбнулся, предчувствуя свое незабываемое торжество. Не каждый день можно получить огромную радость, больно щелкнув по носу своего заклятого «друга»!

— Вы имеете в виду, господин Талейран, предложение САСШ? О продаже им нашей Луизианы за четыре миллиона долларов? Гражданин Первый консул уже выразил свое отношение к этой сделке. Мы категорически отказались от продажи...

— Речь идет не о продаже, господин министр полиции, речь идет совсем об ином...

Голос Талейрана стал строгим. Он был готов произнести очередную филиппику, которыми славился в парламенте, но Фуше опередил, нанеся неотвратимый удар:

— Моро давно состоит в масонской ложе филаделффов, нам это давно известно! Как и то, что он дал свое согласие на содействие этим американским торгашам ради их демократии и свободы! — Последние два слова Фуше произнес с такой нескрываемой иронией, будто выплюнул нечто непотребное. — А это уже измена республике!

— Вы уже доложили гражданину Первому консулу? — На Талейрана было больно смотреть.

Какой там щелчок по носу?! Он получил от министра полиции полновесную оплеуху. Его ищейки оказались гораздо осведомленнее, нежели послы и агенты Французской республики за рубежом.

«Полицейская гадина, тварь!»

Талейран всем естественным образом понял, что еще один внешнеполитический конфуз обернется для него полной отставкой, и тут же получил второй сокрушительный удар:

— Гражданин Первый консул уже давно знает об очередной измене Моро! — Фуше тщательно выделял голосом каждое слово. — К тому же в Новом Орлеане сейчас находится граф Резанов, наместник Калифорнийский. А он не допустит продажи Луизианы, под каким бы соусом она ни подавалась, ибо русские категорически против такой сделки. Да и я принял необходимые меры, господин министр... Причем с согласия самого генерала Гоша, и очень-очень давно...

Фуше с нескрываемым злорадством в душе наблюдал, как лицо Хромца смертельно побледнело, а щека и глаз задергались от нервного тика, и с нескрываемым торжеством подумал: «Теперь он мой с потрохами, подо мною ходить начнет и не пикнет! Я из него веревки вить буду!»

Лондон

Карета легко шла по накатанной дороге. Внутри, на мягких подушках, сидел шестидесятишестилетний монарх страны, над которой никогда не заходило солнце, настолько недавно велики были ее владения. Георг III, король Великобритании и Франции, курфюрст Ганновера, ехал к человеку, которого в глубине души боялся, как и все его подданные.

Император Всероссийский Петр III был самым последовательным врагом, и все попытки Англии урезонить эту венценосную особу в своих притязаниях за последние десять лет оказывались безрезультатны. А теперь судьба целой страны зависит от прихоти этого человека, коварного византийца по нраву и московитского варвара.

Последние два года принесли Британии череду несчастий. Против Туманного Альбиона русский монарх сколотил целую коалицию из Франции, России и Испании, к которой примкнули страны Балтийского союза, покорные вассалы Московии — Пруссия, Дания и Швеция.

— Я самый несчастливый король... — тихо пробормотал Георг. Он отдавал себе отчет, что за время его правления Англия потеряла ряд чрезвычайно важных владений.

Первыми откололись американские колонисты, которые образовали собственную страну, а с началом нового века была потеряна Бенгалия, эта жемчужина Индии, и Канада. Так что захват русскими еще нескольких островов в Вест-Индии после таких потерь показался ничего не стоящей утратой.

Но то была прелюдия, а теперь последовал самый страшный удар — враги уже здесь. Французы и русские топчут землю старой доброй Англии, а пруссаки месяц назад захватили Ганновер, далекую вотчину, в которой, впрочем, Георг никогда не бывал.

— Боже праведный!

Голова сильно болела, король чувствовал, что на него накатывает тот приступ безумия, который он перенес десять лет назад и с которым с великим трудом справился. И вот теперь боль вернулась.

Он ехал на встречу со страшным и жестоким человеком, от которого сейчас зависела судьба Англии. Лишившись флота, страна оказалась полностью беззащитной перед вражеским нашествием. Галлы и московиты могут предать ее огню и мечу, оставив после себя пепелище и развалины. Первые жаждут отомстить за Столетнюю войну и за титул короля Франции, что английские короли носили с тех времен. А русский царь...

— Глупец!

Невольное ругательство относилось к покойному премьер-министру Питту-младшему, что

вовлек Великобританию в войну со страшными врагами, не дав ей время на подготовку. А теперь поздно, остается только вымаливать пощаду, в этом его долг короля, и подданные на это надеются. Сейчас главное — умиловить захватчиков, выпроводить их, а уж там...

— Позже они дорого заплатят за это унижение! — с неожиданной силой Георг сжал в кулаке белый листок бумаги с пресловутым царским манифестом.

Новый Орлеан

— В Европе начинается очередной дележ «испанского наследства»! Сейчас на очереди Новый Свет — французы уже прибрали Луизиану, нам достались Калифорния и Техас, а в самом скором времени будет передан и север Мексики. И наша с вами задача, Алексей Петрович, не только уберечь эти приобретения, но и сделать так, чтобы в будущем на них никто не смог посягнуть. Таково повеление государя-императора! — Голос Резанова звучал глухо, но внушительно, и Ермолов, как говорят военные, «проникся» поставленной задачей.

— Какие у вас будут соображения, Алексей Петрович?

«Хитер граф, бросил мне горячую картофелину, придется ее с руки на руку перебрасывать да дуть! Он ведь десять лет в этих краях живет, знающие советники всегда под рукой, а совета у меня спрашивает!» — Мысли Ермолова текли подобно горному потоку, а язык начал говорить совсем иные вещи, как честному офицеру русской армии и надлежит делать:

— Я здесь всего несколько дней, ваше сиятельство, но считаю, что древние римляне были правы, когда говорили про главную заповедь Империи...

— Разделяй и властвуй? — Глаза Резанова чуточку сузились. — Ну и как же вы видите, господин полковник, реальное воплощение в жизнь этого постулата?

— Нанести военное поражение североамериканцам, причем не своими руками...

— Ну, и что это даст?

— Колонисты тут же начнут тратить огромные деньги на войну, их активность резко спадет. Да и поток переселенцев из Европы начнет иссякать, если совсем не прекратится.

— И с кем же они воевать станут, Алексей Петрович? С французами, что с ними в союз вступили?!

— Лучше всего сравить с англичанами. Для начала обещать Британии вернуть ей Канаду, а затем и все Северо-Американские Штаты, в прежнем качестве колонии. И желательно вызвать такой раскол, чтобы одни американцы начали резать других!

— Хм... — Резанов прикусил губу. — Оригинально мыслите, Алексей Петрович! Государственно, я бы даже так сказал... Но, к сожалению, принять такое Тамерланово решение не в моей власти, но его императорскому величеству я немедленно отпишу.

— Было бы хорошо, Николай Петрович! — Ермолов, как безумный пловец, очертя голову бросился в ледяную воду. — Немедленно начать вооружать индейцев и подстрекать их к нападению на колонистов! Деньги предлагать не нужно, они их используют мало, зато патроны и ружья помогут нам сравить аборигенов с колонистами. И тем самым уберечь наши завоевания от завоевательных набегов, как тех, так и других...

— Что-то в этом есть! Так покойный граф, то есть князь, я хотел сказать, Григорий Григорьевич Орлов любил делать. Одна Ситка чего стоит! Над этим предложением следует хорошо подумать.

Резанов восхищенно покачал головой, помолчал с минуту и неожиданно бросил лукавый взгляд на офицера:

— Чую нутром, что у вас в заглазнике еще что-то есть?!

— Да, ваше сиятельство! Чернокожие рабы...

— Вы имеете в виду негров?

— Так точно, ваше сиятельство! Масоны на Севере проповедуют свободу, но плантаторы из Южных штатов — сторонники рабства в самой чудовищной форме. Нужно их сравить между собой, постараться, чтобы эта война шла как можно дольше, принесла огромный ущерб и не привела к победе какой-либо из сторон!

— И что это даст России?

— Раскол, ваше сиятельство, приведет к внутренней дестабилизации Северо-Американских Штатов, а потому внешней экспансии не будет. Они сами пожрут друг друга!

— Что ж, Алексей Петрович, я искренне рад, что вы приехали именно сюда, и счастлив — у меня имеется столь надежный и знающий помощник. А посему поскорее принимайтесь за дело, время упускать нельзя. Сами видите, что здесь творится!

Альхесирас

— Принц Астурийский погиб два года тому назад, и у нас нет другого наследника престола, кроме... принца Хуана! Но наш король безволен, простите меня, я говорю честно, как мне ни больно. И страной управляет Годой, выскочка и... Теперь, после победы при Трафальгаре, в Мадриде более серьезно отнесутся к моему мнению, которое поддерживают все адмиралы и офицеры испанского флота... — Гравина остановился, сжал губы, лицо светилось решимостью и торжеством воли.

— Все, мон альмиранте, это так! Мы приняли решение отстранить Годоя от власти и коленопреклоненно просить стать регентом королевства родного племянника Карла инфанта Хуана! Мы его все видим достойным наследником престола и принцем Астурийским, а при нем королеву-мать, сестру нашего несчастного монарха...

Ушаков внимательно посмотрел на Гравину, и тот после короткой паузы, побледнев, произнес:

— Я прошу вас, мон альмиранте, довести мои слова до вашего императора, которого мы безмерно уважаем и восхищаемся. Мы просим не оставить наше несчастное королевство без покровительства, а мы возведем его внука на престол... То есть я хотел сказать, что настим и король Карл назначит его своим наследником...

Последняя фраза звучала настолько фальшиво, что Федор Федорович понял, что судьба безвольного короля предрешена — флот и, возможно, армия, две опоры монархии, уже приняли решение произвести переворот с отречением монарха от престола.

Такое бывало не раз и в России, где до императора Петра Федоровича часто происходили подобные события, даже в первый год царствования этого великого человека случились известные события в Петербурге, где подняла мятеж гвардия.

Ушаков чуть улыбнулся — несмотря на ужас от пролития крови, он чувствовал гордость. Ведь именно флот безжалостно раздавил гвардейских бездельников, вздумавших распоряжаться престолом. И правильно сделал — теперь все видят величие России и дела императора.

— Хорошо, дон Фредерико. Я отправлю корвет в Тулон — там есть искровая станция. Завтра-послезавтра его императорское величество узнает о вашей просьбе. Но позвольте вам заметить, адмирал: в Гибралтаре сейчас их величества царь и царица Московские. Вам следует, на мой взгляд, именно к ним обратиться с такой настоящей просьбой!

— Это уже сделано две недели тому назад, мон альмиранте, и ее величество инфанта Мария выказала нам благосклонность...

Лондон

— Я рад вас видеть, кузен...

Петр усмехнулся — слова короля Георга никак не соответствовали его виду. И хотя английский монарх натянул на губы приветливую улыбку, весь его вид свидетельствовал совершенно об ином состоянии — будто старик умял не меньше пары килограммов лимона за какие-то полчаса.

— И я рад вас видеть, кузен! — со столь же слащавым видом произнес Петр, вот только его голос звенел от еле сдерживаемого гнева. — Я прямо-таки счастлив, что наконец-то добрался в вашу страну, к которой я так крепко привязан всей душой и телом! Ваши военные столь долго гостили у нас, побывав и на Черном море, и у поморов, и на Балтике, отметились они также в Приморье, Камчатке, Аляске и в Калифорнии, и еще в столь многочисленных местах, что просто диву даешься! Причем даже салютовали нам, правда, наверное, по забывчивости забыли ядра вынуть. И уходили тихо, по-английски, не прощаясь... Надеюсь, ваши адмиралы Паркер и Нельсон не обиделись на наше гостеприимство, кузен?

Говорить в таком издевательском и откровенно враждебном тоне с коронованными особами не принято. Дело обычно ограничивается несколькими легкими намеками.

Но Петр решил действовать совершенно иначе, полностью нарушив дипломатические традиции: зачем колоть шпагой по-европейски изысканно, не лучше ли отходить дубиной от всей широты русской души, да с размаха, да без передышки!

Он подумал, что Георг будет что-то возражать, отнекиваться, угрожать, но англичанин молчал, только побагровел, то ли от стыда, то ли от бессильной злобы. Но, всего скорей, второе — крыть в ответ нечем...

Вот такая гримаса истории!

Россию всегда обвиняли в захватнической политике, но никогда, за всю историю, сапог русского солдата не вступал не то что на английскую землю, но даже на британские колониальные владения. Между тем «наглы» отметились вдоль рубежей России, как та озабоченная собачка у забора — где только возможно.

Позднее эту эстафету у них переняли США, еще более нахрапистые и подлые. Только в XX веке эти две страны приложили максимум усилий для ослабления и разрушения Российского государства, даже в годы Гражданской войны отправили оккупационные войска, которые долго «резвились» в Сибири, на севере и на юге. Грабили все подряд, увели или подорвали многие русские корабли, включая легендарный крейсер «Варяг».

Так что чья бы собака гавкала!

— И знаете что, ваше величество, — в Петре заклокотала злоба, как в кипящем котле, — я понимаю, что народец у вас сплошь джентльмены, а потому сволочи, конечно, законченные! И не осуждаю их — такие уж правила в политике они сами приняли. Так что не обижайтесь, если к вам с теми же мерками отнесутся. Недаром в России есть хорошая поговорка: долг платежом красен!

— Речь вашего императорского величества мне вполне понятна, вы великолепно владеете английским языком. Но суть некоторых слов не совсем ясна...

— Да неужто?! — делано изумился Петр, бесцеремонно оборвав собеседника. Взгляд обжег Георга так, что английский король отступил на шаг. В этот момент русский император действительно мог ударить его. — Что уж тут неясного? Вы хотите владеть миром в одиночку и любого, кто не собирается плясать под вашу дудку, нагибаете в интересную позу! Мало того, вы свои кораблики посылаете куда угодно, демонстрируя готовность применить пушки. А ваши министры, кузен, мою жизнь в два миллиона рублей оценили! И охотники на денежки нашлись, вот только мне нож под ребро не удалось сунуть. Зато на сыновей моих покушались, старший до

сих пор кровью харкает. Внука маленького с невесткой на Ямайку ваши моряки увезли и в доме губернатора под арестом держали! Совсем офонарели, башню от вседозволенности сносит?! Террористы хреновы, в заложников поиграть захотели?

— Я не понимаю, в чем ваше императорское величество меня упрекает! Объясните, прошу вас!

Король Георг буквально выпучил глаза, щеки задергались. Петр, пустив в ход «детектор», к своему величайшему изумлению, увидел, что английский монарх не врет. Он действительно не понимает предъявленных ему обвинений.

«В Лондоне всем рулит премьер-министр и прочие лорды! А король не самодержец, а только представительная фигура, вроде зиц-председателя, тем более такой, склонный к безумию. Потому-то они будут этого бедолагу на престоле больше полувека держать! Да и не мог он покушение на меня одобрить — прекрасный семьянин, многодетный отец, души не чающий в чадах, супруге не изменяет. Что я на него наезжаю? Ведь ясно, что вся эта компашка, что Великобританией на самом деле управляет, сама ко мне боится явиться для переговоров, вот и отправила Его Величество за все совершенные ими подлости в одиночку отдуваться!»

Петру на секунду даже жалко стало своего венценосного коллегу по ремеслу, но он жестким усилием воли подавил в себе это естественное чувство, ибо снисходительность к вековому врагу, подлому и коварному, не может быть уместна.

— Ваше величество, брат мой! Дело в том, что премьер-министр Питт и посол в Петербурге Уинтворт перешли все допустимые грани в политике и войне — наши страны могут воевать между собою, но нанимать убийц для монарха?! Где ваша честь?!

— Господин Уильям Питт сегодня утром найден в кабинете мертвым: он покончил жизнь самоубийством, застрелив себя из пистолета, ваше императорское величество. А посол Чарльз Уинтворт, как мне известно, безвестно пропал два года назад!

— Ну и нравы в вашем научном учреждении, хуже, чем на рынке! Мочите друг друга справа налево! — пробормотал Петр на русском языке и сделал радушный жест, приглашая английского венценосца усесться в кресло.

— Разговор у нас будет долгим, ваше величество, поэтому давайте побеседуем в более спокойной обстановке!

Петергоф

Вот уже пятый день начальник дворцовой телеграфной станции, коллежский асессор Федор Миронов, жил в самом суматошном режиме. Не было времени ни помыться, ни сменить одежду, спал он по три-четыре часа в служебном кресле, и то вполглаза. Хорошо хоть обеды носили из дворцовой кухни, а то бы помер с голоду!

Вот и сегодня он принял четырнадцать сообщений, и все из Кале, куда государь-император отправлял корабли из Англии со срочными депешами. А уж от французского берега была протянута телеграфная линия через Берлин и Кенигсберг до самой «Северной Пальмиры». Сегодня Миронов впервые выкроил минутку, наскоро ополоснувшись теплой водичкой, — жена Марфа принесла на смену белье и новый мундир.

Словно чувствовал будущий праздник и оделся во все чистое!

После полудня пришла новая депеша, да еще под грифом ГСД. И теперь Федор стоит в кабинете императрицы, сжимая в руке красный футляр с расшифрованной телеграммой, а по бокам застыли рослые дворцовые гренадеры, держащие в руках фузеи с примкнутыми штыками.

— Господа! — Императрица обвела присутствующих радостным взором. Екатерина даже прикусила губу, дабы ликующе не рассмеяться, но министры все поняли и сразу оживились,

расшались, словно мальчишки на перемене в гимназии. — Аглицкие войска разгромлены! Корабли британские пожжены и в пепел превращены! Все, господа, война окончена! Мой благоверный супруг с войсками занял Лондон, а «кузен» мой, король Георг, согласился на все наши справедливые условия. Победа, господа, и мир!

— Виват! — нестройно, вразнобой, прокричали господа министры, расцветая улыбками. Лишь присутствующие в зале генералы дружно гаркнули согласно уставу и во всю мощь легких. Громко разнеслось, отражаясь в оконных стеклах, знаменитое русское «ура!».

— Празднование подготовить немедленно! Объявляю празднества на три дня по всей стране, начиная с нынешнего вечера. Недоимки слагаю, острожников, кто за грехи малые сидит, отпустить на волю, казенную водку раздавать даром!

Голос императрицы журчал, как веселый ручеек, но на последнем слове споткнулся: бережливая супруга русского царя сообразила, что в этом случае народное гуляние может надолго затянуться, а потому быстро поправилась:

— По три чарки каждому от казны и чернилами руку метить, дабы вдругорядь не подошли! Екатерина Алексеевна лебедушкой прошлась по кабинету и подошла к Федору вплотную, протянув тому руку для поцелуя и оказывая тем высочайшую честь. Телеграфист преклонил колено и припал к надушенной коже запястья руками.

— Вы принесли самую хорошую новость за эти годы, господин... Надворный советник! Миронов чуть не задохнулся от приступа счастья: перейти из ассессоров в советники было величайшим событием для любого чиновника, но чтобы получить два чина сразу?! О таком не то что он, вряд ли и почтенные старожилы почтового ведомства припомнить бы смогли!

Гибралтар

— Сдача неизбежна...

Роберт Хилл стоял на небольшом мысу со звонким названием Европа. Всей спиной генерал чувствовал сотни осуждающих его гневных глаз.

Здесь, на небольшом клочке каменистой земли, собрались сотни британских солдат и офицеров, а также немногочисленные офицерские семьи — несколько десятков перепуганных женщин и детей, а также торговцы и слуги, без которых жизнь любого гарнизона немыслима, тем более такого отдаленного.

Невдалеке раздалась очередные взрывы — русские продолжали беспощадно и неумолимо превращать Гибралтар в груды камней. Лишь сюда, на эту тонкую полоску земли, не залетали их снаряды, сводящие с ума даже самых отважных солдат.

— Сэр, скажите мне, пожалуйста, я вас умоляю, — сколько нам терпеть весь этот ужас? — Тихий женский голос заставил генерала Хилла обернуться и изобразить на лице вежливую улыбку. Перед ним стояла миловидная жена майора Паркса, вернее вдова — час назад капонир с укрывающимся там майором и солдатами был уничтожен прямым попаданием.

— Скоро, сегодня или завтра, подойдет эскадра адмирала Коллингвуда! Корабли вывезут раненых и контуженных, и вас, леди, и всех детей. Если будет необходимо, то они эвакуируют гарнизон или помогут нам отстоять крепость...

Флот был последней надеждой смертельно уставшего за последние дни генерала. Хилл знал только одно — гарнизон держится из последних сил, и если помощи не будет до вечера, то он примет условия капитуляции, которые ему предложил русский полковник.

Сын русского императора оказался очень любезным, предложив до вечера поразмышлять над условиями предложенной капитуляции. Тут он поступил как европеец, но остался по своей сути московским варваром.

Бомбы продолжали сыпаться на крепость, хотя Хилл искренне надеялся дать всем короткую передышку, попросив приостановить обстрел. Он сделал все что мог и сейчас с надеждой взирал на синюю гладь моря.

Если до вечера флот не придет, то капитуляция неизбежна. И не имеет права отдавать своих солдат на бесчеловечный убой, когда те не могут сражаться с подлым врагом лицом к лицу, встретив его штыками. Их просто убьют всех, выпустив еще несколько сотен чудовищных бомб, которые окончательно превратят Гибралтар в руины.

— Так нельзя воевать!

Генерал Хилл пришел в ужас от столь трусливого и бесчеловечного способа русских вести войну — на тысячи фунтов чугуна и железа, выброшенных из пушек, его солдаты платили своей горячей кровью, сотнями жизней, не в силах хоть раз попасть в неприятеля, что укрылся от их огня на безопасном расстоянии.

— Проклятые московиты!

Лондон

— Поймите меня правильно, ваше величество, но ваша страна вековой враг Антанты, и мы высадили сюда свои войска не для того, чтоб уйти. А потому, как мне видится, из ситуации есть только два выхода. Первый — полностью уничтожить Англию как самостоятельную державу, возможности для этого у нас есть. Мы высадили двести тысяч войск, и из России я могу привести миллионную армию, чего вполне достаточно для полного разрушения ваших городов и сел, заводов, мануфактур и верфей. Вы будете отброшены во времена Вильгельма Завоевателя, а ваши люди станут добывать себе пропитание поеданием собственных детей...

Слова русского императора звучали небесным громом, хотя он говорил тихо, отчего делалось еще страшнее. Глаза Петра горели невыносимым огнем безумной жестокости, и Георг не сомневался, что этот москвит сделает так, как обещает.

— Я недавно смотрел чудные бумажки, где вы нарисовали, я имею в виду ваших подданных, моих офицеров, солдат и казаков в самом неприглядном виде. Вот, полюбуйтесь!

Георг взял отпечатанные рисунки и сразу узнал их. Они были помещены в газетах: на первом — бородатый, очень косматый казак поедал крошечного малыша прямо на глазах его матери, а на второй — русские офицеры насиловали и грабили добропорядочных горожан.

— Вот замечательный пример вашей независимой и объективной прессы! Как вы сами видите, мои офицеры и казаки вполне приличные люди. Первые, кстати, дворяне и весьма обижены на столь злостную клевету. Я, кстати, отправил казаков за авторами этих гнусных пасквилей и за редакторами газет. Их ждет суровое наказание...

— Вы отправите их в Сибирь? — Георг с трудом вымолвил страшное слово. Вся Англия знала этот суровый край, куда русский тиран отправлял неудобных ему людей, и там, в снегах, они замерзали и их живыми пожирали волки и медведи, что хозяевами разгуливали среди бела дня даже по городским улицам. Совершенно дикий и затерянный в снегах на краю света край!

— Нет, ваше величество, их просто выпорют! Снимут штанишки и пройдутся нагайкой. У вас в ходу больше розги, вы ими детей воспитываете, ну а мы так приучаем к честности и послушанию. Порем-с!

Король поежился, представив, что его самого, жену и детей могут запросто, по приказу, вывести на улицу и там подвергнуть жестокому истязанию. А русский император продолжил говорить тем же тоном хладнокровного убийцы:

— Впрочем, у меня есть такие народы... совершеннейшие дикари! Точь-в-точь как на рисунках! Я думаю, месяцев за пять они вырежут всех ваших подданных, даже на развод не

оставят... Мои казаки по сравнению с ними невинные младенцы!

— Кто эти... люди... — с трудом вымолвил последнее слово Георг, буквально выдавив его из горла. Теперь стало по-настоящему страшно. Ему с детства говорили, что в России, раскинувшейся на тысячи миль, есть масса диких туземцев, занимающихся каннибализмом.

«Если он их поставил себе на службу, то... Боже Всемилостивый, спаси и сохрани Англию!»

— Люди? — удивился русский император. — Это скорее звери в человеческом облики! Любой цивилизованный человек придет в ужас от их вида, даже тролли и гоблины покажутся милыми существами рядом с ними! Вы просто ничего не слышали о народах Гога и Магога, о жестоком стройбате, о полночных воителях, именуемых клопами, — последних даже казаки боятся и я, признаться, опасаюсь! О-о-о! Вы многого не знаете! Но у вас будет возможность с ними познакомиться и увидеть наяву...

— Не нужно, не надо, прошу вас, ваше императорское величество!!! — почти взвизгнул Георг.

Перспектива чудовищного нашествия его испугала. Теперь он твердо осознал, что московский тиран способен на подобную жестокость. Продолжение войны будет означать полное уничтожение всех жителей старой доброй Англии. Нужен мир! Мир любой ценой!

— Мой дорогой старший брат, война всегда жестока! Разве не лучше путем мирных переговоров послужить христианской вере, что призывает к миролюбию и прощению? Я согласен с большинством обвинений, сделанных на покойного господина Питта, и уверен, что все мои подданные строго осудят столь бесчестные действия!

Король остановился, ему просто не хватало дыхания, и, выдавливая из себя улыбку, униженно попросил:

— Может быть, вы смягчите свой справедливый гнев, ваше императорское величество? А моя страна приложит все усилия, чтобы полностью урегулировать возникшие между нами трения...

Гибралтар

На синей глади моря расплывался черный дым, затягивая пеленой многие мили.

— Господи праведный!

Хилл омертвел от ужаса. Вместо белых парусов спасительной надежды на эскадру Коллингвуда страшной волной надвигались русские корабли, неумолимо и жестоко.

— Боже праведный! Неужели они разбили наш флот?!

Такое совершенно не укладывалось в голове. Любой британец с пеленок знал, что могучие линкоры являются верной и надежной защитой Англии. Внутри еще отчаянно стучала надежда, что флот Его Величества просто отстал от русских и сейчас их нагоняет.

Но как он ни вглядывался в море, белых парусов нигде не было видно. Да и русские не бежали, а, наоборот, уверенно шли к Гибралтару. Генерал на секунду представил, как у пушек суетятся матросы, откатывают к портам заряженные орудия, готовые смести залпами все живое.

— Они нас всех перебьют! — раздался истеричный всхлип перепуганной до смерти женщины, спровоцировавший отчаянные крики по всему мысу:

— Подойдут к берегу и всех расстреляют!

— Нас здесь всех убьют!

— Верно!

— Правильно!

По маленькой полоске земли, где сгрудились в страхе многие сотни людей, пронесся

яростный гул. Солдаты перестали быть армией, стремительно превращаясь в толпу.

Генерал всем своим естеством ощутил, что солдаты готовы на бунт и любое промедление принесет смерть уже лично ему. Какое-либо сопротивление бесполезно — жизнь тысяч людей может оборваться уже через полчаса, после залпов приближающихся кораблей.

Генерал Хилл затравленно обернулся. К нему тянулись тысячи рук, и в умоляющих жестах раскрытых ладоней, и в угрожающих, с крепко сжатыми кулаками. Он громко закричал, обращаясь к своему адъютанту, стараясь, чтобы все его услышали:

— Патрик, немедленно поднять белый флаг! Мы принимаем условия московского царя!

Лондон

Совместное заседание двух палат проходило в тягостной атмосфере. Выручило традиционное британское воспитание, невозмутимость и хваленое хладнокровие — все присутствующие восседали с окаменелыми масками на лицах. Лорды, потомки аристократов и депутаты, выходцы из нижних социальных групп — все были потрясены случившимся.

Флот Его Величества, главная мощь Английского королевства, его острый меч и надежный щит, потерпел самое сокрушительное поражение за всю многовековую историю.

Даже испанцы, потеряв собранную с невероятным трудом «Непобедимую армаду», не чувствовали себя столь униженно-раздавленными, как англичане. Потому разгром армии под Мэдстоуном уже не произвел шокирующего впечатления, все и так были ошарашены гибелью адмирала Джервиса и пленением Кальбера вместе с эскадрой.

Сейчас происходило самое молчаливое заседание за всю историю британского парламентаризма со времен «Великой хартии вольностей». Ведь не все, что можно сказать, следует произносить!

Тем более когда вражеская армия стала настоящим хозяином в их доме, что являлся долгие столетия крепостью. Да и русские броненосцы, вставшие в Темзе на якоря и наведшие на город свои чудовищные пушки, рассеяли последние крохи оптимизма.

— Я думаю, господа, — негромко произнес благообразный господин с холеным породистым лицом, — то, что произошло с нашей страной, требует долгого осмысления...

— Согласен с вами, сэр!

Низенький, чуть полноватый господин, еще вчера вальяжно сидевший на мешке с шерстью и властно ведший заседания парламента, только склонил седоватую голову.

— Нам действительно нужно много времени, а потому ваше предложение не нуждается в обсуждении.

Ставить вопрос на голосование не было необходимости. Все присутствующие молча выразили свое одобрение. Действительно, условия мира, навязанные стране, унижительны и тяжелы, но все в этой жизни течет, в том числе и время. Пройдет несколько лет, и оккупанты уйдут, пролетят еще годы, и будут новые армия и флот.

А уж тогда можно будет пересмотреть навязанные условия и разорвать наложенную на горло удавку!

Англичане всегда славились терпеливостью, настойчивостью и железной хваткой, как известная собачья порода, издавна живущая на Острове и ставшая его неофициальным символом, ибо главный — два королевских льва — должен вечно править миром...

Гибралтар

— Я оставляю всем офицерам шпаги как знак признания их необычайной доблести!

Александр с улыбкой смотрел на своего первенца, чувствуя, как тонкие пальцы жены крепко сжали запястье. Он нежно взглянул на нее — Мария вся светилась, это был и ее день. Она гордилась сыном, что сейчас, в пышной испанской военной форме, с высшим орденом «Золотого руна», пожалованным дядей по матери, королем Карлом, принимал капитуляцию гарнизона от английского генерала Роберта Хилла.

Крепость Гибралтар теперь возвращалась под сень испанской короны, и это являлось знаковым событием для всей страны. Вот только вряд ли «любезный брат Карл» будет в будущем главным героем этого события, скорее всего, так и останется одним из никудышных монархов, который даже не удосужился прибыть к осадному корпусу, поручив командование, с правом производства в чины, русскому принцу, своему племяннику.

«Напрасно он это сделал, теперь кастильские вояки обрели нового кумира. Хотя... что мог Карл, когда на этом назначении настоял мой отец, держащий его за горло. Без помощи России и Франции испанцы только терпели поражения, а тут такие победы!»

Александр видел кругом яростно преданные взоры испанских генералов и молодых полковников, получивших чины и награды за взятие британской твердыни, в которой они практически не принимали никакого участия — все решили орудия.

Но не они были главными виновниками торжества — испанские и русские моряки, одержавшие величайшую победу при мысе Трафальгар, сторицей отомстили чопорным британцам за давний разгром «Непобедимой армады». Вот их-то сын и наградил больше всего, и тоже русскими орденами, ибо испанских у него не имелось, а это вызвало небывалый восторг всех присутствующих военачальников.

Два флотоводца — Ушаков и Гравина — светились от счастья: первый с большим крестом Святого Георгия второй степени на шее (император словно предчувствовал победу и заранее подписал указ), а грудь испанца украшала красная лента Святой Анны да ярко сверкала щедро рассыпанными ювелиром алмазами звезда ордена — редчайшая, а потому чрезвычайно ценная награда.

Отдельно стояли русские моряки, чье присутствие объяснялось беленькими Георгиевскими крестами — самой почетной наградой. Внимание Александра сразу же привлек вихрастый гардемарин, совсем юный, но уже герой, единственный со знаком отличия. Именно к нему направился сын, и моряки сразу же окаменели.

— Корабельный гардемарин Лазарев!

— Я, ваше высочество!

Юноша шагнул из строя и застыл, так восторженно взирая на сына, что Александр ощутил легкий укол зависти.

— За необычайную доблесть в бою по праву, предоставленному мне государем-императором Петром Федоровичем, произвожу вас в первый офицерский чин!

Лондон

Зрелище было пышным и праздничным, но таким, каким его лондонцы не представляли даже в самом кошмарном сне.

Мир между Антантой и Великобританией был подписан в присутствии коронованных особ, многочисленного генералитета, блестящего эполетами и наградами, выстроившихся союзных войск и целого сонма представителей английской власти.

Солдаты радостно кричали «ура», всячески выказывая свой восторг, англичане, натянув на окаменевшие лица кривые улыбки, только изображали радость — кислую, как зеленое яблоко.

Впрочем, перемена в настроении островитян оказалась разительной, раньше они стояли,

как приговоренные к четвертованию. Сейчас же лорды необычайно оживились, когда услышали о послаблениях, которые им даровал Петр с согласия генерала Гоша.

«Мните себя самыми хитрыми в мире, милорды! Ну да, кормить пять лет оккупационные войска не столь тяжкое наказание, а там можно начать строить паровые корабли и армию перевооружить. На все лет десять потребуется, а потом вы реванш затеете взять. Вот только не надо меня за дурака считать. Мир станет совсем иным — колоний больше не будет, Африка с Австралией да Азией от нашествия европейцев спасутся. А факторий у вас будет столько же, как у нас.

Да и воевать будет проблематично — кельтов в Ирландии, Уэльсе и Шотландии мы вооружим, да и свои войска, чуть что, к ним на помощь бросим. Так что без колоний, милорды, вам одновременно содержать сильную армию и флот силенок и денежек не хватит. А та, что будет... Вы ее на войну за обретение Канады истратите. Это мой вам троянский конь, подарочек, который лучше не брать! Мы с Гошем вам даже поможем... Канаду вернете, обязательно вернете!

И аппетит свой этим раззадорите. И все! Долгая, изнурительная резня с американскими колонистами, в которой вы, вражины, друг друга обескровите полностью. И так будет всегда! С вами ведь тоже нужно поступать по принципу — разделяй и властвуй!»

Петр оглядел своих адмиралов и генералов — они блестели, как только что отчеканенные империялы. Дождь наград оказался обильным, но Георгиевские кресты Петр, по своему обыкновению, придержал. Раз не было штурма, нет и главной боевой награды!

Единственным исключением был фельдмаршал, через грудь которого шла черно-оранжевая лента, скрепленная на концах большим белым крестом.

Александр Васильевич Суворов стал первым и пока единственным обладателем награды высшей степени и по совокупности заслуг — начиная от победоносного Индийского похода и заканчивая жутким разгромом войск несостоявшегося герцога Веллингтона под Мэдстоуном.

Старик фельдмаршал прямо светился от счастья, горделиво выпятив щуплую грудь. Эту награду он жаждал очень долгие годы и целые десятилетия шел к ней, не щадя себя, но бережно относясь к русским солдатам. Величайший гений русской армии за всю ее историю, автор «Науки побеждать», казалось, достиг всего, чего хотел в жизни.

Рядом с ним горделиво стоял Гош, увенчанный голубой лентой ордена Святого Андрея Первозванного, причем Петр наградил его звездой с бриллиантами. Таких за его царствование было выдано всего пять штук, так что Первый консул республики моментально уяснил ее ценность.

Впрочем, француз оплатил за знаки внимания в виде русских орденов, увенчавших мундиры его генералов и солдат. Отблагодарил он знатно — русский император стал единственным кавалером высшей степени ордена Почетного легиона. Такой же знак имел до него только один Гош, но никак не награду, лишь будучи Первым консулом республики, высшим должностным лицом Франции.

Один из таких пятиконечных знаков, самый маленький, кавалерственный, увенчал грудь молодого гусара, прицепленный за красным крестом Владимира с мечами. Давыдов, чуточку нахохлившись, стоял за Багратионом. Сейчас поэт что-то шептал себе под нос, видимо, сочиняя торжественные случаю стихи.

«Умри Денис, лучше не скажешь!»

Петр усмехнулся, припомнив сказанные когда-то Давыдовым в иной реальности слова, и вздохнул. Сейчас ему предстояло сделать то, чего он не желал всем сердцем. Но это было неизбежно, и Петр, набрав воздуха в грудь, громко произнес:

— Нашего фельдмаршала князя Александра Суворова за огромные заслуги перед Россией и

престолом на бранном поле мы, Петр Федорович, император и самодержец Всероссийский, повелеваем произвести в ранг генералиссимуса! И чтобы впредь в Российской державе данный чин более никому не даровался!

Суворов побледнел и на дрожащих ногах пошел к Петру, который взял в руки старинный меч, специально взятый для такого случая из Оружейной палаты Кремля.

— Тяжел чин, государь, он меня раздавит! — негромким, крайне серьезным голосом вымолвил Суворов. Петр растянул губы в печальной улыбке, моментально все осознав, и очень тихо, чтобы никто не услышал его слова, произнес:

— Для державы Российской надо! Для ее будущего!

— Ради нее я готов и смерть принять!

Суворов, тяжело вздохнув, медленно преклонил колено, подставляя узкое плечо для клинка меча...

Петербург

Радостный перезвон колоколов всех церквей накрыл столицу. Заходящее солнце играло багровыми бликами на расшитых ризах духовенства, отражалось отблесками на военных мундирах собравшегося генералитета, веселыми искорками играло на парадных нарядах послов, задорно полыхало на лучших платьях горожан, что сегодня чувствовали себя на великом празднике.

Страшной силы гром потрянул весь Петербург, тревожно забренчали оконные стекла. Одновременный залп сотен орудий как бы подвел черту под праздником.

Петропавловская крепость блестела золотым шпилем своего собора. Разукрашенный флагами Зимний дворец выглядел именинником, ведь, как ни крути, великий праздник пришел в град Петров — сокрушен вековой супостат, впала в страх его столица, и король аглицкий Жорж заключил мир на русских условиях.

Двери столичных кабаков были настежь открыты, вино и водка могли потечь полноводной рекой. Но горожане, за исключением особо жаждущих, не торопились уходить с Дворцовой площади, с умилением взирая на величавую императрицу, и низко склоняли головы под благословление патриарха. А затем громко приветствовали ликующие свиты союзных испанского, прусского, датского, шведского и французского послов, носили на руках и подбрасывали в воздух военных.

Народное гуляние захлестывало столицу. И все понимали, что такая же волна торжества сейчас идет по всей России, благо телеграф везде протянул свои провода.

Это был праздник всех россиян независимо от национальности и вероисповедания, ибо народ прекрасно понимал, что последняя преграда на пути к «вечному миру» устранена и больше не придется отправлять сыновей на смерть.

Официальная часть закончилась, когда на Петербург опустились первые сумерки, но темнота не наступила. Город был празднично иллюминирован, а на улицах шло разудалое русское веселье, беззаботное и доброе, и долгим эхом отражались от стен городских домов пересуды:

— Стар я стал, любезный, но с первого дня, как Петр Федорович царствие принял, знал, что наш благодетель Россию возвеличит! Все враги ему покорились: и пруссаки вредные, и шведы, с дедушкой его воевавшие, и англичанку подлую побил, что всю жизнь нам гадила!

— Ох, Кузьма, напьюсь я сегодня, как кабацкая рвань! В ризы напьюсь, от счастья! Вот она, русская слава!

— Недаром мы Святая Русь, и Господь нам благоволит! Сам смотри, Федор,

Константинополь — наш, с французами и испанцами дружим мы крепко! Англичанам ряшку начистили! Ну и кто супротив полезет?!

— Ох, Матрена! Старые мы с тобой стали... Ведь я матушку нашу, Екатерину Алексеевну, девчушкой молоденькой помню! И батюшка наш, Петр Федорович, совсем юный был. А сейчас эвон какой! Орел государь наш! Это я рухлядью стала, но ныне стакан-другой пропустим, грех такой день не отметить! Ох и загуляем, подруга!

— Глянь! Посол венский едет! И что на окна шторы опустил? Чужая радость глаза колет!

Внутри кареты на мягких подушках сидел посол некогда могущественной державы и чуть не плакал от чувства невыносимого унижения. Он помнил ту жестокую гримасу императрицы, что помолодела лет на двадцать, и обидные слова: «Вы чужой на этом празднике жизни, граф! Советую впредь Вене выбирать более надежных союзников!»

Гибралтар

Фаворит королевской четы Годой, ставший по совместительству премьер-министром Испании, чересчур демонстративно выказал инфанту Хуану знаки почтения и преданности и устремился к царской чете, держа шляпу с роскошным плюмажем в руке.

«Бедняга Карл! — горестная мысль пронеслась в голове. Александр чуточку презирал испанского короля, совершенно никчемного правителя, постоянно устраивавшего склоки с собственной женой и дочерьми, столь же бесцветными и бесполезными существами. — А ведь Машеньке совершенно не жаль брата, нисколько не жаль! Может быть, и правы те злые языки, что говорят о визите конюха в королевскую опочивальню, ибо он от нее отличается как небо от земли, вернее, как грязь от прелестного создания!»

Александр очень любил свою жену, был привязан к испанской инфанте, ставшей великой княгиней, а потом и царицей. Сейчас женщина явно понимала, что именно их сына пророчат на королевский престол, а значит, она сама станет королевой-матерью.

Религиозных препон никаких не имелось — и жена, и сын остались в католичестве по настоянию самого императора Петра. И только сейчас Александр Петрович стал понимать, насколько дальновидным политиком является его батюшка, все предусмотрел, все рассчитал, заглянул на многие десятилетия вперед.

— Ваше величество!

Перед четой преклонил колено Годой, и Мария благосклонно протянула ему руку для поцелуя.

— Вы принесли Испании счастье! А ваш сын, принц Хуан, я уверен, вернет ее былую славу! Его уже боготворят армия и флот — самая надежная опора настоящего повелителя!

Александр нахмурился, а Мария расцвела — сказать яснее было нельзя. Царь Московский бросил искоса взгляд на Кутузова и впервые заметил, как тот не отвел единственный глаз, а самым хитрым образом прикрыл его, будто подмигнул.

Сердце тут же опухло — он понял, что эти два хитреца уже все обговорили и решили и в Мадрид давно умчались вестники. Что там произойдет, никому так и не станет известно, но вот что у Испании будет новый король, его сын, Иоанн Александрович, уже давно именуемый здесь инфантом Хуаном, предрешено.

«А ведь зря ты радуешься, Годой! Ты ждешь от нас возвышения, но там Кутузов. Два хитреца не уживутся рядом друг с другом. Тем более ты предал тех, кто тебя возвысил, а мой отец никогда не щадил предателей! Сын пошел в него!»

Так что ты, Годой, получишь совсем не то, на что рассчитываешь! Таких, как ты, в истории много, но имя у них одно... Хотя... Погубив себя как человека, ты, может быть, принесешь

величайшее благо своей стране, обеспечишь ее будущее на века... Не буду я тебя судить, пусть дела твои судят потомки!»

ПОСТСКРИПТУМ

*Иркутск,
24 декабря 1831 года*

— Данилыч, подойди...

Слова давались с трудом — груз прожитых лет ощутимо давил. Шутка ли, тело давно второе столетие разменяло, а сам Петр, тот, который не император, а Рыченков, недоучившийся студент, попавший из будущего, лишь на десять лет помоложе.

— Я здесь, батюшка!

Командир лейб-конвоя Лука Данилов, матерый седуусый казачина, тут же стал рядом, внимательно глядя на своего монарха, которого почитал как родного отца, ибо тот был его крестным. И пусть это был уже внук того самого казачьего сотника, что первым поддержал Петра в самый разгар гвардейского мятежа, но до чего же он походил на отца и деда, что служили верой и правдой много лет.

— Все ушли, Данилыч... Пора и мне на покой. Сними шпагу, положи ее под лавку...

Казак не стал задавать ненужных вопросов, лишь понимающе моргнул, когда освободил императора от оружия. Отгреб ногою снег в сторону, аккуратно положил клинок под дубовую скамью, на которую присел уставший Петр Федорович, совершивший небольшую прогулку по городу в наступавших вечерних сумерках.

— Я славно пожил...

Император добирался до Иркутска полтора года, зная, что срок подошел — «семьдесят лет», как говорила ему ведунья в тот предрождественский вечер 6 января 1992 года.

Поездка получилась и радостной, и печальной. Он искренне восхищался переменами, что произошли со страной, и огорчался, видя слезы на глазах людей, что огромными толпами стекались на пути следования царского кортежа.

Народ долгими сутками ждал его по всему тракту, проложенному через всю Россию, от Москвы до Иркутска. Священники сами просили благословения, что сильно удивляло Петра, плакавшие матери протягивали ему детей, хмурые мужики падали на колени, торговцы, чиновники, казаки — все цветным нескончаемым калейдоскопом прошло перед его взором.

И он прекрасно понял всю горечь — страна с ним прощалась, причем так, что ему можно было гордиться, что жизнь прожита не напрасно. Значит, не зря трудился и страдал, проливал за нее кровь, не зря!

— Данилыч, вот еще...

Петр засунул старческую, холодную как лед руку под теплую меховую бекешу и вытащил серебряный крест на георгиевской ленте, которым искренне гордился.

Экипаж погибшего «Яка» единодушно решил, что император должен принять этот крест за тот ночной бой с британскими линкорами, а если откажется, то и матросы с офицерами заслуженных наград не примут. Ситуация оказалась неординарной, а потому в статут «знака отличия» пришлось вводить дополнение.

— Письмо Ники я написал вчера, оно в секретере. Передай ему сам в руки, когда меня в Петербург привезешь.

— Хорошо, батюшка!

— И еще... — Говорить было тяжело, мучила одышка, но с утра он чувствовал себя намного лучше, будто тридцать лет с плеч скинул. И понял, что именно сегодня и уйдет, и испытал не страх, а облегчение — тяжело жить и молча смотреть, как ушли многие, с кем ты

начал. Да и срок подошел — и так слишком долгий срок ему отвели, такой огромный, что в тот вечер молодой Петр просто не поверил.

— Сыновьям и внукам скажи: душа моя на этой лавке всегда будет... И не убирать ее, кто хочет... рядом сядет... Шпагу оставят, пусть лежит, ржавеет, как якорь...

— Все сделаю, батюшка! — Командир лейб-конвоя склонился перед ним — Петру показалось, что под глазами казака стало мокро, но то могло быть и от снежинок, что падали на лицо.

— Иди... Оставь меня одного...

Казак понятиво кивнул, поклонился до земли и ушел, придерживая шашку левой рукой. Петр впервые увидел, как крестник чуть сгорбился и у него подрагивают плечи, и закрыл глаза, однако память стала тут же листать не те дни, которые он провел в *этом* мире, а услужливо вернула к дням учебы на родном историческом факультете — перед глазами снова завертелись те счастливые дни, и словно часовыми стали лица преподавателей. Тех из них, что вводили веселую студенческую братию либо в страх, либо в великое смущение...

Позвякивая медалями, Рыченков явился для поступления на исторический факультет, что произвело на экзаменаторов неизгладимое впечатление. И хотя для поступления Рыку хватило бы голимых троек — он шел вне конкурса как участник войны, экзаменаторы дружно поставили бывшему сержанту одни пятерки, даже за сочинение, чему он был приятно удивлен, ибо в школе писал как курица лапой.

Впрочем, бездарью он никогда себя не считал, да и не был ею, по большому счету, так что три сессии сдал на «отлично», лишь иностранный язык подпортил на один балл зачетку. Английская мова стала отдельной лебединой песнью.

Чопорная Клавдия Гавриловна Борисова, ледяная и неприступная леди преклонных лет, пропахшая резкими духами и приторным нюхательным табаком, недаром имела «партийную кличку» КГБ и была страшным сном всей студенческой братии.

Попытки договориться с ней «по-хорошему» ни под каким предлогом не проходили, настойчивые же ходатаи лишь усугубляли участь жертвы. Ежегодно несчастные, неоднократно пересдававшие, но все равно отчисленные за двойку по «инглишу», вылетали из стен альма-матер.

Кто-то воспринимал это философски, но в большинстве своем наголо стриженные новобранцы рабоче-крестьянской Советской армии, не успевшие до призыва откосить, как многие представители молодой интеллигенции, утирали сопли в учебке и желали ей как минимум заворота кишок.

Однако бравому гвардии сержанту, доблестному и орденоносному Рыку, она делала скидку и пыталась искренне и от всей души привить знания и любовь к предмету. Петру было стыдно за свое тупоумие, но иностранные языки были всегда для него непреодолимой преградой.

Тем не менее перед экзаменом он три дня и три ночи, что твой Иванушка-дурачок, зубрил наизусть почти неподдающиеся тексты, чтобы, как говорится, не подвести и оправдать «высокое» доверие.

Пределом его мечтаний была жиденьякая тройка с двумя минусами, и, разглядев в зачетке горделивую четверку с заковыристой подписью, Рык долго не мог прийти в себя от радости. Завистливое шипение — мол, дуракам везет — он пропустил мимо ушей.

Однако больше повезло потоку, изучающему французский. Лысеющий, с маслянистыми глазками Кузьмич был в этом деле покладистым, никого не валил просто так, поэтому пацаны решали вопросы пересдачи путем банкета и спонсорской помощи, а девочки получали тройки и четверки с натяжкой. Причем натяжка была с начала...

— Вижу, об учебе вспоминаешь — в ТЕ дни?! — Рядом прозвучал веселый и знакомый

голос. Петр с трудом открыл глаза — женщина, ничуть не постаревшая, в том же ободранном пальто, присела рядом с ним на лавке. Снег падал хлопьями, накрывая все вокруг белым покрывалом.

— Пришла...

— Как обещала. Вставай, пошли, давай помогу!

Ведунья крепко взяла его под руку, и ослабевший Петр ощутил, что она поднимает его одной рукой. Причем не ставит на ноги, а начинает поднимать все выше и выше, так, что закружилась голова. И тут же вспыхнуло яркое солнце...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

*Иркутск,
24 декабря 1991 года*

- Ты уж нас не путай, дружище...
- И как же он сверзился?
- Мяу!
- Затылком здорово приложился!
- Я эту водосточную трубу завтра сам выломаю...
- Комендант тебя взгреет за порчу имущества!
- Мяу-мяу!

Пробуждение шло медленно — раскаленное солнце пустыни стояло перед глазами, блеск светила жег через плотно закрытые веки. Тело было ватным, но каким-то другим — не высушенной плотью мумии, а живым, наполненным спящей силой.

«Бог ты мой!!! Никак это я! И голоса знакомые! Точно — это же Хворище и Лысый, мля буду! И затылок болит, ударили, что ли?»

Петра обуяло лихорадочное возбуждение. Почувствовал волну тепла, которое стала обволакивать его тело, разливаясь по жилам жизненной силой, — словно пересохший ручей наполнялся студеной прозрачной водой, утоляющей жажду измотанной плоти.

Он слышал узнаваемые с прошлого голоса и был не в силах поверить услышанному. Но речь шла именно о нем!

«Так я полез на водосточную трубу и сверзился с нее! Это я помню... Так, это общага, точно — что я, Лысого с Хворищем не узнаю! А как же император, я же им был! Может, это сон? Ну до чего противно мяукает кошка — откуда они ее взяли?! Да закройте ей пасть колбасой, не видите, тварь голодная, а у меня в сумке две палки копченой имелось!»

- Брысь!
- Мявк!
- Не пинай, Вова, дай ей колбаски, что Федорыч принес!

«Точно, мои студиозы — голодные, раз меня по отчеству называют. Ох, парни, с меня должок за вашу выдержку. На улицу сбегали, занесли да икру мечут, не знают, что делать. Интересно, где они кошку нашли да еще в комнату принесли?»

Что-то мягкое и теплое, совсем не тяжелое, запрыгнуло к нему на грудь и заурчало, принеся этим неслыханное удовольствие.

«Кошка!» — догадался Петр.

Мурлыканье словно проникало в каждую клеточку его тела, принося с собою блаженство. Таких ощущений ему испытывать еще не доводилось — и неожиданно руки сами дернулись, настолько ему захотелось погладить это ласковое создание.

- Очнулся! Слава тебе господи!
- Надо же — придется оставить хвостатую! Тварь божья, и благодарность имеет!

«С каких это пор парни православными стали?! Да еще так выражаться начали — раньше совсем по-иному говорили?»

Но мысли тут же ушли из головы — Петр медленно открыл веки, и в глаза тут же ударил яркий электрический свет, какой с керосиновой лампой никак не спутаешь.

«Так это только был сон! — с разочарованием вздохнул Петр. — Только какой-то большой, затянувшийся и красочный. Словно жизнь прожил. Кому сказать — не поверит!»

— Ну ты и напугал нас, урядник! Полез за кошкой на трубу и упал...

— Хотели уже в «спасительницу» звонить!

Мутными глазами он видел, как на него уставились до боли знакомые физиономии — вытянутая от радости Хворища и развеселая, с плутоватыми глазами, Лысого. Вот только одежда у них была того...

Такой никогда в стенных шкафах на «плечиках» у них не висело — косоворотки-вышиванки!

— Ух ты...

Петр, присев на кровати коснулся затылка и невольно застонал от боли — чуть выше затылка, ближе к самой макушке, торчала большая шишка, которую нечаянно сдавил пальцами. Но перед глазами немного прояснилось, и он обомлел — такого быть просто не могло!

Что там за косоворотки?!

Хворище и Лысый были те же молодые парни, только более холеные и с ясными глазами. Да и запахом табака от них не несло, и застарелого перегара не чувствовалось. И белая кошка, пушистая, с небольшими коричневыми и желтыми пятнами, самая настоящая, мурлыкала, пристроившись на коленях, не собираясь прыгнуть на пол.

Комната оказалась совершенно иной — чистенькая, с половиками и на два окна. Стояли только три кровати, широкие, удобные и мягкие.

У входа — прихожая, рядом — приоткрытая дверь, внутри он заметил унитаз и край ванной. В левом углу комнаты расположилась маленькая кухня с холодильником, плиткой и столом со шкафчиком.

Напротив — массивный письменный стол с лампой под абажуром, этажерка с книгами, а на стене пришпилена политическая карта мира и толстый отрывной календарь.

— Ух ты...

Петр, словно ошпаренный кипятком, живо соскочил с кровати и замер, почувствовав, что в его одежде что-то не так. Плечи чуть давили желтые погоны с двумя красными лычками, воротник гимнастерки расстегнут, на ногах шаровары с желтыми лампасами.

На груди чуть слышно звякнуло. Опустив взгляд, он увидел серебряный крест на георгиевской ленте, за ним — две бронзовых медали, одна на владимирской, другая на анненской колодке.

«Так вот почему он меня урядником назвал!» Петр прикусил от волнения губу и, взяв в пальцы крест, чуть повернул его, рассмотрев четырехзначный номер «знака отличия».

«Так, пяти тысяч еще не выдано! Либо Россия не воевала все эти годы, и „Вечный мир“ действительно не нарушен, либо мои потомки чрезвычайно скупы на эти солдатские награды. Скорее всего первое, и я как-то ухватил этот крест. Но за что?»

— Все налюбоваться не можешь?

Взгляд Лысого пылал завистью, но доброй, отнюдь не злой. И самым искренним восхищением, с каким любой ребенок смотрит на авторитетного и боготворимого для него человека.

— Всего семь кавалеров за кампанию против кабульского Ахмедшаха появилось — первые за последние полвека. Не воевали давно, а тут у соседей заваруха началась... Да быстро кончилась, как казаки вошли!

«И здесь Афганистан! Какое совпадение... Прав я — не воюют давно, вот и не награждают!» — Петр усмехнулся, взгляд упал на календарь: 24 декабря 1991 года. А под датой чуть мелкими цифрами и буквами шла интересная надпись: «По григорианскому стилю 6 января 1992 года».

— Надо же, день в день, час в час! — тихо пробормотал Петр и с изменившимся лицом

бросился к карте так, что парни отскочили от него в стороны, совершенно растерявшись. — Твою мать!

Ругательство вырвалось непроизвольно — это был не его мир, что он оставил 6 января 1992 года. Вся площадь СССР заполнял красный цвет, перекинувшийся на Северную Америку, где окрасил почти всю западную половину континента, спустившись до Калифорнийского залива. Через все пламенеющее пространство на двух полушариях шла размашистая надпись: «Российское имперское содружество».

— Ни хрена себе...

— Петр, что с тобой?

Голос Лысого чуточку дрожал, и Петр бросил ему через плечо, не повернувшись, настолько его внимание поглотила карта:

— Кошку накорми!

Оранжевый цвет захлестнул всю Латинскую Америку, от мыса Горн до севера Мексики, небольшой кусочек Африки и весь Пиренейский полуостров. Надпись соответствующая имела: «Испанское королевское содружество», все объясняющая.

Балканы алели, словно отблеск России захлестнул их своим цветом, да и такая же самая расцветка окрасила здоровый кусок Палестины и остров Кипр — «Византийское имперское содружество» впечатляло своими размерами и, судя по расцветке, явно тяготело к северному могущественному соседу, как и пылкие испанцы с латиноамериканцами.

Франция желтела цыпленком, ее цвет охватывал не только историческую Галлию, но и Северную Италию. Такая же расцветка охватывала Квебек и всю среднюю часть Северной Америки — Луизиану.

В центре Европы расплывалось большое коричневое пятно, располосованное по краям большими кусками с вкраплениями желтых, красных, зеленоватых и розовых полосок. «Священная Римская империя германской нации», судя по всему, пребывала в состоянии самой пошлой раздробленности с определением различных зон влияния ее соседей.

С севера нависал зеленый цвет самых разных оттенков. «Северное содружество» из Швеции, Дании и Пруссии преспокойно сосуществовало рядом с Россией и, судя по всему, находилось с ней в полном союзе, как и испанцы с французами, — само слово «содружество» о многом говорило. Веское такое слово!

«Не растратили наследие, наоборот, значительно прирастили!»

Петра захлестнула гордость за страну, к такому будущему которой он приложил все свои силы. И тут же его взгляд уперся в «Кельтское содружество» из Шотландии, Ирландии и Уэльса. Их несколько игривый розовый цвет перебросился и на противоположный край океана, накрыв пространство южнее «Великих озер» — Северо-Американские Соединенные Штаты.

Враждебные России государства имели слабые синие оттенки. Англия распространила свою голубизну на Среднюю Канаду и Ньюфаундленд, прошла по южным штатам Северной Америки, что красовались под надписью «Южная Конфедерация Штатов». В синеву запрыгнула и Голландия, утвердившаяся также на небольшом кусочке Южной Африки.

И все — синева присутствовала на всей остальной карте только в виде жалкой пригоршни небрежно рассыпанных кружочков. Зато других «горошин» было многократно больше, они прямо забивали конкурентов, раскинувшись по белым пространствам Африки, Азии и Австралии.

«Крепко англичанам вломили! Ермолов молодец — добился своего, не просто развалил Штаты, но и сделал части враждебными. И мир европейцы не поделили, и Османская империя уцелела, даже Северная Африка за ней осталась. Вот такой расклад мне по душе — многополярное устройство намного лучше противоборства двух сверхдержав и тем паче

доминирования на свете одной только Америки!»

Петр пробежался глазами по Африке — многие названия его удивили. Чего стоило одно только «Великое королевство зулусов». В Азии та же петрушка — Китай с Японией до сих пор «закрыты» и вряд ли представляют из себя экспансивных соседей, несущих угрозу соседям. Впрочем, «дележа» Поднебесной не произошло — территория была свободна от разноцветных точек торговых европейских факторий.

— Федорович, так мы летим завтра на Гавайи? Каникулы ведь рождественские начнутся, да и билеты мы сегодня купили. В Гонолулу отдохнем, на бриг «Надежда» посмотрим. В «Орловский музей» сходим...

— Летим, ребята! — Петр улыбнулся и повернулся к однокурсникам: — Денег-то нам хватит?

— А то! — Вова расплылся в улыбке, подняв стоявшую на холодильнике бутылочку из-под кефира, наполненную серебряными монетами, среди которых поблескивали и золотые кружочки. — Не зря со стипендии треть сюда кидали. Мы по десятке, а кое-кто по четвертному — богач ты у нас единственный! И стипендия у тебя повышенная, отличник наш, да за «Георгия» тебе выплачивают щедро.

— А чего ты банку обратно ставишь?

— Так пусть стоит, где стояла. Кто ее красть будет...

От таких безмятежных слов Петра пробил холодный пот. Но, взглянув в ясные глаза Вовы, он понял, что о воровстве здесь речи быть не может — не только в комнате, но и во всем общежитии.

— Ты как, нормально себя чувствуешь, Федорович? — вставший рядом Андрей вопросительно взглянул прямо в глаза и тихо добавил: — Тогда мы в Казанский собор сходим, Рождество ведь. А ты в казачью Спасскую церковь иди, там тебя все ждут давно, волнуются, сам войсковой атаман уже звонил, спрашивал, как твое здоровье.

— Конечно, идем, братцы! — Петр пожал плечами, подошел к окну и стал застегивать воротник, проталкивая пуговицы в узкие петли. На освещенной площадке перед гимназией стоял священник в рясе, к нему подошла женщина. Их фигуры показались Петру смутно знакомыми.

«Что делать? Вот сакраментальный русский вопрос! Ведь я ни хрена не знаю о здешних реалиях, а ведь нужно учиться! Что делать?» — задав себе вопрос, Петр увидел, как священник с женщиной подошли ближе. При ярком свете фонаря он узнал их, не сдержав вскрик. А те помахали ему в ответ и исчезли, словно растворились.

— Что делать? — Петр снова задал себе вопрос и задорно потрянул головою, на него отвечая: — Будем жить!